

А. АПАНСКАЯ

РАДОСТЬ ТИХАЯ

За радость тихую дышать и жить,
Кого, скажите, мнѣ благодарить?
Я и садовникъ, я же и цвѣтокъ,
Въ темницѣ міра я не одинокъ.

О. Мандельштамъ.

А. ДАМАНСКАЯ

РАДОСТЬ ТИХАЯ

ПАРИЖЪ

1929

Перепечатка и переводы на другие языки воспрещаются
Tous droits réservés

Imp. d'Art Voltaire, O. Zeluk, Dir., 34, Rue Richer, Paris

ПО СЛѢДАМЪ ГЕЙНЕ

ГОСЛАРЪ

Гейне городокъ Госларъ — преддверіе къ Гарцу — не понравился. Попалъ онъ туда, безъ плана, самъ не зная, какъ. «Шелъ вверхъ, внизъ, опять вверхъ, опять внизъ» и попалъ въ Госларъ. Ждалъ внушительнаго, царственнаго города — чего-чего только не было здѣсь когда-то: короли, турниры, заговоры, бои... а оказалось, всего лишь маленькій, среди горъ городокъ съ кривыми, узкими переулками, съ нѣсколькими старинными зданіями...

Гейне посмѣялся надъ Госларомъ — и прославилъ его на вѣки вѣчные.

У самаго входа въ городъ, Гейне примѣтилъ въ одномъ окнѣ горшокъ съ цвѣтами и милую курчавую головку... Цвѣтокъ онъ сорвалъ, милую курчавую головку поцѣловалъ, и каждый просвѣщенный туристъ, вступая въ Госларъ, естественно ищетъ: окно, цвѣточный горшокъ и милую головку.

По топографическимъ намекамъ, этотъ домъ, на подоконникѣ котораго Гейне въ первый свой вечеръ въ Госларѣ цѣловалъ бѣлокурую красавицу, сломивъ ея добродѣтель, испытанной угрозой: «Я сегодня уѣзжаю, и никогда больше не вернусь» — домъ этотъ приходится рядомъ съ знаменитымъ «Ахтерманомъ». Ни цвѣточныхъ горшковъ, ни стыдливыхъ блондинокъ современный туристъ тамъ не найдетъ. Только книж-

ную лавку, гдѣ очень дѣловитыя, энергичнаго вида барышни, правда, еще блондинки (и, навѣрно, состоятъ въ профессиональномъ союзѣ, а вечера проводятъ въ «дэнсингахъ») — продаютъ всѣхъ форматовъ, въ дорожныхъ и дешевыхъ изданіяхъ, съ иллюстраціями и безъ иллюстрацій — «Путешествіе по Гарцу» — Гейне, и выхваляютъ. Продаютъ и деревянныхъ медвѣдей, преспапье и колокольчики, и тоже выхваляютъ: мѣстное производство.

А рядомъ съ книжной лавкой и блондинками — «Ахтерманъ», одно изъ тѣхъ старинныхъ зданій Гослара, которыя нѣсколько примирили Гейне съ этимъ городкомъ.

Когда-то былъ бургомистръ въ Госларѣ, хороший человекъ, звали его Ахтерманъ, умеръ онъ въ 1500-мъ году. Домъ, въ которомъ онъ жилъ, облѣпился стилями нѣсколькихъ эпохъ, догадливыми людьми приобрѣтенъ былъ подъ отель и ресторанъ, гдѣ спали, ѣли, пили пиво знаменитые люди всѣхъ странъ и народовъ, гдѣ ѣлъ и пилъ пиво и Генрихъ Гейне. Тамъ, быть можетъ, и обдумывалъ онъ свое «Путешествіе по Гарцу», быть можетъ, въ этой темной, выложенной дубомъ украшенной великолѣпной рѣзбой, сводчатой залѣ, именуемой, однакожъ, «Комнатой Бисмарка», который тоже здѣсь ѣлъ и тоже пилъ пиво...

А на наружной стѣнѣ угловой башни — самой живописной части дома Ахтермана — въ золоченной рамѣ вопль, выведенный огромными черными буквами: «Не забывай, не забывай версальскаго позора».

Одно изъ интереснѣйшихъ въ Госларѣ зданій, на которомъ остановилъ свое вниманіе и Гейне, это — Кайзервортъ. Когда-то домъ цеха портныхъ, со смѣлыми аркадами, съ затѣйливой рѣзбой внутри, и снаружи, теперь — перворазрядный отель и ресторанъ.

Лакей во фракѣ, тщательно выбритый, гладко-разчесанный, выходитъ на встрѣчу намъ, съ сдержан-

ной почтительностью на лицѣ. Быстрый взглядъ на русскую газету въ моей рукѣ, и въ мигъ исчезаетъ съ лица напускная угодливость. Радостно кривя губы, онъ выпаливаетъ, безъ передышки: «Пожалуйста... Я ужъ позабилъ, но ошень разумю... Люблю ушасно по руску... Пожалуйста... Я въ Минскъ, въ Карковъ, въ Кіевъ, въ Вильковишкахъ весде пилъ на войнѣ. А потомъ военноплѣнный у Симбирска и шенился... Моя жена тоже...»

Діалогъ русской туристки съ нѣмецкимъ гарсономъ въ безукоризненномъ фракѣ не успѣлъ, однако, вылиться въ пафосъ, какимъ грозило его начало. Въ вестибюль вошла дама въ глубокомъ траурѣ, и съ нею молодой еще человѣкъ съ просѣдою на вискахъ, и съ пустымъ рукавомъ у праваго плеча. Услыхавъ русскую рѣчь, онъ остановился, словно прилипли вдругъ его подошвы къ каменнымъ плитамъ, вздрогнулъ и пошелъ дальше. Дама опустила голову и не поднимала ея, пока не исчезла въ низкихъ, со сводомъ дубовыхъ дверяхъ ресторана.

— Г-жа... — бывший въ Симбирскѣ военноплѣннымъ, шопотомъ назвалъ ничего не сказавшее мнѣ имя — одного сына ея убили подъ Варшавой, а другой — вотъ...

Идемъ дальше... На площадь, гдѣ фонтанъ съ металлическимъ бассейномъ. Во времена Гейне въ этотъ бассейнъ били тревогу при пожарѣ. Къ сказкѣ о томъ, что чортъ одной ночью поставилъ фонтанъ на площади, Гейне присовокупилъ, что люди въ то время были еще глупы, и чортъ тоже былъ глупъ, и время отъ времени они обмѣнивались подарками. Сейчасъ фонтанъ не бьетъ, и дѣти, играющіе на площади, врядъ-ли знаютъ, что съ какой-бы стороны фонтана не подойти, къ какому-бы краю бассейна не прикоснуться, — и брызнуть сказка, прозвенить легенда. Только вслушаться. Гейне слышалъ. Ночью, правда. Голоса,

разсказывающіе сказки и легенды, вняты лишь въ тишинѣ. На площади-же въ Госларѣ, съ утра и до ночи тѣсно, шумно, суматошно, Туристы въ одиночку и группами, фрейны, школы, корпораціи, съ пѣснями, съ гимнами и мандолинами... И дѣти на площади играютъ въ игру, одно названіе которой повергло-бы Гейне въ изумленіе. Они играютъ въ «Зипо» (Sicherheits-Polizei).

Нѣсколько голоногихъ короткоштанниковъ выстраиваются передъ оригинальнымъ зданіемъ съ чудесными деревянными комическими фигурами на фасадѣ — зданіе называется «Лацканъ», — тоже когда-то гильдейскій домъ, цеха мастеровъ, шившихъ лацканы къ сюртукамъ, — и о чем-то возбужденно говорятъ. Это — митингъ. Затѣмъ, начинается свалка — не сошлись во взглядахъ. Кто-то свиститъ, другой кричитъ «Зипо!» и это — кульминаціонный моментъ игры, проходящей подъ одобрительныя восклицанія окружающихъ дѣтей зрителей. «Зипо» выбѣгаютъ изъ-за фонтана, преподнесеннаго Гослару чортомъ, тузятъ бунтарей, и при все общемъ ликованіи уводятъ ихъ за уголъ старинной ратуши...

Красиво, пѣвуче перекликаются башенные часы. Также они пѣли въ тотъ день и въ тотъ часъ когда по этой площади проходилъ Гейне съ мѣшкомъ за спиной, который по дорогѣ все разгружалъ, разгружалъ, а передъ самымъ Госларомъ выбросилъ изъ него и пару штиблетовъ, чтобы шагать быстрѣе... Теперь пути сокращаютъ жужжащія во всѣ стороны автобусы и поѣзда, и теперь поэты не выбрасываютъ штиблетовъ изъ своихъ дорожныхъ ранцевъ. Хорошо еще, когда штиблеты въ естественномъ своемъ видѣ у поэта на ногахъ...

Дальше! Выше! По слѣдамъ Гейне, — въ Гарцъ...

КЛАУСТАЛЬ

Въ Клаусталь, маленькій городокъ въ Оберъ-Гарцѣ, прїѣзжаю ослѣпительно-яркимъ горячимъ утромъ. Путь мой лежитъ, конечно, прежде всего къ «Коронѣ» (теперь «Золотая Корона»), гостинницѣ, гдѣ останавливался Гейне.

Не успѣла я сдѣлать пяти шаговъ, — откуда-то, чиз-за деревьевъ звонко, весело гаркнуло: «Добрій вечеръ»! Пауза. И опять: «Добрій вечеръ»!

Оглядываюсь: нѣсколько широко шагающихъ туристовъ съ холщевыми мѣшками за плечами, двѣ старыхъ женщины съ нагруженными зеленью корзинами. И равнодушныя лица. Непонятные звуки непонятной рѣчи скользнули по нимъ, не задѣвъ вниманія.

Надо мной глубокое голубое небо съ золотисто-прозрачнымъ солнечнымъ налетомъ, и подъ нимъ кто-то упорно и радостно привѣтствуетъ меня: «Добрій вечеръ! Добрій вечеръ»!

Внезапно шумно откидывается садовая калитка. А! Вотъ оно откуда!

Подлѣ меня вырастаютъ два босоногихъ, съ палевыми головками мальчика, лѣтъ девяти и десяти, и, смѣясь, искрясь, съ забавнымъ акцентомъ: «Какъ поживаете? Хорошо? Добрій вечеръ»!

Они слышали со своего балкона, какъ я объяснялась съ носильщикомъ, опредѣлили мою національность, и вотъ... «добрій вечеръ»!

Такъ здоровались, узнаю я, военноплѣнные, бывшіе здѣсь, нѣсколько русскихъ офицеровъ и много солдатъ, ихъ очень здѣсь любили, одному даже голову разможило въ каменоломнѣ и на мѣстномъ кладбищѣ похоронили.

Отъ русскихъ и переняли: «Какъ пажеваете? Добрый вечеръ»! Только всего.

За обѣдомъ въ маленькомъ, чистенькомъ отелѣ, жаркое подаютъ не «величиною въ горную вершину», какъ нѣкогда въ этомъ самомъ залѣ подавали Генриху Гейне, а размѣромъ въ большую мозоль, возлежащую на груди картофеля, зажареннаго на маргаринѣ. Говорятъ не о мистическихъ феноменахъ и не о призракахъ, какъ пріятные надворные совѣтники, собесѣдники Гейне. Говорятъ объ углѣ, о томъ, что его мало, и къ зимѣ будетъ еще меньше. Говорятъ еще объ эвакуаціи, репараціи и ратификаціи.

Тайный совѣтникъ изъ Бремена, мой визави, сѣднѣй старичекъ съ румяными щеками, подернутыми, будто вуалеткой, — густой сѣтью мелкихъ морщинъ, — показываетъ своей женѣ, тихой женщинѣ въ траурѣ на меню, и упорно, молча, тычетъ пальцемъ въ слово «меню». — Она, молча тоже, сочувственно, огорченно киваетъ головой. Тайный совѣтникъ вынимаетъ изъ жилетнаго кармана карандашъ, серьезно хмуря брови, проводитъ имъ по «меню», и надписываетъ готическимъ нѣмецкимъ письмомъ: Speise-Karte.

И это не очень смѣшно. Врядъ-ли показалось-бы смѣшнымъ, и великому насмѣшнику.

И буйная иронія Гейне, почитателя Франціи, быть можетъ склонилась-бы передъ наивной и безпомощной печалью этого жеста...

Вечеромъ, я сижу въ саду небольшого кафе на окраинѣ города. Кругомъ горы въ хвойныхъ лѣсахъ, и надъ ними еще горы, и еще лѣса. Воздухъ пряный, хмѣль-

ной, густой, какъ смола. Смолой и пахнетъ, — въ лѣсахъ царить сосна.

Ко мнѣ подсаживается хозяйка, сѣдая, высокая женщина, всю жизнь, какъ я скоро узнаю, не выѣзжавшая изъ Гарца. О томъ, что я русская, она догадалась съ первыхъ моихъ словъ, и, разговорившись, волнуясь, краснѣя, увѣряетъ меня, что всѣ злосчастія, постигшія Германію и Россію, произошли, оттого что...

Но еще все поправимо... Надо только, чтобы крѣпко другъ за друга держались Германія и Россія... Она говоритъ такъ горячо, съ такимъ страстнымъ ожиданіемъ смотритъ мнѣ въ глаза, — я киваю головою, я безмолвно обѣщаю, я согласна...

Успокоенная, фрау Люнеке идетъ въ домъ, и возвращается съ двумя молодыми людьми. Шахтеры. Одинъ ея племянникъ, другой — гость.

Изъ-за сосѣдняго столика встаетъ, учтиво спрашиваетъ разрѣшенія и присаживается третій шахтеръ.

Послушалъ-бы ихъ Гейне, — думаю я, — и, навѣрно, причислилъ-бы ихъ ко второму изъ «четырехъ сословій»: студенты, профессора, филистеры, и скотъ», — населявшихъ въ его дни нелюбимый имъ Геттингенъ.

Но уже чѣмъ, — а освѣдомленностью своей о Россіи эти шахтеры, несомнѣнно, заткнули-бы за поясъ любого профессора, современника поэта, и его самого. Всѣ они побывали въ годы войны въ разныхъ мѣстахъ Россіи, страдали тамъ, болѣли, преждевременно возмужали, впитали въ души свои неизгладимую скорбь. На вопросы ихъ, я не успѣваю отвѣчать. Взволнованно, съ мягкой дрожью въ голосахъ, вспоминаютъ они мѣста, куда бросалъ ихъ кровавый вихрь. И всѣ хотятъ сдѣлать что-либо мнѣ пріятное, обрадовать меня чѣмънибудь.

За что?

Въ шахты, доступъ постороннимъ, особо женщи-

намъ, строго воспрещенъ. Но мнѣ устроить спускъ въ шахты.

— Семь сотъ метровъ глубины! — предупреждаетъ меня одинъ изъ шахтеровъ.

— На этой глубинѣ, — литературно напоминаю я, — Гейне слышалось, какъ въ Америкѣ кричали «Ура Лафайетъ»! Какіе крики теперь доносятся изъ Америки?

Криковъ изъ Америки шахтеры никакихъ не слышали, а Гейне никто изъ нихъ не читалъ. Они переглянулись, примолкли, но одинъ поскребъ у себя за ухомъ, вспомнилъ и шепнулъ другому: — Да тотъ Гейне, Генрихъ Гейне.

— Ну, добрый вечеръ! — услыхала я опять на прощанье, по русски.

Послѣ завтра меня спустятъ въ шахту. Рѣшено.

— Добрый вечеръ! Доброй ночи...

ВЪ ШАХТѢ

Гейне пришлось заучить длинный списокъ правилъ. прежде чѣмъ спуститься въ шахты Гарца: какъ стоять, какъ держаться за воображаемыя перила, какъ перепрыгивать съ лѣсенки на лѣсенку, какъ соблюдать равновѣсіе, и, заучивъ, ничего не видѣть, и не слышать, такъ какъ въ тѣ времена несвоевременная любознательность грозила безславнымъ концомъ на днѣ рудника.

И эта тяжелая процедура приспособляванія тѣла къ лѣсенкамъ, къ влагѣ, къ темнотѣ и копотѣ, дала нѣсколько легкихъ очаровательныхъ страницъ «Путешествія по Гарцу».

Современнаго туриста спускаютъ въ шахты въ «корзинѣ».

Оказалась эта «корзина», — не бѣльевой, не овощной, а ничѣмъ инымъ, какъ — лифтомъ. Правда, безъ бархатнаго диванчика, безъ зеркалъ въ стѣнкахъ, но настоящей подъемной машиной, какія бываютъ въ благоустроенныхъ столичныхъ домахъ, на черныхъ лѣстницахъ. Съ разницей въ благоустроенныхъ столичныхъ домахъ эти машины обыкновенно изъ свѣтлаго холоднаго желѣза, гудятъ и визжатъ, и большую часть года въ неисправности. Эта машина не блеститъ, не визжитъ, не гудитъ, и всегда въ исправности.

Длинный, съ низкимъ каменнымъ сводомъ корридоръ ведетъ изъ зеленаго напоеннаго утреннимъ солнцемъ лѣса, — въ широкій горный туннель. Тускло по-

блескиваютъ рельсы, на которыхъ стоитъ длинный рядъ телѣжекъ-вагоновъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ влажнѣй, темнѣй. Кончились рельсы, маленькая электрическая лампочка подъ сводомъ освѣтила большую черную, стоявшую въ глубокомъ размышленіи лошадь. Въ ожидавшей спуска желѣзной клѣти уже стояла одна телѣжка-вагонъ. Другая смежная клѣть была на днѣ зіявшей черной огромной ямы.

Спутникъ мой, штейгеръ, повелъ меня въ сигнализаціонное отдѣленіе. Я поняла, что въ комнату, или баракъ, откуда кому-то, куда-то даются сигналы.

Но привелъ въ выставочный какой-то павильонъ: яркій свѣтъ, блестящія, хитрыя машины, ослѣпительно бѣлыя кнопки, шары, провода, цифры, быстро выскакивавшія въ нумераторахъ на стѣнахъ, и еще какіе-то непонятные мнѣ знаки, а въ углу за столикомъ двое молодыхъ людей, въ кожаныхъ курткахъ, спокойно-привычно передвигавшіе мѣдные рычажки на стѣнѣ.

Мнѣ что-то серьезно и внимательно объясняютъ, чего я съ серьезнымъ и внимательнымъ лицомъ не понимаю, и мы возвращаемся къ лифту.

Какъ разъ во время. Два шахтера выкатывали на рельсы изъ поднявшейся снизу клѣти нагруженную черной влажной рудой телѣжку. Прозвенѣлъ звонокъ, въ отвѣтъ изъ глубины гулко прокатилось «у-у-у», меня посадили въ мокрый, грязный ящикъ, и засвистѣло въ ушахъ, замелькали передъ глазами близкіе и далекіе огоньки, темныя странныхъ очертаній, человѣческія фигуры безъ лицъ. Широкимъ перекатнымъ эхомъ зазвучало: Halt! А-а-а-а... Разростаясь, затихая, какъ на сценѣ ропотъ толпы.

Никто не удивился необычной посѣтительницѣ. Некогда было удивляться. У маленькихъ, почти, какъ ручныя тачки, вагонетокъ, выстроенныхъ нѣсколько повыше пріѣхавшей вмѣстѣ съ нами телѣжи, ждали уже темные люди съ темными лицами. Меня повели

по корридорамъ, съ такими же низкими каменными сводами, какъ наверху, но выложеннымъ широкими желѣзными обручами и затѣйливой сѣтью проводовъ. Со стѣнъ струится, капаетъ, ноги хлюпаютъ въ частыхъ лужицахъ. Душно, жарко. Огоньки лампочекъ здѣсь красные. Кругомъ нихъ дымная лиловая мгла, и далеко до слѣдующаго огонька непроглядно-черно. Въ глубинѣ корридоровъ и отвѣтвляющихся во всѣ стороны узкихъ проходѣхъ стучать заступы. Мѣрные взмахи, удары о черныя стѣны, падающія разсыпающіяся глыбы. И молчаніе. Здѣсь не разговариваютъ. Некогда.

Шахты эти — однѣ изъ самыхъ богатыхъ въ Гарцѣ оловомъ. Работа идетъ здѣсь днемъ и ночью, съ тремя восьмичасовыми смѣнами. Прежде работали двѣ смѣны.

— Но тутъ еще не такъ страшно, — поясняетъ мой спутникъ. — Гораздо хуже въ плавильняхъ, откуда послѣ двухътрехъ лѣтъ работы, рѣдко кто выходитъ безъ болѣзни легкихъ. Почва здѣсь предательская. Какъ будто все въ порядкѣ, и вдругъ сорвется глыбой-горою, и размножить головы десятку-другому людей. Это случается рѣдко, но все таки случается. Прошлой осенью, при одномъ такомъ обвалѣ убило и одного бывшаго русскаго офицера, жившаго въ лагерѣ интернированныхъ въ Вильдеманѣ.

Поднимаемся наверхъ уже не въ лифтѣ. Онъ занятъ телѣжкой съ рудою. И мысль о томъ, что одинъ разъ можно пропустить его безъ груза, такая мысль тутъ и въ голову никому притти не можетъ.

Штольни соединяются узенькими лѣсенками. Пропускаютъ ихъ небольшія четвероугольныя отверстія. Нужна обрѣтаемая долгими упражненіями акробатическая ловкость, или охота смертная, для того, чтобы одолѣть эти десять лѣсенокъ, изъ одной штольни въ

другую, съ передышками на площадках — игрушечныхъ квадратикахъ.

Вылѣзаю навѣрхъ, вся мокрая, измазанная копотью и грязью, съ порваннымъ подоломъ платья, растрепанная...

Спутники мои учтиво не замѣчаютъ моего превращенія, и выкрикиваютъ внизъ какія-то условныя слова, перекатывающіяся глухимъ волчьимъ воемъ: «У-у-у-у»...

Проводникъ Гейне, обрадовавшись просвѣщенному посѣтителю, подѣлился съ нимъ рвавшимся изъ его сердца, дорогимъ ему воспоминаніемъ о томъ, какъ въ эту самую шахту, соизволилъ спуститься однажды герцогъ, и какой онъ былъ толстый, и какъ его угощали, и какъ онъ много ѣлъ. Мои спутники уже ничьи подданные, и это мало ихъ огорчаетъ. Оба, штейгеръ и молодой шахтеръ, — подписчики «Freiheit» и внушенная имъ въ школѣ идея отечества за время войны (одинъ былъ на восточномъ, другой на западномъ фронтѣ), — преобразилась, и какъ!..

Кое-что слышали они и о томъ, какъ преобразилась Россія. Съ меня берутъ обѣщаніе разсказать подробно, что знаю я.

— Сегодня вечеромъ у фрау Люнеке. Тамъ будутъ «перелетныя птицы».

Они весело смѣются моему удивленію: «Увидите, что за птицы... Вечеромъ. До-свиданія!»

Сигналъ — волчій вой снизу «у-у-у-у». Побѣжали на зовъ.

Они спускались вновь въ черную яму, когда я вошла опять въ сырой, темный корридоръ, за которымъ ждало меня голубое небо, солнце, лѣсъ, благоуханіе...

Не мной, кѣмъ-то мудрѣ меня, устроень міръ. Такъ значитъ надо — однимъ въ черныхъ ямахъ, другимъ на зеленой благовонной землѣ. И потомъ, сказано же и у Гейне: на вопросы отвѣта ждетъ лишь глупецъ...

ПЕРЕЛЕТНЫЯ ПТИЦЫ

Въ этомъ маленькомъ кафе, приткнувшемся къ косматой скалѣ, Гейне въ дни своего путешествія по Гарцу, кофе не пилъ. Самаго кафе еще не было тогда, — оно недавняго происхожденія. Хозяйка его, фрау Люнеке, та самая, что въ первый день моего пріѣзда въ Клаусталь, повела со мной переговоры о союзѣ между Германіей и Россіей, открыла его въ четвертый годъ войны, когда мужъ ея вернулся съ фронта героемъ, съ желѣзнымъ крестомъ на груди и безъ правой руки.

Публика въ этомъ кафе... Гейне, пожалуй, почувствовалъ - бы себя *dépaycé* въ увѣковѣченномъ имъ Гарцѣ, очутись онъ сейчасъ здѣсь, среди этихъ прифранченныхъ шахтеровъ въ пестрыхъ, модныхъ галстучкахъ, и съ «*Freiheit*» въ рукахъ, среди этихъ крикливыхъ, многоцвѣтныхъ «перелетныхъ птицъ»...

И сталь-бы, пожалуй, перестраивать свою лиру, и ничего быть можетъ не вышло-бы...

«Перелетныя птицы». — «*Wandervögel*» — по нѣмцѣи.

Гансъ Блюхеръ, социологъ, профессоръ многихъ наукъ, судя по названіямъ десяти изданныхъ имъ книгъ, человѣкъ, очень ученый, посвятилъ перелетнымъ птицамъ цѣлыхъ два тома.

Въ первомъ онъ писалъ, что «перелетныя птицы»

— это хорошо, оттого что означает здоровое тяготѣніе молодежи къ природѣ, къ самодѣятельности, и полезно для будущаго Германіи. Во второмъ томѣ доказывалъ, что «перелетныя птицы» это — нехорошо, оттого что молодежь, въ скитаніяхъ своихъ привыкаетъ къ праздности, къ самолюбованію, и потомъ — такое тѣсное общеніе предоставленныхъ самимъ себѣ юношей и дѣвочекъ-подростковъ вовсе будто-бы не полезно для будущаго Германіи...

Но кому какое дѣло до Блюхера? Сейчасъ, въ кафе весело. «Перелетныя птицы» — ихъ человѣкъ двадцать пять, — всѣ, какъ на подборъ, — здоровы, красивы, крѣпки, задорны и привлекательны. Поцѣлуй съ любыхъ изъ этихъ алыхъ, смѣющихся дѣвичьихъ губъ, навѣрно, не сопряженъ и съ тысячной долей тѣхъ трудностей, какія пришлось преодолѣть Гейне, чтобы добыть эту разрекламированную нѣмецкими поэтами утѣху съ устъ «прелестной блондинки»...

И вѣтъ отъ нихъ не «лѣтней тихой ночью, не соловьинымъ пѣніемъ, не луннымъ сіяніемъ», какъ отъ гейневскихъ блондинокъ, выдержавшихъ уже такое огромное количество изданій. Отъ нихъ пахнетъ сѣномъ, землей, — оттого, что въ скитаніяхъ своихъ спятъ, гдѣ попало, на сѣновалѣ, въ лѣсу, и вѣтъ отъ нихъ еще откровенно-физиологической отвагой, безшабашнымъ «хоть день, да мой...»

Прилетѣли они сегодня изъ Брауншвейга. Это далеко. Въ дорогѣ, съ остановками, съ ночевкой — двѣ ночи, два дня. Отмахивали въ сутки около тридцати километровъ. Дѣвушки въ пестрыхъ ситцевыхъ платьяхъ, юноши въ синихъ холщевыхъ курткахъ, всѣ—голоногіе. У всѣхъ въ петличкахъ значки ферейна, свѣтленькіе ленточные ордена, за плечами парусиновыя котомки, и въ рукахъ разукрашенные цвѣтами и разнотѣнными лентами мандолины... Ихъ угощаютъ, и сейчасъ они

будутъ пѣть. Молодые шахтеры, прикованные нуждой къ своимъ тачкамъ, смотрятъ на нихъ съ нескрываемой завистью. Эта забавная бродячая коммуна такой дерзкій вызовъ ихъ тяжелой, однообразной жизни...

Изъ разговоровъ съ «птицами» узнаемъ, впрочемъ, что они летаютъ лишь въ лѣтние мѣсяцы, что большинство этихъ юношей уже служатъ въ разныхъ конторахъ, что хозяева косятся на ихъ отлучки, и приходится часто мѣнять мѣста. А дѣвушки... Почти всѣ ушедшія изъ подъ родительской опеки. Изъ-за несласія во взглядахъ...

— И, потомъ, знаете, теперь, теперь всѣ рады избавиться отъ лишняго рта. Пускай хоть перелетной птицей, только-бы на шеѣ не сидѣла...

Въ каждомъ стадѣ, въ каждой стаѣ бываетъ вожакъ. Такой есть и у этой беззаботной стаи «перелетныхъ птицъ». Составитель маршрутовъ, запѣвало, и вмѣстѣ съ тѣмъ теоретикъ, философъ шалой кампаніи. Это блѣдный, бѣлокурый, курчавый мальчикъ лѣтъ шестнадцати, съ синими кругами подъ многознающими уже глазами, со впалыми щеками, звонкимъ голосомъ и невѣроятнымъ аппетитомъ. Проглотивъ десятка два бутербродовъ, нѣсколько крутыхъ яицъ, нѣсколько порцій картофельнаго салата и другой снѣди, онъ вытираетъ ладонью губы, и, тренькнувъ раза два по своей мандолинѣ, объясняетъ что такое «перелетныя птицы».

По его словамъ выходитъ, что это очень хорошо, даже лучше, чѣмъ въ первомъ томѣ Ганса Блюхера. И убѣдительно, какъ дважды два четыре, что если-бы всѣ жили, какъ «перелетныя птицы», вотъ такъ съ мандолинами въ яркихъ лентахъ, ѣли-бы бутерброды отъ хозяевъ кафе, не свивали-бы терпѣливо долговѣчныхъ гнѣздъ, которыя все равно гибнуть отъ перваго непріятельскаго ядра, то жили-бы люди, не вѣдая ни горя, ни

заботъ, и, пожалуй, до войны бы не дошло, развѣ что до состязанія пѣвческихъ обществъ...

Оратору аплодируютъ, онъ раскланивается, дѣлаетъ знакъ товарищамъ, тѣ располагаются живописной группой, настраиваютъ въ ладъ свои мандолины и начинаютъ пѣть. Поютъ хорошо, стройно, съ увлеченіемъ, и съ явнымъ удовольствіемъ сами себя слушаютъ. Слова пѣсенъ незатѣйливыя, безобидныя... О томъ, что весеннимъ розовымъ утромъ хорошо чирикаютъ птицы, но не худо, и когда вѣтеръ шумить въ лѣсу, а чудеснѣ всего быть молодымъ, и вѣрить, что самое лучшее еще впереди...

Шахтеры, молодые и старые, — газеты давно уже исчезли изъ ихъ рукъ, — подтягиваютъ. Притоптываютъ въ тактъ и два-три старика, — мѣстный сапожникъ, пекарь изъ сосѣдней деревни, стрѣлочникъ, пожилая женщина съ овощной корзиной на колѣняхъ. Однорукій мужъ хозяйки за пивной стойкой умиленно покачиваетъ головой...

Одинъ изъ шахтеровъ подошелъ къ «птицамъ», что-то шепнулъ запѣвалъ. Онъ мотнулъ головой, согласился. И вслѣдъ затѣмъ, съ поклономъ въ сторону единственной русской гостыи, затянулъ арію изъ «Царя и плотника».

Зачинщикъ демонстраціи любезно пояснилъ: «Вотъ вамъ и русская пѣсенка».

Запѣвало догадался, однако, что эта «русская пѣсенка» — не совсѣмъ какъ будто современна. И вспомнилъ: «Ахъ, да...» — Даже покраснѣлъ отъ радости.

И «птицы» запѣли — маршъ датскихъ социалистовъ:

Schon dämmt in der Ferne das Morgenrot
Verkündet uns Freiheit und Licht..

Вотъ вотъ — какъ разъ то, что мнѣ нужно: маршъ датскихъ социалистовъ... Утѣшили!

Отъ этого удовольствія естественный переходъ — къ бесѣдѣ о Россіи.

— Ну, а у васъ, всѣ уже такъ, какъ мы, коммуна-ми, перелетными птицами? И хорошо?

Я рассказываю.

Такъ хорошо, милые мои, что и не летаютъ. Отъ хорошей жизни не полетишь...

ДВОРЕЦЪ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА

Для того, чтобы попасть на Брокенъ, гдѣ еще за-долго до Гейне побывали Фаустъ съ Мефистофелемъ, необходимо сдѣлать привалъ въ Вернигероде. Это своего рода преддверіе къ аду. Пѣшіе туристы подкрѣпляются здѣсь передъ ожидающими ихъ эмоціями. Не пѣшіе ждуть «фюникулера», который отходитъ на Брюкенъ своевременно и за пять минутъ до прихода каждаго поѣзда съ туристами. Съ какой бы стороны не подъѣхать къ Вернигероде, алчущіе прослѣдовать дальше на Брокенъ узнаютъ «что поѣздъ только что ушелъ», и оказываются передъ неожиданной пріятной возможностью познакомиться съ достопримѣчательностями Вернигероде. Городъ маленький, тѣсный, пыльный, но кругомъ горы, лѣса, и тѣ и другіе великолѣпны

На главной площади, гдѣ ратуша, фонтанъ и три отеля, сегодня флаги, шумъ, визгъ, давка, пѣсни и неумолкающій дикій хохотъ. Если только преддверіе къ аду, то что тамъ, на Брокенѣ? Освѣдомляемся, въ чемъ дѣло... Никакого, оказывается, бѣсовскаго дѣйства. Просто, фереинъ старыхъ студентовъ какого-то университета празднуютъ 35-тую годовщину не то ферейна, не то своего выпуска. Утвердившись ногами на столикъ углового кафе, можно охватить всю картину праздника.

Посреди площади у неиграющаго фонтана съ бронзовымъ амуромъ (въ обычные дни это онъ наполняетъ

бассейнъ, на сегодня, по случаю праздника ему нака-
зали вести себя прилично) — столъ, заставленный пив-
ными кружками, вокругъ стола степенные солидные
люди, красные, потные, бородатые, угатые, съ широко
раскрытыми ртами, и поютъ. Вѣроятно, что-то очень
смѣшное, оттого что пѣснь поминутно покрывается
взрывами смѣха... За ихъ стульями стѣны зрителей,
свѣтлыхъ женскихъ платьевъ, дѣтскихъ головокъ на
плечахъ и рукахъ отцовъ и матерей. И всѣ подтягива-
ютъ, и всѣ хохочатъ. Когда умолкаютъ долгіе Noch!
— поднимаются два почтенныхъ, толстыхъ человѣка —
профессора, старѣйшіе члены ферейна, съ кружками въ
рукахъ, и говорятъ. Сначала одинъ, потомъ другой. Го-
ворятъ горячо, убѣжденно, честно, что это хороший
праздникъ, что это культурный праздникъ, что это бла-
городный праздникъ, и, поднявъ кружки, пьютъ и смѣ-
ются, и кругомъ тоже поднимаютъ кружки и тоже
пьютъ и смѣются...

Дальнѣйшія рѣчи слушать некогда. Надо спѣшить
къ другимъ достопримѣчательностямъ.

Дворецъ его Высочества... — Какъ жаль, что вче-
ра не пріѣхали — соболѣзнуютъ мнѣ въ писчебумаж-
номъ магазинѣ, гдѣ я покупаю открытки — вчера со-
стоялось бракосочетаніе молодого принца съ принцес-
сой того-же рода по другой линіи. Жители устроили
факельцугъ, весь городъ былъ иллюминированъ...

Гдѣ-то была революція, какіе-то короли развѣнча-
ны, какіе-то принцы въ изгнаніи. Вернигероде такими
дѣлами не занимается.

Высоко надъ городомъ, въ великолѣпномъ замкѣ,
окруженномъ вѣковымъ паркомъ, живетъ всѣми обо-
жаемый владѣтельный князь Штольбергъ-Вернигероде,
и такъ какъ свадебные гости еще не развѣхались, то
доступа въ замокъ сегодня нѣтъ, и сторожъ будетъ
показывать намъ, уже заплатившимъ за входъ тури-
стамъ, достопримѣчательности, имѣющіяся за стѣнами

замка. На сторожѣ дворцовая ливрея, металлическіе пуговицы съ гербами Штольбергъ-Вернигероде, и, упоминая его высочество, онѣ почтительно поднимаетъ къ окнамъ замка глаза и почтительно опускаетъ ихъ...

Онѣ водить посѣтителей отъ одного выступа въ каменной оградѣ къ другому, показываетъ на лиловыя дымныя дали, на тонкія темныя колокольни и предлагаетъ убѣдиться, какой прекрасный видъ отсюда, отсюда, а это...

— Любимое мѣсто было покойнаго князя, а это — вотъ пушка...»

Дѣйствительно, пушка. Съ устремленнымъ на безобидный городъ ржаво-зеленымъ жерломъ. Въ послѣдній разъ она стрѣляла — сторожъ называетъ какую-то очень отдаленную отъ нашихъ дней лату. Оттого, вѣрно, и позеленѣла, что не стрѣляетъ больше — отъ злости...

— А въ этой башнѣ...

Башня тоже въ оградѣ замка, но похожа не на башню, а на крематорій.

Сторожъ внезапно умолкаетъ на полусловѣ, вытягивается и беретъ подъ козырекъ. Посѣтители быстро оборачиваются и замираютъ. На усыпанной желтымъ пескомъ дорожкѣ вдоль стѣны замка дама въ черномъ платьѣ и гофрированномъ чепчикѣ, катила колясочку съ поднятымъ свѣтло-сѣрымъ кузовомъ.

— Маленькій принцъ... — шопотомъ пояснилъ сторожъ.

Коляска была далеко, едва слышенъ былъ шорохъ колесъ, и принцъ завѣшенъ былъ голубымъ шелковымъ пологомъ, но *deutsche Treue* — вещь серьезная... Благостное умиленіе разлилось по лицамъ, изъ устъ двухъ, трехъ дамъ, и стараго учителя изъ Бремена, вылетѣло восторженнымъ шопотомъ: «Маленькій принцъ... Принцъ!...»

Коляска исчезла за угломъ.

Сторожъ продолжалъ: «Въ этой башнѣ содержались раньше медвѣжата — любимцы нашего князя...» «Изъ Россіи вывезены... Князь туда на охоту ѣздилъ, и, обернувшись къ двумъ русскимъ туристамъ національность которыхъ вѣрнымъ глазомъ и ухомъ опредѣлилъ, когда продавалъ имъ билеты, добавилъ: «И великій Князь Владиміръ къ намъ сюда пріѣзжалъ... Очень любилъ замокъ нашъ и Вернигероде...»

Опять поклонъ, сочувственно-пріятная улыбка въ нашу сторону, и нельзя не отвѣтить улыбкой: что-то связываетъ насъ — великій князь, русскіе медвѣжата...

Но гдѣ-же они? О, медвѣжатъ постигла печальная участь. Нечѣмъ стало кормить ихъ во время войны. Но они все таки сослужили службу Германіи, эти русскіе медвѣжата. По распоряженію князя Штольбергъ-Вернигероде ихъ убили, закоптили и послали на Рождество солдатамъ на восточномъ фронтѣ...

Сторожъ опять обрываетъ, опять вытягивается и беретъ подъ козырекъ.

Посѣтителы быстро оборачиваются, кое-кто почти-тельно кланяется. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ медленно проѣзжала карета, съ палево-красными гербами на дверцахъ, съ ливрейными кучеромъ и лакеемъ на козлахъ. На кожаныхъ подушкахъ возлежали двѣ сѣдыя дамы въ черномъ шелку, и милостиво, милостиво раскланивались въ одну, въ другую сторону..

И исчезли, будто съ экрана далекіе призраки. Неужели дѣйствительность?

А подальше отъ этой отжившей красоты, подлинная красота и подлинная жизнь. На нѣсколько десятковъ метровъ выше замка маленькое, незатѣйливое кафе съ террасой на крутомъ обрывѣ. Нѣсколько студентовъ и студентокъ шумно закусываютъ за некрасивымъ столомъ безъ скатерти.

Молодой художникъ усердно закрѣпляетъ на полотнѣ чудесную холмистую лѣсную даль.

Весело играютъ дѣти. Не хочется отсюда уходить.

Ночевать неизбѣжно въ Вернигероде. Завтра, чуть свѣтъ — поѣздка на Брокенъ. Но ферейнъ, пружднующій свою годовщину, занялъ всѣ отели. Старѣйшій изъ нихъ „Gothischer Hof“, — отмѣченъ въ путеводителяхъ тремя звѣздочками: здѣсь когда-то жилъ Меланхтонъ, другъ Лютера, ученый герой Реформаціи.

Въ этомъ отелѣ одна свободная комната, но и та несвободна. Еще недѣлю тому назадъ заказана двумя членами ферейна изъ Гамбурга, и, видимо, какой-то несчастный случай помѣшалъ имъ пріѣхать къ началу торжества.

Я безъ ногъ отъ усталости. Пристраиваюсь въ углу биткомъ набитого зала и жду подтвержденія несчастнаго случая, который дастъ мнѣ желанную радость отдыха.

Еще пѣли на площади, говорили рѣчи, звякали кружки, но уже была ночь — на площади горѣли фонари, повыше звѣзды — когда ко мнѣ подошелъ «оберъ». Его тронуло мое терпѣливое страданіе. Онъ сказалъ: «Вы получите комнату Меланхтона...»

Меня ведутъ — оберъ, горничная черезъ длинный рядъ корридоровъ, раскрываютъ передо мною дверь, я — въ комнатѣ Меланхтона.

Шкапъ, высокій пультъ съ высокимъ табуретомъ, столикъ и кровать съ бѣлой периной. За этимъ пултомъ Меланхтонъ дописывалъ свою «Аугсбургскую исповѣдь» — я ея не читала, — въ этой кровати, подъ этой периной онъ отдыхалъ въ 1577 году, послѣ удара, нанесеннаго Карломъ Пятымъ Реформаціи въ сраженіи подъ Мюльбергомъ. — Въ 1923-емъ году подъ этой периной лежу я. Мысль эта глубоко волнуетъ меня, и

я долго уснуть не могу. Снится мнѣ, конечно, Меланхтонъ.

Въ чемъ-то онъ меня убѣждалъ, съ чѣмъ я никакъ согласиться не могла. Но внезапно выстрѣлила пушка, которая давно уже не стрѣляла. И я проснулась и забыла о чемъ спорили мы съ Меланхтономъ.

Горничная стучала въ дверь.

Къ вѣдьмамъ — на Брокенъ!

НА БРОКЕНЪ

Гейне поднимался на Брокенъ пѣшкомъ. Горный духъ, понимая какую пользу можно извлечь изъ такого «сочинителя, который можетъ все видѣнное описать» по старался и показалъ ему Гарцъ во всемъ его утреннемъ великолѣпіи. Гейне, какъ извѣстно, возлагавшихся на него ожиданій не обмануль: въ стихахъ, и въ прозѣ, въ прозѣ и въ стихахъ...

«За радость тихую» — пережитыхъ въ этой прогулкѣ часовъ возмѣстилъ Брокену рекламой, какую всѣ Куки міра ему сдѣлать не могли бы. На каждомъ поворотѣ горной тропинки, онъ видѣлъ новое чудо, и такъ какъ шелъ одинъ, то каждому чуду могъ давать самостоятельную оцѣнку.

Я этой возможности лишена. Лакированный хорошенькій поѣздъ, идущій изъ Вернигероде на Брокенъ переполненъ любителями и любительницами природы, преимущественно нѣмцами, и неумолкаемый вопль изъ междометій и прилагательныхъ предупреждаетъ каждую мою попытку облечь въ собственныя мысли и слова — свои впечатлѣнія и чувства.

— O! A! Entzückend! Wunderbar! Fabelhaft! Unglaublich! Reizend! Prachtvoll!

И тѣ же восклицанія, прилагательныя въ обратномъ порядкѣ оглушаютъ меня уже въ первыя минуты подъема. Къ концу его, воспріимчивость моя къ горнымъ

пейзажамъ, ущельямъ, каскадамъ, нависшимъ надъ ними тысячелѣтнимъ елямъ — безнадежно притуплена. Сравненіе, восхищеніе, умиленіе подсказываются мнѣ со всѣхъ сторонъ, мужскими, женскими, юношескими, звонкими, сиплыми, хриплыми голосами, и такъ какъ среди орущихъ, захлебывающихся людей, я одна не ору, и не захлебываюсь, то безчувствіе мое возбуждаетъ жалость, которую спутники мои безсильны скрыть. Я читаю ее въ синихъ, черныхъ, голубыхъ и карихъ, ничего не выражающихъ и что то выражающихъ глазахъ, угадываю ее въ движении толкающихъ другъ друга локтей, свѣтлыхъ и темныхъ бровяхъ тоненькими и мохнатыми дужками поднимающихся въ мою сторону....

Я чувствую, что невольно конкурирую съ Гарцемъ. Моему молчаливому, неподвижному равнодушію удѣляется въ вагонѣ почти столько же вниманія, сколько и впрямь сказочному пейзажу, развертывающемуся передъ широкими раскрытыми окнами. Что-бы вернуть спутниковъ природѣ, чтобы отвлечь отъ меня ихъ сокрушенные взгляды, я оскаливаю зубы, изображаю восторженную улыбку — воображаю на что она была похожа, — движеніемъ, перенятымъ у актрисъ, хватаюсь за свою записную книжку, и лихорадочно — лихорадка тоже краденная — покрываю ея страницы письменными знаками.

И тогда я услышала за собою — говорила громкимъ шопотомъ пожилая полногрудая, румяная въ сѣрыхъ букляхъ дама: Eine ausländische Dichterin.

Догадалась таки: чужеземная поэтесса...

Другіе спутники тоже признали меня. Мой раскрытый, какъ у вороны, ротъ, записная книжка, карандашъ сразу утвердили меня въ правѣ находиться среди нихъ, кричавшихъ, оравшихъ, лоснившихся отъ избытка своего Naturgefühl.

Кое-кто даже посторонился, чтобы свободнѣе мнѣ

любоваться можно было. Дама въ букляхъ предложила подвинуться ближе къ окну.

— Разъ вы описываете...

Я не описывала — я записывала: расходы, какіе были у меня наканунѣ въ Вернигероде. И краснѣя подѣ сочувственно-почтительными взорами, я сознавала, что и этотъ честный стыдъ мой за невинный обманъ, приписывается скромности и другимъ добродѣтелямъ, которыхъ я за собою не сознавала.

Когда поѣздъ остановился, мнѣ уже предложили, какъ единодушно кооптированному члену группы: «Хотите съ нами?» — Я не хотѣла. Оставалось только симулировать непониманіе языка. Симуляція удалась. Мнѣ подарили десятокъ другой снисходительныхъ, поощрительныхъ улыбокъ: «ничего, на то и чужеземная сочинительница». И я побрела дна. Спутники мои шумной ватагой — къ ресторану, къ «Брокенгаузу», который стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ во времена Гейне. Я направилась къ площадкѣ, на которой въ хаотическомъ безпорядкѣ свалены огромныя каменные глыбы. Для насъ людей, глыбы, — на самомъ дѣлѣ — мячики, и въ Вальпургіеву ночь ими играютъ черти и вѣдьмы. Гейне, когда онъ приближался къ вершинѣ Брокена слышался топотъ коня мчавшаго сюда Фауста. Быть можетъ, услышала бы и я — старалась я очень, и настраивалась, и думала о Фаустѣ и Мефистофелѣ добросовѣстно, — но хлопанье пробокъ, звонъ посуды, и крики изъ ресторана разрушали всѣ мои попытки самовнушенія.

Иду къ ресторану. — О, какъ непохожъ онъ на шумную, демократическую *Wirtschaft* описанную Гейне.

Какъ нарядно, пышно, какъ сверкаютъ, сіяютъ столы и ловкія, завитыя, накрахмаленныя кельнерши, какъ мало классическихъ нѣмецкихъ студентовъ съ холще-

выми мѣшками, и какъ много космополитической элегантною, довольной и самодовольной публики. Всѣхъ этихъ американцевъ, голландцевъ, норвежцевъ, громко увѣренно разговаривавшихъ на своихъ языкахъ, привезли очевидно, уже другіе поѣзда въ то время, какъ я представляла себѣ Фауста, мечущагося по сценѣ Маріинскаго театра въ Петербургѣ, по сценѣ, залитой пламенемъ, рѣшившей его судьбу ночи...

Брокенъ знаменитъ не только ежегодными конгрессами чертей и вѣдьмъ, онъ знаменитъ еще видомъ на весь Гарцъ, и еще тѣмъ, что этотъ видъ никогда не виденъ.

Испаренія изъ многовѣстныхъ тѣмъ же Гейне долинъ Гарца, пока доплываютъ до Брокена теряютъ въ пути всѣ свои цвѣта радуги, кругомъ Брокена превращаются въ сизо-сѣрыя густыя облака, и видѣть что-нибудь сквозь эти зыбкія и плотныя стѣны можно лишь при очень пылкомъ воображеніи какого не хватило и у Гейне. Правда, онъ ему посвятилъ стихотвореніе:

« Heller wird es schon im Osten »

Но въ строкахъ этихъ рѣчь не о видѣ, котораго онъ не видѣлъ, а о семимильныхъ сапогахъ, о какихъ онъ мечталъ чтобы перешагнуть черезъ вершины къ изголовью милой...

Въ дорожную книгу Гейне вписалъ лишь четыре строчки:

Kleine Steine
Grosse Steine
Mühde Beine
Aussicht keine

Быть можетъ и не имѣ, а искуснымъ пародистомъ написаны. Все равно, я вычитала въ нихъ оправданіе себѣ: никакого вида и я не видѣла...

Но когда уже не въ поѣздѣ, не съ любителями и любительницами природы возвращалась внизъ, а одна узкими, крутыми, каменистыми тропинками, тогда я видѣла, тогда я слышала.

И если хватить смѣлости — когда нибудь разскажу...

ПРОГУЛКА

Какъ всѣ мужчины, измѣнникомъ коварнымъ былъ и Геркулесъ. Любилъ и разлюбилъ, и покинутая имъ въ тоскѣ неутѣшной бродила она по дикимъ скаламъ, и съѣли ее звѣри хищные въ Альберійскихъ лѣсахъ. Ее звали Пиренея.

И въ память о ней, такъ поется въ старинныхъ каталанскихъ пѣсняхъ, называли Пиренеями свои горы первые обитатели этого длинного, длинного хребта, прорѣзающаго всю Францію отъ Средиземнаго побережья и до океана.

Хищные звѣри давно перевелись въ Пиренейскихъ горахъ, нѣтъ больше и разбойниковъ — «трабукаирэсъ», хотя въ деревняхъ и поселкахъ Каталоніи живы еще люди, на памяти которыхъ «трабукаирэсъ» оставляли въ горахъ путешественниковъ и монаховъ-сборщиковъ: «жизнь или кошелекъ», похищали и возвращали за выкупъ красивыхъ дѣвушекъ и дѣтей, но безвозмездно одаривали темами поэтовъ и романистовъ...

Нѣтъ, теперь нечего и некого бояться въ Пиренейскихъ горахъ и вооруженная легкой тросточкой, отправляюсь я изъ маленькаго каталонскаго городка Вернэ въ далекую прогулку, къ святой обители Сѣнь Мартэнъ де Канигу.

Какъ непохожи эти горы на Швейцарскія Альпы, на Аппенины, на Гарцъ, на Шварцвальдъ... Мало лѣсу,

мало тѣни, но какая изумительная игра красокъ на горныхъ скатахъ, и ни отелей на нихъ, ни вывѣсокъ Гала-Петерь, и Цитроэнь, — неизбежныхъ атрибутовъ горнаго пейзажа во всей Европѣ. Цѣлый часъ уже поднимаюсь выше, выше, отлично утрамбованной горной дорогой, и ни одного человѣческаго жилья, ни одной души. Только блестящія будто зеленымъ лакомъ покрытыя ящерицы съ шорохомъ улепетываютъ въ кусты, и большіе жирные ужи степенно уступаютъ мнѣ дорогу Ихъ тѣма здѣсь. Любятъ они очень сѣрныя воды, которыя на каждомъ шагу бьютъ изъ скалъ теплыми и горячими ключами. Но то, что вызваниваютъ и поютъ онѣ, эти свѣтлыя прозрачныя струи, поглощаетъ громкій и немолчный, идущій изъ ущельевъ шумъ. Это грохочутъ Тэтъ и Кади, два бѣлопѣнныхъ, быстрыхъ потока, самыя мнговодныя рѣки восточныхъ Пиреней.

Красная скала нависла надъ дорогой, — огромная птица съ распластанными крыльями, дальше зіяетъ въ отвѣсномъ утесѣ черная пещера, еще нѣсколько шаговъ — крутой и жуткій обрывъ... Да, воображенію человѣческому и трудиться много не надо было, чтобы создать тутъ безчисленныя легенды, сказки, баллады, — каталонскій фольклоръ и романтику каталонской литературы. Въ этой зіяющей пещерѣ могла ютиться цѣлая шайка «трабукаирэсъ», съ этого обрыва могъ быть сброшенъ любой персонажъ легенды, и стоны невиннѣйшихъ и прекраснѣйшихъ устъ заглушали, и сейчасъ, въ случаѣ надобности, могли бы заглушить бѣгушія въ ущельяхъ горныя рѣки.

Въ зигзагахъ дороги мелькаютъ знакомыя уже деревушки, съ неизмѣнной руиной какого нибудь дворца «Паула» — по каталонски, съ четвероугольной зубчатой башней древняго романскаго храма.

Корнейя — два, три десятка бѣлыхъ издали, вблизи грязныхъ, домиковъ — среди пышныхъ яблонь и платановъ. Въ деревнѣ этой безнаказанно живутъ кол-

дуньи, которыя умѣють накликасть болѣзнь на муловъ, отнимать молоко у козъ и привораживать чужихъ мужей къ чужимъ женамъ. Ихъ всѣ знаютъ кругомъ, по окрестнымъ деревнямъ, называютъ ихъ имена, но страдающее отъ ихъ злыхъ чаръ населеніе безсильно противъ нихъ, такъ какъ самосудъ надъ колдуньями строго карается по французскимъ законамъ... И въ той же Корнейя храмъ, дивный храмъ 12-го столѣтія, съ мраморнымъ розовато-бѣлымъ порталомъ, и рѣдкимъ высѣченнымъ въ каменной стѣнѣ престольнымъ образомъ. Часть его увезъ съ собою гостившій въ Корнейѣ у мѣстнаго учителя студентъ. На память — благодушно рассказываютъ объ этомъ туристамъ въ Корнейѣ — не устоялъ.

Дальше, глубже, въ долину — Вильфраншъ, съ грозною издали, внушительной вблизи, крѣпостью — однимъ изъ созданій гениальнаго Вобана, утверждаваго здѣсь могущество Людовиковъ въ тѣ времена, когда они отвоевывали отъ Испаніи эту часть Каталоніи. Крѣпость стоитъ на горѣ, на утесахъ форты, въ высокія каменные стѣны одѣты крутые откосы. Все это теперь никому не нужно, давно заброшено и пусто: памятники неимовѣрныхъ и безплодно затраченныхъ человѣческихъ усилій... Присоединенная къ Франціи часть Каталоніи осталась Каталоніей, и на томъ же языкѣ говорятъ здѣсь, на какомъ говорили триста лѣтъ тому назадъ, тѣ же обычаи блюдутъ въ тѣхъ же церквахъ молиться, все какъ было и осталось неизмѣннымъ. И изъ поколѣній въ поколѣніе передается былъ о жившей тогда въ Вильфраншѣ Инесъ Лліаръ, знатной каталонской дѣвушкѣ, которую Богъ поразилъ любовью къ французскому офицеру. Трагическая романтическая судьба ея вдохновила извѣстнаго писателя Луи Бертра-на, того самаго, который не признаетъ Достоевскаго и Толстого, на большой романъ «Инфанта», и нѣтъ въ Каталоніи грамотной дѣвушки, которая не зачитывалась

бы разцвѣченной и опoэтизированной повѣстью объ Инесѣ Лліарѣ, о жертвѣ любви къ чужеземцу и родственнаго долга... Каталонская Марія Кочубей, — также какъ украинская героиня, прибѣжала къ мѣсту казни, когда голова отца ея, предпочитавшаго испанскую оріентацію французской — упала под топоромъ французскаго палача.

Въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Вилльфранша, маленькій, уютный городокъ, скорѣе деревня — Ривезальтъ, которому посвящено уже стиховъ, поэмъ, воспоминаній въ такомъ количествѣ, какое выпало развѣ лишь на долю острова св. Елены. Въ Ривезальтѣ родилась и выросъ внукъ бѣднаго бочара — Жоффрѣ.

Горы тамъ не такъ высоки, не такъ круты и обнажены, какъ всѣ тѣ, откуда я гляжу внизъ и не могу наглядѣться. Мягкими синими волнами тянуться онѣ тамъ, и въ пѣсняхъ каталонскихъ зовутся ласкательно — горами ѹтѣшными, « *Montanyos regaladas* ».

И среди нихъ главный городъ французской Каталоніи — Перпиньянъ, родина Араго, свѣтлый, оживленный веселый городъ, съ площадью Араго, съ улицей Араго, съ музеемъ Араго, съ домомъ, гдѣ жилъ Араго, съ кафе Араго и съ памятникомъ Араго. Почти, какъ въ Веймарѣ: Гете, Гете, Гете и еще Гете...

Одна изъ самыхъ поэтическихъ каталонскихъ легендъ, которой всѣ каталонскіе поэты отдавали дань своихъ вдохновеній, связана съ происхожденіемъ этого города. Непосѣдливому, одному человѣку, искателю, мечтателю обязанъ онъ своимъ бытіемъ: дядюшка Пинья « *Père Pinya* », звали его. Жилъ онъ гдѣ-то далеко, высоко въ пустынныхъ горахъ, и въ одинъ прекрасный день, взялъ да снялся съ насижennaго мѣста, и погналъ своихъ муловъ, куда глаза глядѣли. Шелъ, шелъ — горы, пропасти, ущелья, конца не видать. И осянула его счастливая мысль спросить совѣта у пѣ-

нившейся по каменному руслу рѣри Тэтъ: «Ты вотъ, бѣгаешь, шумишь, видала, вѣрно, виды. Сдѣлай милость, укажи, какъ мнѣ въ солнечную долину пробраться?». — Съ удовольствіемъ, — отвѣтила Тэтъ — иди за мной, я покажу тебѣ дорогу.»

Недалеко отъ моря, въ зеленой равнинѣ съ двумя высокими холмами, Тэтъ задержала на мигъ свой быстрый бѣгъ и сказала: «Вотъ здѣсь надо тебѣ осѣсть, пахать и сѣять, а я буду орошать твою пашню»

Такъ Rége Pinva и сдѣлалъ и вокругъ его, изъ восьми досокъ сколоченного жилища, выросъ большой городъ, Перпиньянъ, гдѣ перебивало позднѣе много королей, ученыхъ и трубадуровъ, и долгіе годы процвѣталъ университетъ Estudi Major, упраздненный Людовикомъ XIII-ымъ, находившимъ, что «не къ чему такъ далеко отъ Парижа, и такой университетъ» а при испанцахъ процвѣтала инквизиція, и было еврейское гетто, всего нѣсколько семействъ, но и тѣ оказались элементомъ вреднымъ и выпровождены были въ Неаполь. Книги же, написанныя однимъ изъ этихъ вредныхъ людей, рабби Леви бенъ Авраамомъ, «Ларецъ съ благовоніями», «Красота и благодать», надъ которыми проливали слезы знатныя каталонскія дамы, — хранятся и понынѣ въ городской библіотекѣ Перпиньяна.

Сэнъ Мартэнъ де Канигу, — конечная цѣль моей прогулки — мелькнулъ было передо мною громадою красныхъ на солнцѣ стѣнъ и башенъ и тотчасъ вновь исчезъ за раскаленными, обнаженными горами и синими ущельями. Еще два, три поворота, еще нѣсколько ящерицъ и ужей, не спѣша уходящихъ съ дороги, и на крутомъ обрывѣ, среди хаоса дикихъ скалъ, подъ снѣжной вершиной Канигу, вырастаетъ огромное, тяжелое старинное аббатство съ реставрированной недавно церковью Сэнъ Мартэна. Десять съ лишкомъ вѣковъ сто-

ять здѣсь эти стѣны, и сотни тысячъ паломниковъ исходили этотъ долгій и утомительный путь: такъ какъ молитвы, приносимыя св. Мартѣну, оплодотворяють поля, ограждаютъ скотъ отъ падежа, и молебны съ крестнымъ ходомъ, совершаемыя здѣсь каждымъ лѣтомъ въ дни засухи, срываютъ съ неба желанные дожди..

Когда-то, спасался здѣсь въ пещерѣ отъ людей, отъ ихъ войнъ, жестокостей, пьянаго разгула, скверны и блуда — святой отшельникъ, и въ одну глухую ночь пришелъ къ нему и попросилъ пріюта юноша въ военныхъ доспѣхахъ. Это былъ Роландъ, племянникъ графа Гюэфреда, воевавшего съ невѣрными сарацинами. Онъ проигралъ битву, послушавшись приказаній даннаго ему графомъ. Отшельникъ промылъ и перевязалъ его раны, уложилъ и укрылъ своей одеждой, и когда ворвался въ пещеру гнавшійся за Роландомъ графъ Гюэфредъ, святой отшельникъ солгалъ:

— Не слыхалъ и не видалъ.

Но графъ услышалъ и увидѣлъ, и мечемъ своимъ разсѣкъ на двое тѣло Роланда. Утоливъ гнѣвъ, онъ покаялся, построилъ храмъ, принялъ святой постригъ и воздвигъ чужими руками великолѣпную монастырскую обитель, гдѣ кончилъ вѣкъ свой въ искупительной молитвѣ, въ тишинѣ и благодномъ уединеніи. Это уже не легенда, а быль...

Сейчасъ здѣсь глубокая тишина. Даже шумъ бѣгущихъ внизу рѣкъ, Тэтъ и Кади, едва, едва доходитъ сюда. Подъ аркадами пустой монастырской обители расположилась каталонская семья: отецъ, сѣдоусый пыльно-темный крестьянинъ, дородная женщина въ черной шали, двѣ легкихъ хорошенькихъ дѣвушки — говорятъ по каталански и пьютъ золотистое вино. Высокій худой сторожъ, съ породистымъ задумчивымъ лицомъ, тихимъ голосомъ рассказываетъ, что черезъ нѣсколько дней пріѣдетъ изъ Перпиньяна «монсиньоръ»

— будетъ служить молебень, чтобы дождь наконецъ пошелъ...

Онъ сокрушенно указываетъ головой на жаркое, безоблачное небо, на раскаленные горы. И пыльно-темный каталонецъ, утѣшенный вздыхаетъ:

— Ну, вотъ... Слава Богу! А то вѣдь — пропадетъ все, что на поляхъ....

— Ничего... Приѣдетъ монсиньеръ, отслужить молебень, и дождь пойдетъ. Всегда ужъ такъ. Послѣ молебна — дождь...

GALANTO VILO

Такъ Гомеръ Прованса — Фредерикъ Мистраль называлъ Авиньонъ: *Galanto vilo*.

Милый, нарядный, благородный, ласковый городъ. Всячески можно перевести это опредѣленіе, и каждый изъ этихъ эпитетовъ оправданъ обликомъ, воздухомъ, звучностью этого города, пейзажемъ.

Благородство — въ одухотворенности его готики, въ строгихъ линіяхъ старыхъ домовъ. Нарядность почти торжественная въ обилии великолѣпныхъ порталовъ, карріатидъ, нишъ съ древними статуями языческихъ боговъ и христіанскихъ святыхъ, — на каждой улицѣ и на каждой площади. Милая ласковость въ самихъ людяхъ, въ грудахъ цвѣтовъ на каждомъ шагу, въ той неуловимой и никакими словами неопредѣлимой прелести, какую сообщаетъ городу южное солнце, южная растительность, всегда дающія иллюзію беззаботности и ничѣмъ неомрачаемой радости.

И удивительно, что раздражаетъ въ каждомъ иномъ многопосѣщаемомъ туристами городѣ, нисколько не раздражаетъ и не шокируетъ здѣсь. Толпы иностранцевъ, разноязычіе, шумное оживленіе. Здѣсь, въ этихъ узкихъ улицахъ, на этихъ тѣсныхъ площадяхъ, — оно — пріемлемо и естественно. Живая иллюстрація къ давнему Авиньону, какимъ онъ былъ въ пору своего расцвѣта и всему міру зримаго блеска. Въ тѣ годы,

когда утверждались здѣсь римскіе папы (и такъ утвердились, что понынѣ въ ходу остались выраженія «папскій городъ» — «нашъ папскій городъ» — и надъ скалистымъ холмомъ надъ Роной воздвигли единственный въ мірѣ памятникъ, ни съ какимъ зданіемъ несравнимый «дворецъ папъ».

Тогда улицы и площади кишѣли иностранцами, послами, торговцами, авантюристами, недобродѣтельными женщинами, носителями всякаго рода оружія, монахами, художниками. Кто только ни перебивалъ при папахъ въ этомъ городѣ? Даже изъ Румыніи, изъ Польши, отъ татарскаго хана — пріѣзжали сюда послы.

Только Россія никѣмъ и ни разу не была представлена здѣсь въ золотой вѣкъ Авиньона, въ XIV вѣкъ. Россія была тогда подъ татарскимъ игомъ...

Когда-то городъ съ шумной, многоязычной, пестрой толпой отдѣляли отъ папскаго дворца кордоны папскихъ воиновъ въ латахъ и шлемахъ. Теперь дворецъ и широкую площадь передъ нимъ ограждаетъ отъ оживленнаго космополитическаго города — традиція. Какая-то непреходимая грань.

И это изумительно. Всего два шага отъ центра Авиньона, отъ небольшой четырехугольной площади, которая называется теперь тройнымъ именемъ «Площадь городскихъ часовъ», «Площадь мэри», «Площадь Клемансо», а въ короткій вѣкъ великой французской революціи называлась, понятно, «Площадью Революціи». Всего два шага отдѣляетъ эту площадь, гдѣ вѣчный митингъ, вѣчный балъ, вѣчная ярмарка... отъ Дворцовой Площади — передъ папскимъ дворцомъ. Не аллегорическихъ, а реальныхъ два шага, а будто двѣ, три версты отдѣляютъ одну отъ другой. Такое здѣсь спокойствіе, величавость, миръ.

И даже стада англичанокъ здѣсь не забавны и американцы не смѣшны. Быть можетъ и не мода, не шаб

лонъ, и не снобизмъ привели ихъ сюда, а любопытство иного, высокаго порядка. Кто знаетъ, быть можетъ за этими вуалями, очками, подъ этими кожанными куртками и вязанными свитерами сокровенный, человѣчскій страхъ тлѣна, и тоской о вѣчности волнуютъ этихъ гуторящихъ, суесящихся людей исполинскія стѣны, башни дворца, выдержавшія испытаніе пяти вѣковъ, не сдавшія снаружи ни одной колонной, ни однимъ выступомъ, ни однимъ порталомъ.

Вечерами еще разительнѣе контрастъ этой большой едва освѣщенной, безмолвной, пустынной площади съ «Площадью городскихъ часовъ» — гдѣ кафе, рестораны, лари, кіоски, кинематографы, бары, неизбѣжные «дэнсинги», отели, визгливые газетчики, мороженники, пестрота, толчея, и ни звѣздъ, ни мѣсяца, ни самаго неба не видать изъ за многоцвѣтныхъ лампіоновъ и бумажныхъ фонарей. Площадь эта, когда то называлась еще «Площадью водопоя». Въ то время, когда въ теперешнемъ зданіи мэріи, а въ XIV вѣкѣ, кардинальскомъ дворцѣ, жилъ кардиналъ Колонна, а у него жилъ гостемъ Петрарка, на эту площадь передъ окнами дворца приводили воловъ поить, и въ своихъ письмахъ къ Боккачіо, къ другимъ, оставшимся въ Италіи друзьямъ своимъ, Петрарка, называя Авиньонъ самымъ распутнымъ въ мірѣ городомъ, неизмѣнно добавлялъ въ скобкахъ «и самый грязный».

Онъ и сейчасъ не очень опрятенъ, и доля мужества требуется для того, чтобы пройти въ жаркій день сътъ узенькихъ въ аршинъ переулковъ, уходящихъ крутыми уступами внизъ къ набережной Роны, такъ называемый «Старый еврейскій кварталъ»: «La vieille Juiverie».

Но въ пяти минутахъ отъ этого давняго гетто — широкія аллеи платановъ вдоль свѣжей зеленой рѣки а подняться выше, на вершину холма, въ которую упирается дворецъ, и голова кружится отъ благовоній, которыя неугомонный мистраль несетъ на эту скалу со

всѣхъ концовъ широкой, цвѣтущей, изрѣзанной Дюрансомъ и Роной долины.

Авиньонъ съ возвращеніемъ папъ въ Римъ долгіе еще годы оставался магнитомъ, привлекавшимъ сюда художниковъ, поэтовъ, трубадуровъ, ученыхъ, и папскіе легаты соперничали въ меценатствѣ и вниманіи къ поэтамъ, художникамъ, граверамъ, чеканщикамъ и ювелирамъ. Нѣтъ дома въ Авиньонѣ, гдѣ въ жилищѣ давнихъ обитателей города не сохранилась бы какая либо художественная реликвія старины.

Объ антикварныхъ лавкахъ, изъ нихъ иныя ютятся въ самыхъ глухихъ и грязныхъ переулкахъ города, и говорить нечего. Это — неисчерпаемые источники художественныхъ рѣдкостей и цѣнностей.

Въ годы революціи, когда опустошительный вихрь пронесся по всѣмъ дворцамъ и храмамъ, множество цѣнныхъ вещей зарыто было въ погребяхъ, попрятано по крестьянскимъ усадьбамъ, и лишь во второй половинѣ XIX вѣка стали извлекаться изъ ямъ и подваловъ.

И исторія Авиньона, исторія, полная драмъ, трагедій, борьбы, романтики, страшной были и поэтической легенды, не прекратилась съ отъѣздомъ папъ.

Площадь передъ папскимъ дворцомъ — Дворцовая площадь въ годы революціи была переименована «отнынѣ и во вѣки вѣчные» въ Крѣпостную площадь. Эти вѣки вѣчные длились всего нѣсколько мѣсяцевъ. 10-го Термидора она уже именовалась опять, какъ до революціи и теперь, Дворцовой площадью. Чему только свидѣтельница ни была она, лишь она одна въ этомъ городѣ?

Къ подъѣзду этого дворца однимъ раннимъ весеннимъ утромъ подъѣзжалъ Кола ди Ріенци, римскій трибунъ, вчерашній кумиръ толпы и римской интеллигенціи, возносившей его за безкровную революцію, усыпавшей цвѣтами его путь, а затѣмъ развѣнчавшей его и не находившей достаточно грубаго сквернословія для

того, чтобы заклеить и опорочить его передъ пресмыкавшейся передъ нимъ чернью. Любопытно, что въ числѣ другихъ содѣянныхъ будто бы ди Ріенци политическихъ, государственныхъ грѣховъ, ставилось ему въ вину то, что онъ выкупался въ купели императора Константина....

Подъ это улюлюканье толпы «выкупался въ купели императора Константина» и бѣжалъ Кола ди Ріенци изъ Рима къ папамъ въ Авиньонъ, гдѣ мнимымъ плѣнникомъ жилъ въ угловой четырехугольной башнѣ, которая такъ хороша днемъ, на солнцѣ, и такъ многогрѣчива и внушительна ночью. Каждая пядь земли на этой площади, каждый камень этого дворца равенъ содержаниемъ томамъ исторіи.

Празднества, религіозныя процессіи, пышныя приемы, состязанія трубадуровъ, любовныя, поэтическія турниры и казни, казни, казни...

Папскія празднества нерѣдко кончались разнузданными оргіями и любители найдутъ въ письмахъ Петrarки къ его друзьямъ немало любопытныхъ подробностей. Но при этихъ папахъ созданы были, помимо дворца, большинство поражающихъ понынѣ своей художественной законченностью религіозныхъ и свѣтскихъ памятниковъ искусства въ Авиньонѣ и въ окрестныхъ городахъ.

А со своими врагами папы расправлялись не всенародно. Они хотѣли и старались быть «любезными народу» и личныхъ своихъ враговъ упраздняли инымъ безшумнымъ путемъ. Во дворцѣ показываютъ теперь лѣсенки въ толстыхъ стѣнахъ, гдѣ вредные католической церкви люди или опасные для папской власти, упразднялись незримо и неслышно.

Лишь съ XVI-го столѣтія Дворцовая площадь стала лобнымъ мѣстомъ.

Здѣсь жгли за колдовство, за ересь, евреевъ жгли за то, что они рѣзали христіанскихъ младенцевъ на

Пасху и распространяли чуму, отравляли колодцы, потому вѣшали гугенотовъ, и каждая казнь была событіемъ, повергавшимъ въ ужасъ и трепетъ населеніе.

Революція укрѣпила нервы авиньонцевъ. Гильотина заработала такъ усердно въ Авиньонѣ, что къ цвѣту крови скоро привыкли и отрубенныя головы не снились больше чувствительнымъ людямъ. Предсѣдатель революціоннаго трибунала Маніе поставилъ себѣ задачей истребить двѣнадцать тысячъ человѣкъ и своимъ сподвижникамъ напоминать настойчиво за предѣлы этой цифры не выходить. «Я не хочу, чтобы дошло до тринадцати тысячъ — я суевѣренъ». Робеспьеръ былъ имъ очень доволенъ, и увѣковѣчилъ свое расположеніе къ нему фразой: «Манье человѣкъ вѣрный. Гильотина работаетъ у него неустанно». Въ хроникахъ Авиньона воздано, впрочемъ, должное и противникамъ якобинцевъ. Послѣ 9-го Термидора эти тоже отвели душу на той же Дворцовой площади.

А тамъ, когда улеглись политическія грозы, началось паломничество въ Авиньонъ неугомонныхъ скитальцевъ. Стендаль часами простаивалъ передъ витринами ювелировъ, потомковъ вывезенныхъ папами изъ Италіи — Джіованни Бартоло, Марко Ландо, Николло Гримальди. И восхищался одинаково какъ изумительными заплатами, подвѣсками, застѣжками, такъ и глазами авиньонскихъ женщинъ, «глазами, о какихъ и понятія не имѣютъ въ Парижѣ».

Просперъ Мериме, назначенный инспекторомъ археологическихъ и художественныхъ памятниковъ на Югѣ Франціи, первый обратилъ на него вниманіе художниковъ и поэтовъ. Мистраль и Додэ увѣнчали своими талантами ставшій Меккою для художниковъ всѣхъ странъ — Авиньонъ. Городъ традицій, романтически печальныхъ былей, поэтическихъ легендъ и вѣчнаго солнца.

Galanto vilo — лучше Мистраля о немъ сказать нельзя.

АНГЛЪ

— Орлиное гнѣздо?

Это Просперъ Меримэ воскликнулъ такъ когда увидалъ впервые на скалистой горѣ кучу древнихъ домовъ и башенокъ съ зіяющими бойницами и полуразрушенными колоннами и каріатидами. Англъ — старинная вотчина графовъ Форбенъ, воздвигнувшихъ въ эпоху религіозныхъ войнъ на этой скалѣ въ пяти километрахъ отъ Авиньона городокъ-крѣпость. Хитрое и фантастическое сооруженіе изъ исполинскихъ каменныхъ кубовъ: отъ замка графовъ Форбенъ осталась лишь усѣченная часть — домъ, отличающійся отъ другихъ лишь размѣрами. Крѣпкія стѣны, глухія настоженные и между ними узенькіе переулочки. Когда-то надежныя засады, теперь тоже, но не для воиновъ, а для веселыхъ курчавыхъ, темноокихъ провансальскихъ малышей, играющихъ здѣсь въ прятки.

Отъ башни, съ которой нѣкогда вѣрные слуги графа де Форбенъ выглядывали непріятеля, не осталось и слѣда, и не пальбой, не струями кипящаго масла, не вязанками горячаго хвороста, какъ въ тѣ, преданіемъ ставшіе времена, встрѣчаютъ теперь поднимающихся къ Англу туристовъ.

Ласковымъ привѣтствіемъ, веселой шуктой и смѣхомъ. Провансальцы не любезны, какъ парижскіе французы. Они ласковы. Они не острятъ. Они остроумны.. И они не улыбаются учтиво, какъ французы сѣвера.

Они смѣются отъ чистаго сердца и всякому поводу рады посмѣяться, а если повода нѣтъ, то создаютъ его безъ натяжки и усилія.

Дорога къ Англу отъ Авиньона идетъ частью вдоль Роны, а тамъ межъ рядами провансальскихъ фермъ — усадьбъ съ длинными аллеями кипарисовъ, которые такъ хорошо отдѣляютъ этотъ солнечный смѣющийся пейзажъ. Какую то ноту торжественности, сосредоточенности придаютъ ему кипарисы. Словно обуздываютъ его ярко зеленое, буйно цвѣтущее ликование. И на крутомъ поворотѣ чудесной дороги внезапно встаетъ на скалистой горѣ Англь.

Графы Форбэнъ давно перекочевали въ другой замокъ на берегу Роны, а маленькая горная община на протяженіи вѣковъ не ощущала потребности прибавить къ давнимъ домамъ-преданіямъ новую постройку и нарушить стиль средневѣковаго городка-крѣпости. Населеніе росло — тѣснилось. Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ. И не смотря на то, что на каждомъ углу, на каждомъ обрывѣ всегда торчатъ мольберты художниковъ, вѣрныхъ паломниковъ этого уголка Прованса, въ Англѣ не нашлось ни одного зараженнаго духомъ современности провансальца, который бы догадался построить отель, убѣжище для туристовъ. Только примитивное кафэ и впрямь орлинымъ гнѣздомъ примостилось надъ самымъ краемъ зацѣлованной солнцемъ красноватой крутой скалы.

Многоверстная, духъ захватывающая даль съ терраски незатѣйливаго кафе. Три округа — Воклюзъ, Гаръ, Устье Роны — экспонируютъ тутъ свои пейзажныя чудеса. Холмы и лѣса, золотой эмалью покрытыя Рона и Дюрансъ, розовыя озера боярышника, молочно-бѣлая моря акацій и фруктовыхъ деревьевъ въ цвѣту. И надъ всѣмъ этимъ буйствомъ — строгіе темныя кипарисы. Силуэты иноковъ на шумномъ и яркомъ праздникѣ.

А на площади въ Англѣ — четыре аршина въ дли-

ну, три въ ширину, какъ на скатерти въ двѣнадцать персонъ — темнозеленый бронзовый бюстъ длинноусаго сердитаго мужчины — Арманъ де Понмартэнъ. Не знаете, кто такой? Я тоже не знала, пока не побывала въ Англіѣ. Авторъ нѣсколькихъ романовъ, нѣсколькихъ пьесъ, нѣсколькихъ сборниковъ стиховъ, редакторъ-издатель многочитавшихся когда то на югѣ Франціи газетъ и журналовъ: «Вѣстникъ Воклюза», «Южный Курьеръ», въ исторіи литературы отмѣчаемый какъ «ожесточенный противникъ Сенъ Бева» и еще за болѣе достойную заслугу: онъ первый угадалъ большого поэта въ Мюссэ.

Но все это не столь интересно для русскаго туриста, какъ то, что дѣдъ этого самого сердитаго господина жилъ въ Россіи въ качествѣ эмигранта, бѣжавшаго изъ Франціи въ 1791 году, что Суворовъ предлагалъ ему службу въ русской арміи, что въ Подольской губерніи, на моей родинѣ, родился его отецъ, въ той ея приднѣпровской части, гдѣ знакомы и памятны мнѣ каждая лѣсная тропинка, каждый тополь, а ихъ тамъ такъ много, какъ здѣсь въ Провансѣ кипарисовъ и не хуже, если не прекраснѣе провансальскихъ кипарисовъ тополя Подольской губерніи...

Въ имѣніи графини Потоцкой, гдѣ въ то время нашла убѣжище почти вся семья герцога Полиньяка — въ мемуарахъ граф. Потоцкой, вышедшихъ до войны много страницъ посвящено этимъ гостямъ — пріютился и графъ Понмартэнъ съ семьей.

Бывшій полковникъ французской арміи графъ Понмартэнъ, чтобы отплатить за оказанное ему гостепріимство, занялся режиссурой домашнихъ спектаклей, въ которыхъ участвовалъ и въ качествѣ актера. Широкое радушіе, которое оказывалось въ Россіи французскимъ эмигрантамъ, однако, тяготило щепетильнаго графа, и онъ высказалъ это однажды въ разговорѣ съ Суворовымъ. Будущій герой «Чортова Моста» успокоилъ его

такимъ замѣчаніемъ: «Ничего, это гостепріимство въ кредитъ. Будетъ время, когда русскіе эмигранты будутъ искать убѣжища во Франціи. Расквитаетесь...»

Не легенда нашихъ дней. Въ біографіи Армана де Понмартэна съ датой 1864 года приведены эти вѣщія слова великаго фельдмаршала.

Безъ всякой задней мысли, и не зная ровно ничего объ этомъ ожесточенномъ противникѣ Сенъ Бева, оказавшемся почетнымъ гражданиномъ общины Англъ оттого, что женился на дѣвушкѣ, роду которой принадлежалъ одинъ изъ этихъ древнихъ, изъ исполинскихъ кубовъ сложенныхъ домовъ — поднималась я въ Англъ. И не за долгомъ вовсе, ибо ни кредиторомъ Франціи, ни рода графовъ де Понмартэнъ себя не мыслю.

А вотъ доля этого долга, и какая! — незабвенный день въ этомъ городѣ-балладѣ, досталась отчего то мнѣ. За что? «Кого, скажите, мнѣ благодарить?»

«ДУБЪ»

Домъ — дворецъ, старый, темный втиснутый въ узкій переулокъ въ двухъ шагахъ отъ главной артеріи Авиньона, Бульвара Республики. Надъ черными бронзовыми воротами переплелись двѣ большія высѣченныя изъ камня дубовыя вѣтки и дубовые корни: гербъ перваго въ Авиньонѣ архіепископа, Джуліано де ла Ровере, позднѣе — папы Юлія II.

Отсюда названіе, выведенное на пилястрѣ „Le Rouge“ — провансальское слово, означающее дубъ.

Флорентійскіе дворцы Строцци и Ручеллаи напоминаютъ этотъ романтично безмолвный, всегда глухо запертый, изъ большихъ четырехугольных плитъ сложенный огромный домъ, съ желѣзными рѣшетками на окнахъ.

Дворецъ маркиза Барончелли — такъ онъ значится въ путеводителяхъ по Авиньону.

Исторія его восходитъ къ концу XIV-го столѣтія, къ заговору, однимъ изъ участниковъ котораго былъ Барнардо Бандини-Барончелли, нанесшій смертельный ударъ Джуліано Медичи, брату Лоренцо Великолѣпнаго. Покушеніе имѣло мѣсто въ церкви Santa Maria del Fiore, въ ризницѣ которой успѣлъ скрыться Лоренцо. А въ тотъ же вечеръ всѣ заговорщики были перевѣшаны, и Леонардо да Винчи, находившійся тогда во Флоренціи, увидавъ во время прогулки неожиданный орнаментъ изъ труповъ на стѣнахъ Bardello остано

вился и зарисовалъ въ своемъ альбомѣ одинъ изъ нихъ. Чѣмъ то, вѣрно, сильнѣе другихъ, поразило его искаженное гримасой умное, насмѣшливое лицо.

Это былъ маркизъ Барнардо Барончелли, заколовшій Джуліано Медичи. Въ ту же ночь семья Барончелли покинула Флоренцію, а тамъ и Италію, и въ Авиньонѣ нашла пріютъ и покой.

Однимъ изъ Барончелли и выстроенъ этотъ дворецъ, который лишь снаружи неприступно строгъ и внутренне важно, и гербъ будущаго папы Юлія II-го принесла ему въ приданое не то сестра, не то племянница Юлія II-го, тогда въ Авиньонѣ еще только архіепископа Джуліано де ла Ровере.

Отъ былого великолѣпія дворца не осталось и слѣда. Несмѣтные богатства маркизовъ Барончелли вошли въ преданіе.

Единственный отпрыскъ этого рода, не очень молодой, милый, простой человѣкъ, даровитый провансальскій поэтъ, именуетъ себя уже только Фолько Барончелли и занимаетъ его не прошлое его именитаго рода, а его «Manada» въ Камаргѣ, которой онъ отдаетъ все свое время и всѣ свои силы. «Manada» — это бычье стадо, не убойныхъ быковъ, а благородныхъ геревъ аренъ и на аренахъ Прованса неизмѣнные побѣдители — питомцы маркиза Барончелли. Родной братъ его извѣстный въ кинематографическомъ мірѣ режиссеръ — Жакъ Барончелли.

Дворецъ же «Дубъ», построенный однимъ изъ его предковъ, въ которомъ была еще жива и крѣпка связь съ Италіей и который въ этихъ стѣнахъ ковалъ еще планы мести Медичи, дворецъ этотъ принадлежитъ теперь провансальской писательницѣ, поэтессѣ, коллекционершѣ, имя которой извѣстно всему Провансу — Жаннѣ-де-Фландрези, авторшѣ любопытной книги «Любовь и женщина въ литературѣ XIX вѣка», превосходныхъ монографій о древнихъ памятникахъ

въ Провансѣ, объ Арлѣ, о провансальскомъ фольклорѣ и нѣсколькихъ сборниковъ провансальскихъ легендъ.

Дворецъ Барончелли, громада изъ нѣсколькихъ десятковъ залъ, пустыхъ, запущенныхъ, съ облупившейся лѣпкой, съ выцвѣтшими фресками, съ негодными пушками въ вестибюлѣ, съ подвалами и погребамъ, полными старинной утвари, приобрѣтенъ не для жилья, а для музея, въ которомъ представленъ будетъ въ графикѣ весь Провансъ, вся его многовѣковая исторія.

Несчетное множество художественныхъ цѣнностей разсѣялось на протяженіи вѣковъ по всему міру, изъ провансальскихъ усадебъ, дворцовъ, храмовъ и библиотекъ.

— Жаннъ-де Фландрези нѣсколько лѣтъ провела въ скитаніяхъ по Греціи, Италіи, Испаніи, Англіи, перемещалась во всѣхъ замкахъ Эльзаса, Бельгіи и Франціи. И всюду копировала, списывала, срисовывала, зашелкивала фотографическимъ аппаратомъ. Выполнила огромную задачу, возстановила образно все увезенное, похищенное, ушедшее навѣки изъ художественныхъ хранилищъ Прованса..

Въ залахъ дворца снаружи глухо безмолвныхъ кипитъ работа. Реставраторы, рисовальщики, каменщики, подъ руководствомъ неутомимой Ж. де Фландрези, возрождаютъ давнее великолѣпіе «Дуба». Каждый стукъ гулко отдается по безчисленнымъ комнатамъ. Разговаривающіе невольно понижаютъ голоса; чтобы не давать пищу не скромному эху. На длинныхъ изъ простыхъ досокъ сколоченныхъ столахъ, груды рисунковъ, снимковъ гравюръ, рукописей, брошюръ, по угламъ кучи книгъ, старинныхъ фоліантовъ, не уместившихся на шкапахъ, выстроенныхъ вдоль стѣнъ, груды картинъ въ рамахъ и безъ рамъ. И въ этомъ невообразимомъ хаосѣ, улыбаясь, остря (французенка-южанка, и внѣшне плѣнительная) легко и свободно разбирается владѣлица дворца, распредѣляя работу

межъ двумя, тремя сотрудниками: ученый аббатъ, археологъ, архивистъ.

Мистраль незадолго до своей смерти писалъ: «Надо заставить народъ любить свою страну, свой языкъ, свое прошлое. И самое могучее средство, это образъ, рисунокъ, картина. Рисунокъ — вѣрнѣйшее послѣ слова отраженіе нашей мысли, а для тѣхъ, что не понимаютъ или не воспринимаютъ слова, рисунокъ, образъ — убѣдительнѣйшее толкованіе слова».

Жаннъ-де-Фландрези выполняетъ завѣтъ великаго провансальскаго поэта патріота.

Только графически — рисунками, гравюрами, картинами старыхъ и современныхъ художниковъ представлена въ музеѣ Прованса вся исторія, архитектура, искусство и природа страны.

Часть дворца отведена безцѣнной библіотекѣ Ж. де Фландрези, провансальской литературѣ, начиная отъ трубадуровъ и кончая «фелибрами» — пишущими на провансальскомъ языкѣ писателями нашихъ дней.

Для историковъ, художниковъ — музей этотъ будетъ незамѣнимымъ подспорьемъ въ работѣ.

«Дубъ» — эмблема неутомимаго творчества папы Юлія II-го — утверждается въ Провансѣ уже не символическими, а подлинными корнями.

КАМАРГЪ

Въ провансальскомъ городѣ Арлѣ, увѣковѣченномъ словомъ Додэ и музыкой Бизе, которая для Ницше была милѣе музыки Вагнера, въ Арлѣ, куда за яркимъ солнечнымъ свѣтомъ ѣздилъ Ванъ Гогъ, и гдѣ самое прекрасное то, чего уже нѣтъ: руины античнаго театра, стѣны древнихъ аренъ, развалины циклопическаго дворца императора Константина, въ этомъ городѣ на широкой, многоводной Ронѣ, всегда весело. Чему то — всѣ всегда смѣются, всегда молоды и красивы женщины, а совсѣмъ старыя искупаютъ утерянныя красоту и свѣжесть молодости ласковымъ добродушіемъ, юморомъ и безконечной снисходительностью къ юности, которой все дозволяется и все прощается, оттого, что жизнь коротка, и жизнь дана для счастья.

Но быть въ Арлѣ, насладиться его беззаботностью, небомъ, душистыми махровыми садами, паштетами, сказками милыхъ древнихъ сказочницъ, цѣлыми днями грѣющихся на паперти чудеснаго стариннаго храма св. Трофима, и не побывать въ Камаргѣ — не полагается. Въ Камаргѣ надо съѣздить непременно. И если на вопросъ, который вамъ неизбежно предложить въ кафе, ресторанѣ, отелѣ, на набережной, въ Аллеѣ усопшихъ — гдѣ теперь между вѣковыхъ платановъ однѣ пустыя гробницы, а нѣкогда покоились именитые греки и римляне — если на вопросъ: «Были въ городѣ святыхъ Марій?»—вы не съумѣете отвѣтить

«Ну, да, конечно!» — то можете быть увѣрены, что ощущение уюта, ласки, чувства, что васъ здѣсь, въ Арлѣ, всѣ горячо полюбили, и вы всѣмъ очень, очень нужны, — эта милая увѣренность покинетъ васъ безвозвратно.

Надо ѣхать въ Камаргъ, зная заранѣе, что дорога туда идетъ узкоколейная, неудобная, ползущая муравьемъ; что въ отелѣ, гдѣ придется быть можетъ заночевать, неопратно и дорого, а лихорадку можно схватить, и не замѣтивъ, какъ она проскользнетъ въ кровь и на долгіе мѣсяцы.

Не успѣлъ поѣздъ кукушка проползти и двадцати минутъ отъ тонущаго въ садахъ, окруженнаго свѣтло синими лѣсистыми холмами Арля, и уже — все иное. Горизонтъ раздвигается, холмы таютъ, поля переходятъ въ выжженные солнцемъ пустыри, и невѣдомо что щиплютъ овцы и быки. Не убойные, а породистые буйволы, герои провансальскихъ аренъ, которыхъ не убиваютъ, какъ на испанскихъ аренахъ, а лишь въ ловкости и безстрашии состязаются съ ними провансальскіе торреадоры. Это на испанской аренѣ бой конченъ, когда льется кровь, когда въ спину или затылокъ быка мѣтко брошено копье. Въ Провансѣ не любятъ крови. Побѣдитель, — и не торреадоромъ онъ здѣсь называется, а «гуардіанъ», — не убить долженъ своего рогатаго соперника, а прилѣпить ему — разъяренному быку, — между роговъ ленточный бантъ цвѣтовъ своей дамы. Въ Провансѣ нѣтъ больше владѣтельныхъ герцоговъ и князей, нѣтъ при дворахъ ихъ рыцарей и трубадуровъ, но традиции эпохи рыцарей и трубадуровъ — вѣрно хранятъ только они одни, лихіе безстрашные наѣзтники, герои аренъ.

Долгій часъ — по обѣимъ сторонамъ дороги чахлый кустарникъ, густой, цѣпкій, пыльный, — за ними гнойныя пятна болотъ, очаговъ извѣчныхъ жуткихъ лихорадокъ. И диву даешься, какъ пробираются люди

сквозь эту чашу кустарника, через эти болота — къ домамъ, къ фермамъ, крыши которыхъ краснѣютъ чуть ли не на горизонтѣ, далеко отъ полотна.

И вдругъ, блестящая голубая гладь. Это море. Крѣпость, тяжелой темной громадой вырастающая передъ желтыми дюнами. Но это не крѣпость, — а храмъ.

«Городъ Святыхъ Марій» — одна улица, нѣсколь-ко десятковъ убогихъ домиковъ, два три жалкихъ отеля, гдѣ цѣны, однако, такія, какъ въ лондонской «Савойѣ» или въ парижскомъ «Грандъ Отелѣ», желтолицые отъ вѣчныхъ лихорадокъ старики, рѣдкой красоты дѣвушки, болотные цвѣтки, и красавцы юноши, не то испанскаго, не то цыганскаго типа.

Къ этому берегу двѣ тысячи слишкомъ лѣтъ тому назадъ, по преданію, причалила лодка съ спасавшимися на чужбину первыми христіанами: Маріей Якова, Маріей Клеоповой, Маріей Магдалиной, Воскресшимъ Лазаремъ, Святимъ Трофимомъ, Іосифомъ Аримафейскимъ, Максимомъ, Сидоніемъ и египтянкой Саррой, ихъ прислужницей, по другой версіи — женой Понтія Пилата. О томъ, что это было именно такъ, что къ этому побережью Средиземнаго моря, въ нѣсколькихъ часахъ отъ Марсея и Ниццы, черезъ моря и океаны, прибило когда-то весельную лодочку со святыми людьми, — подтверждено ученѣйшими и именитѣйшими отцами католической церкви. Сомнѣваться въ этомъ не приходится. Еще при «добромъ и мудромъ» королѣ Рене и съ благословенія папы закрѣплена была за этимъ клочкомъ морского берега его высокая слава, и въ разныхъ углахъ Прованса выросли монастыри, храмы, дивные памятники зодчества, въ память о святыхъ, которые въ этихъ мѣстахъ проповѣдывали слово евангельское, учили людей добру, любви къ ближнему, учили ихъ строить жилища, сѣять хлѣбъ, растить плоды, бороться и одолѣвать природу. Житія всѣхъ провансальскихъ святыхъ повѣствуютъ о самоотверженной

дѣйственности, о самопожертвованіи, о героическомъ строительствѣ.

Отшельникомъ, въ лѣсную глушь ушедшимъ отъ міра, былъ въ Провансѣ лишь св. Жиль, изъ Греціи родомъ, и понынѣ самый почитаемый святой, къ которому когда то за словомъ поученія, наставленія и мудрыми совѣтами пріѣзжали короли, могущественные монархи, и передъ которымъ смиренно склонялъ свою голову Карлъ Великій.

Другіе святые совершали свои подвиги въ міру. Святой Бенедиктъ строилъ мостъ черезъ Рону, соединившій Авиньонъ съ міромъ, отъ котораго онъ отрѣзанъ былъ бурной прихотливой рѣкою. Святая Марта освободила городъ Тарасконъ отъ чудовища Тараскъ, которое было, быть можетъ, ничѣмъ инымъ, по предположенію нѣкоторыхъ ученыхъ, какъ занесеннымъ къ берегамъ Роны, крокодиломъ. Но какъ бы тамъ ни было, съ освобожденіемъ населенія отъ страха, угнетавшаго его долгіе годы, началась для него новая жизнь и процвѣтаніе. Другой святой, въ Воклюзѣ, гдѣ нѣсколько вѣковъ спустя жилъ Петрарка, своей отвагой избавилъ жителей отъ чудовища «Кулобрь». Изображенія Тараска и Кулобра имѣются во всѣхъ городахъ Прованса въ музеяхъ и на открыткахъ, и дѣйствительно, очень страшны. Святой Трофимъ поучалъ въ Арль, гдѣ воздвигнуть ему дивный храмъ, съ порталомъ, которому нѣтъ равнаго въ Европѣ. Марія Магдалина ушла въ Сенъ Бомъ, гдѣ были построены ея стараніями монастыри и пріюты. Марія Якова и Марія Клеопова оставались до конца своихъ дней на томъ берегу, куда прибило ихъ лодку. Крѣпость на этомъ берегу воздвигнута была въ концѣ X вѣка, въ годы нашествія саррациновъ. А святые мощи святыхъ Марій открыты были лишь въ 1448-омъ году. Съ тѣхъ поръ поселокъ, получившій названіе города Святыхъ Марій, сталъ мѣстомъ паломничества для вѣрующихъ, еже-

годно въ маѣ тысячами прїѣзжающихъ и приходящихъ сюда со всѣхъ концовъ Франціи, Италіи, Испаніи. И каждый годъ, конечно, какъ и въ Лурдѣ, здѣсь совершаются «чудеса». Прикладываніе къ мощамъ святыхъ Марій исцѣляетъ преимущественно отъ лихорадки и облегчаетъ роды. Но нѣтъ такихъ язвъ, уродства, проклятья, посланнаго человѣчеству, которыя непередаваемой жутью, неописуемымъ ужасомъ не были бы представлены въ паломникахъ, рыдающихъ, кричащихъ объ исцѣленіи и ждущихъ его въ теченіе трехъ дней съ 21 по 25 мая.

Раки съ мощами Святыхъ Марій помѣщаются подъ самыми сводами, откуда лишь въ дни паломничества спускаются на канатахъ внизъ, не на полъ, впрочемъ, а въ уровень съ головами молящихся. Къ стѣнкамъ гробовъ тянутся тогда тысячи головъ, рукъ, воспаленныхъ глазъ, воспаленныхъ губъ.

Одновременно идетъ служба и въ подземельи храма, бывшей крѣпости. Тамъ молятся цыгане прислужницѣ святыхъ Марій, египтянкѣ Саррѣ. Отчего — нельзя было узнать изъ многихъ прочитанныхъ источниковъ — цыгане, прибредаящіе сюда ежегодно тысячами и уже много сотенъ лѣтъ, избрали жену Понтія Пилата своей святою чудотворящею помогающей въ кочевьяхъ, въ разныхъ предпріятіяхъ, заговорахъ и заклѣткахъ. Здѣсь, въ часовнѣ безъ свѣта, стоитъ на возвышеніи раскрашенная каменная статуя египтянки Сарры, увѣшанная амулетами, цѣпочками, вѣнками, лентами, бусами, монистами, запястьями,—приношеніями вѣрующихъ цыганъ. Что служба идетъ одновременно наверху и внизу, — это не совсѣмъ вѣрно сказано. Сарра была только служанкой, и іерархія строго блюдется и здѣсь. Служба ведется въ такомъ порядкѣ: сначала наверху, гдѣ въ торжественныхъ бѣлыхъ съ краснымъ ризахъ выстраиваются пѣвчіе. Затѣмъ перерывъ. Одинъ изъ служащихъ священниковъ съ нѣсколь-

кими пѣвчими спускаются внизъ, и тотчасъ изъ подземелья вырывается многоголосый дикій гулъ: это молятся на своемъ языкѣ вслѣдъ за католическимъ священникомъ — цыгане. Когда священникъ съ нѣсколькими пѣвчими появляется опять наверху, снизу долго еще несется глухой ревъ, будто въ бурю шумъ океана. Онъ тотчасъ покрывается хоромъ моленій католиковъ - христіанъ. И опять въ томъ же порядкѣ.

Но отчего египтянка Сарра попала въ святые? Очень просто: она совершила подвигъ. По однимъ толкованіямъ, подвигъ ея былъ уже въ томъ, что она послѣдовала на чужбину за людьми, къ которымъ привело ее томленіе по вѣрѣ. По другимъ, только благодаря ей имъ и удалось спастись отъ преслѣдовавшихъ ихъ гонителей. Сарра была хороша собою, и, чтобы угодить ей, взялся править лодкой одинъ отважный лодочникъ. Когда лодка причалила къ берегу Прованса, и путешественники, измученные долгимъ и опаснымъ переѣздомъ, сошли на сушу, ни у кого не оказалось ни одного динара, чтобы заплатить лодочнику. Съ нимъ расплатилась Сарра; она обнажилась передъ нимъ и показала ему свое прекрасное тѣло. Только всего. Лодочникъ былъ этимъ вознагражденіемъ вполне удовлетворенъ и, поблагодаривъ, повернулъ обратно, къ Галилеѣ.

Такъ гласитъ легенда.

Кромѣ трехъ утреннихъ обѣденъ въ храмѣ святыхъ Марій, въ дни паломничества, еще вечерня, еще всенощная, и по особому разрѣшенію иные паломники остаются подъ спущенными раками святыхъ всю ночь.

Найти комнату, уголь, ночлегъ въ какомъ нибудь домѣ, въ эти майскіе дни — удача, счастье. И далеко не всѣмъ выпадаетъ оно на долю. Большинство паломниковъ спитъ подъ открытымъ небомъ. Мѣста въ деревянныхъ баракахъ, которыми застраивается поселокъ, и обстраивается далеко кругомъ, удерживаются чуть ли не за полгода впередъ. И не всѣ пріѣзжающіе сюда

однѣми молитвами заполняютъ свои дни. Для другихъ нужны и развлечения. Они получаютъ ихъ въ избыткѣ. Бой быковъ, на импровизированной аренѣ, гдѣ «гуардіяны» состязаются въ изумительной ловкости и безстрашии, гдѣ тренеры буйволовъ, — среди нихъ отпрыски знатнѣйшихъ и древнѣйшихъ въ Провансѣ родовъ, — демонстрируютъ свою вѣрность традиціямъ страны. Скачки, джигитовка на дикихъ лошадяхъ, къ которымъ ни одинъ простой смертный не рѣшился бы подойти ближе, чѣмъ на сто шаговъ. Цыганскій хоръ, цыганскія пѣсни, цыганскія пляски, гаданья, и лари, гдѣ съ бою берутся амулеты и образки, вѣточки съ вѣнковъ, украшавшихъ раки съ мощами, лоскутки съ пестрыхъ тканей, увѣшивающихъ Сарру, жену Понтія Пилата...

Въ храмѣ - крѣпости въ это время, при свѣтѣ восковыхъ свѣчей и лампадъ, простертые на каменныхъ плитахъ люди молятъ о чудѣ, и въ звонъ цыганскихъ бубенъ, свистъ кнутовъ, визги пляшущихъ, врывается внезапно жуткое рыданье, изступленный плачь молящихся тамъ, за полуприкрытыми желѣзными дверями храма.

Городъ святыхъ Марій ничѣмъ не напоминаетъ Лурдъ, гдѣ такъ пышно, богато, благоустроено, лояльно, гдѣ содержатели отелей и ресторановъ, врачи, полиція, духовенство, по европейски стройно согласуютъ свои дѣйствія.

Врядъ ли когда либо и будетъ здѣсь благоустроенность, методичность и налаженность. Городъ святыхъ Марій въ Камаргѣ утратилъ бы тогда свое своеобразие неувядаемой легенды, которая уже шесть вѣковъ такъ властна надъ душами несмѣтныхъ тысячъ вѣрующихъ.

СЕРПАНТИНЪ

Со звонкимъ смѣхомъ, съ музыкой и весельемъ ассоціируется это милое граціозное слово. Въ провансальскомъ городкѣ Карпантрасъ, недалеко отъ Авиньона, именуется такъ бывшее еврейское гетто. Вьющаяся длинной змѣей между высокихъ, мертвыхъ домовъ узкая темная, грязная улица — Serpentine.

Горячее провансальское солнце никогда ни одного луча не бросаетъ сюда. Мѣсяцъ тоже освѣщаетъ болѣе утѣшныя мѣста. Дождевыя лужи здѣсь никогда не высыхаютъ, и кучи мусора такъ холмисто солидны, что, мнится, — онѣ блюдутъ традиціи давнихъ, давнихъ временъ, когда улица эта съ заходомъ солнца запиралась съ двухъ концовъ на крѣпкіе замки и когда обитатели ея не могли, не рискуя жизнью, переступить ея тѣсныя границы. Ни одного еврея ни въ одномъ изъ этихъ домовъ теперь нѣтъ. Дома частью пустыя, частью вмѣщаютъ склады какихъ - то товаровъ, и лишь въ нѣсколькихъ, лучше другихъ отразившихъ натискъ времени, еще ютятся пришлая итальянская и алжирская бѣднота.

Евреи въ современномъ Карпантрасѣ на перечетъ; четыре, пять семействъ теперь живутъ, гдѣ имъ нравится.

Карпантрасъ колыбель французскаго еврейства. Уже въ XII вѣкѣ была здѣсь культурная, богатая еврейская община, и тогда построена была здѣсь синагога —

точный сколокъ съ синагоги въ Амстердамѣ, построенной въ VII вѣкѣ. Синагога эта, втиснутая теперь межъ двумя высокими домами, отнесена къ историческимъ національнымъ памятникамъ... И туристамъ показываютъ ее, какъ всякій другой памятникъ. Раввина община не имѣетъ. Вѣнчаетъ, благословляетъ проходящихъ въ жизнь и уходящихъ изъ нея раввинъ изъ Авиньона.

Въ синагогѣ, стѣны которой видали виды,—музейный холодъ и музейная чистота, которыя отличаются отъ холода и чистоты другихъ забытыхъ храмовъ лишь особымъ нетлѣннымъ ароматомъ ливанскаго кедра, изъ котораго сдѣланы хоры, амвонъи высокіе съ чудесной, чуть потемнѣвшей золотой росписью подсвѣчники о восьми рукахъ: меноры. Продолговатый корабль храма въ строгихъ чистыхъ линіяхъ, кедръ и свѣтло-сѣрый камень, четкая грань хрустальныхъ люстръ, и лишь одно въ глубокой нишѣ небольшое яркое пятно: золотое креслице съ полустлѣвшей обивкой изъ алаго узорнаго дамаска. Въ это креслице клали на нѣсколько мгновеній новорожденныхъ мальчиковъ передъ совершеніемъ надъ ними священнаго обряда. Тронъ символизировало собою это трогательное игрушечное кресло. Символически новорожденные пріобщались на немъ грядущему величію, вѣрнѣе этимъ минутнымъ знакомъ отличія вознаграждались за муки и униженія, которыя ждали ихъ въ этомъ мірѣ.

Золотой вѣкъ еврейства въ Провансѣ былъ недологъ. Въ 1110-мъ году въ близкомъ отъ Карпантраса городкѣ Люнелль, гдѣ теперь нѣтъ ни одного еврея, евреями была основана старѣйшая на Западѣ Академія Наукъ. Нѣкогда знаменитый университетъ въ Монпелье со свободной медицинской кафедрой основанъ былъ евреями при Вильгельмѣ VIII.

Изъ Карпантраса, гдѣ небольшая еврейская община существовала уже во второмъ вѣкѣ христіанской

эры, вышли еврейскія общины, разсѣявшіяся по всему Провансу вплоть до Марселя.

Провансальское еврейство не дало философовъ, поэтовъ, какими прославили свой народъ евреи Испаніи и Сиріи, но изъ среды его вышли ученые раввины, въ темныхъ домахъ узкихъ и грязныхъ гетто одолѣвавшихъ вѣковую мудрость, и отличные ораторы, заступники за своихъ единовѣрцевъ.

А для примѣненія этого заступническаго искусства поводовъ было не мало.

Историки единодушно отмѣчаютъ гостепріимство, которое оказано было евреямъ на югѣ Франціи въ ту пору, когда ихъ преслѣдовали по всей Европѣ. Въ XIII и особо въ періодъ пребыванія въ Авиньонѣ римскихъ папъ, въ XIV вѣкѣ, во всѣхъ городахъ долины Дюранса и Рона строились синагоги. Евреевъ было такъ много въ то время въ Провансѣ, что въ XIV и XV вѣкахъ въ Авиньонѣ происходили сѣзды раввиновъ всего міра.

Евреи, правда, носили знакъ отличія, изображеніе колеса на груди, еврейскія женщины должны были причесываться, закладывая на макушкѣ косы двумя рожками, имъ запрещалось показываться на улицахъ во время христіанскихъ религіозныхъ процессій, въ воскресные дни, въ часы народныхъ празднествъ, имъ запрещалось во многихъ городахъ торговать новыми товарами, пользоваться услугами христіанскихъ аптекарей и акушеровъ, запрещалось разговаривать безъ крайней дѣловой необходимости съ христіанами. Въ богатой библиотекѣ Карпантраса сохранились протоколы процесса противъ одного еврея, уличеннаго въ « *conversatium familiaris* » въ томъ, что онъ дружески разговаривалъ съ одной христіанской вдовой. Но все же Провансѣ имѣлъ славу «еврейскаго рая».

Къ евреямъ даже казнь примѣнялась столь кроткая, что эта привилегія, данная имъ благоволившимъ

къ нимъ римскими папами, вызывала зависть и рождала ненависть къ нимъ христіанскихъ преступниковъ. Евреевъ казнили путемъ «расплющиванія». Это былъ очень пріятный способъ смерти, такъ какъ, утверждають историки Прованса, «осужденный терялъ сознание уже отъ перваго удара двухъ желѣзныхъ палицъ, одновременно изо всего размаху опускавшихся палачами на его виски, и дальнѣйшіе удары, не причиняя ему никакой боли, служили уже только для острастки зрителямъ».

Ухудшилось положеніе евреевъ въ Провансѣ и на долгіе вѣка во время чумы, разразившейся надъ Провансомъ въ XIV вѣкѣ, въ 1348-мъ году, когда христіанскимъ міромъ правилъ просвѣщеннѣйшій изъ всѣхъ семи авиньонскихъ папъ, Климентъ VІ.

Первыми мѣропріятіями противъ эпидеміи во всѣхъ городахъ Прованса были расправы съ евреями. Задавшись цѣлью изничтожить весь христіанскій міръ, евреи отравляли колодцы въ городахъ и деревняхъ. И челоуѣколюбцы того времени, умѣвшіе добираться до источниковъ бѣдствій, широко огласили всѣ подробности этого дьявольскаго плана. Директива шла изъ Толедо, откуда командированъ былъ лютый врагъ христіанства Яковъ а Паскатэ съ цѣлымъ отрядомъ исполнительныхъ агентовъ. Паскатэ со своими сообщниками прибылъ въ Савойю, въ Шамбери, гдѣ нашелъ надежныхъ помощниковъ, въ лицѣ мѣстнаго раввина Пейрэ и богатаго еврея Абогэ. Отсюда, изъ Шамбери, отравители разсѣялись по всѣмъ городамъ Прованса и, отравляя колодцы, сѣяли смерть на каждомъ своемъ привалѣ. Извѣстенъ былъ даже составъ ядовъ, вызвавшихъ эту страшную чумную эпидемію: смѣсь изъ пауковъ, лягушекъ и ящерицъ. Ингредиенты другого яда были еще смертоноснѣе: нижнія дольки христіанскихъ сердецъ, сваляныя съ просфорнымъ тѣстомъ. Еврейскую общину, пріютившуюся въ живописной деревушкѣ близъ Карпан-

траса, сожгли цѣликомъ въ одну ночь. Днемъ и ночью хватали евреевъ, женщинъ, дѣтей десятками, сотнями топили, рѣзали и вѣшали. Кроткій способъ расплющиванія евреевъ былъ на время совершенно упраздненъ.

За евреевъ заступился просвѣщенный и гуманный Климентъ УІ, долги котораго евреямъ возросли къ тому времени до цифры въ десятки тысячъ флориновъ. Буллами, за которыя съ каждой еврейской общины взималось сообразно ея платежеспособности, Климентъ УІ, взывая къ христіанскимъ чувствамъ населенія и грозя карами и отлученіемъ отъ церкви за распространеніе ложныхъ слуховъ и за суетвѣріе, приостановилъ эти расправы...

Когда упразднено было въ Карпантрасѣ гетто, когда отмѣнены были изображенія колесъ и прически рожками, евреи долго не рѣшались разставаться ни съ внѣшними знаками отличія, ни со своими темными зимой и лѣтомъ скользкими, грязными переулками.

Въ началѣ 19-го вѣка ихъ насильно выселяли отсюда. А эмблемы страсотерпчества годы еще служили предметомъ споровъ и раздоровъ между просвѣщенными и темными элементами общины. Послѣднимъ они мнились знакомъ достоинства, а отреченіе отъ нихъ — измѣной вѣрѣ отцовъ. Прически же женскія, косы рожками, шли къ точенымъ оваламъ еврейскихъ красавицъ — старинныя хроники и легенды Прованса полны восхваленій ихъ чаръ, и противъ этой прежней мѣты отчужденія и униженія безсильны были всѣ вольности, дарованныя евреямъ. Высокая прическа, косы рожками вошли въ моду въ началѣ 19-го вѣка и не только въ Провансѣ...

Старая, съ худенькой дѣвичьей фигуркой, съ милымъ подвижнымъ лицомъ еврейка, показывавшая мнѣ въ Карпантрасѣ синагогу, знаетъ обо всемъ этомъ не изъ книгъ, изъ которыхъ многое вычитать можетъ каждый туристъ. Она знаетъ о прошломъ Карпантрасѣ отъ

дѣда, который зналъ отъ дѣда, отъ прадѣда, и на замѣчаніе: «Однако, вѣдь, у васъ въ Карпантрасъ былъ папскимъ легатомъ Ингемберъ, истинный человѣколюбецъ. Всѣ историки называютъ его искреннимъ другомъ еврейства», — тонкія губы раздвигаются въ улыбку: «О, если нашъ Ингемберъ былъ другомъ еврейства, то не трудно представить себѣ, чѣмъ были еврейству другіе папскіе легаты... Далекое это все. Еще во мнѣ что-то иной разъ всплыветъ, дѣда рассказы помню. Дѣти мои въ Ліонѣ, въ Парижѣ учились. Что имъ до прошлаго этого городка? А внуки мои, тѣ и вовсе...»

Она махнула рукой. Разсѣкла ея воздухъ...

На просьбу сказать что нибудь на жаргонѣ, симпатичный гидъ, изъяснявшаяся на отличномъ французскомъ языкѣ, произнесла нѣсколько ни на что не похожихъ словъ, ни съ какимъ языкомъ и ни съ какимъ діалектомъ отдаленнаго сходства не имѣвшихъ.

Но, быть можетъ, на этомъ странномъ нарѣчій говорили когда-то въ жуткихъ домахъ-клѣткахъ, обитатели которыхъ могли переговариваться шопотомъ и протягивать другъ другу руки черезъ раздѣлявшую дома ихъ скользкую, темной змѣей выющуюся улицу... Серпантинъ.

И тогда, конечно, звучало оно иначе, не антикварнымъ курьезомъ, какъ теперь на залитой солнцемъ площади, оно звучитъ въ устахъ этой старой умной женщины, которая еще что-то смутно помнитъ, но внуки которой — «тѣ и вовсе...»

СИНІЙ ДОМИКЪ

Здѣсь, на окраинѣ Экса-въ-Провансѣ доживалъ свой вѣкъ Поль Сезаннъ.

Онъ не весь синій — этотъ домъ — только крыша, рамы оконъ, ставни, ограда и ворота выкрашены въ цвѣтъ провансальскаго неба, въ цвѣтъ Средиземнаго моря, но съ холма, на которомъ стоитъ домъ, онъ кажется сплошнымъ яркимъ синимъ пятномъ, вырѣзан-нымъ изъ одного изъ полотентъ художника, насыщен-ныхъ, напитанныхъ этими основными тонами провансальскаго пейзажа — ярко - синимъ и ярко - зеленымъ.

Французскій художникъ и авторъ многихъ художественныхъ монографій, Эмиль Бенаръ, рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ, приѣхавъ въ Провансъ, въ Эксъ, съ тѣмъ, чтобы принести дань своего поклоненія уже признанному художественнымъ Парижемъ Полю Сезанну, онъ долго разыскивалъ въ Эксѣ уроженца и жителя этого города. Эксъ, аристократическій, гордый своими традиціями, городъ, гдѣ чуть ли не каждый старый домъ — бывший дворецъ, въ стѣнахъ котораго хозяева принимали коронованныхъ гостей всего міра. Каждый домъ на главной улицѣ города, — проспектъ Мирабо—не улица, а почти паркъ изъ четырехъ рядовъ высокихъ широко-вѣтвистыхъ платановъ, музей, хранилище безцѣнныхъ художественныхъ реликвій, историческихъ былей и легендъ, рѣдкихъ рукопи-

сей и автографовъ. Обитатели этихъ дворцовъ, съ наглухо запертыми тяжелыми, кованными воротами, съ рѣшетками на окнахъ, — ревниво оберегаютъ свои сокровища, свои традиціи, свою знатность, и пребывая въ Эксѣ или наѣзжая въ свои старые дома изъ старыхъ деревенскихъ усадебъ, не смѣшиваются съ другимъ населеніемъ города, мелко - буржуазнымъ и пришлымъ.

Обитатели этихъ домовъ, гдѣ могли быть и были цѣнители таланта Поля Сезанна, не могли дать свѣдѣній разыскивавшему его Эмилю Бенару, и оттого, что дозвониться или достучаться въ одинъ изъ этихъ дворцовъ не каждому смертному дано, и оттого, что нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ, пока слава этого пророка не прогремѣла за предѣлами его отечества.

Поль Сезаннъ былъ сыномъ шляпочника, выходца изъ Италіи, изъ Чезены, и вовсе уже незначительной матери, полу-француженки - полу-креолки. Наживъ на шляпной мастерской небольшое состояніе, отецъ художника открылъ банкирскую контору, потомъ ликвидировалъ и контору, приобрѣлъ загородную усадьбу, большой домъ съ великолѣпнымъ паркомъ, а сына - подростка отдалъ въ Бурбонскій лицей и радовался его успѣхамъ. Онъ видѣлъ въ нихъ залогъ осуществленія своихъ завѣтныхъ мечтаній: сынъ будетъ адвокатомъ или нотариусомъ. Въ этомъ лицѣ Поль Сезаннъ подружился съ Эмилемъ Зола, уроженцемъ Марселя, и оба, далекие отъ мысли о своихъ грядущихъ судьбахъ, дули во всѣ легкія — Сезаннъ на пистонѣ, Зола на кларнетѣ. Ихъ стараніями наладился школьный, любительскій оркестръ, и есть еще въ Эксѣ старики, помнящіе, какъ шествовали въ праздничные дни впереди оркестра, съ набухшими на лбу жилами, съ надутыми щеками будущій авторъ Ругонъ - Макаровъ и будущій «король красокъ». Между уроками и упражненіями на пистонѣ

будущій художникъ «баловался», пачкая чернилами, карандашами, а затѣмъ и красками листы бумаги, и альбомовъ. Послѣ долгихъ настояній П. Сезанна ему, любимцу семьи, разрѣшили разрисовать стѣны въ двухъ-трехъ комнатахъ загороднаго дома. Фрески эти отмѣчены теперь во всѣхъ художественныхъ гидахъ по Провансу, и самый домъ, именуемый теперь замкомъ — *Jas de Bouffon* — (поле вольнаго вѣтра) — рѣдкому туристу доступная достопримѣчательность.

Краски скоро заглушили въ Сезаннѣ увлеченіе пианомъ, и когда Зола уѣхалъ въ Парижъ, въ ихъ письмахъ, изъ Экса въ Парижъ и изъ Парижа въ Эксъ, уже рѣчь шла о томъ, какъ бы Сезанну сбѣжать съ юридическаго факультета, куда опредѣлилъ его отецъ, и заняться живописью, которая «есть все, ибо если можетъ что человѣкъ сказать, то, конечно, только красками». Зола былъ того мнѣнія, что и словомъ можно кое что сказать, но друга своего не разувѣрялъ, а убѣждалъ пріѣхать въ Парижъ, и, считаясь съ скупостью отца Сезанна, соблазнялъ его доступнымъ бюджетомъ:

«Комната обойдется тебѣ въ 20 франковъ, завтракъ — 90 сантимовъ, и обѣдъ 1 фр. 10 сант. Значить, на питаніе 60 франковъ въ мѣсяцъ. Потомъ — мастерская, натурщики — 10 фр. Скажемъ еще 10 фр. уйдетъ на полотно, кисти, краски. Всего — 100 франковъ. Если отецъ ассигнуетъ тебѣ 125 фр., то 25 у тебя останется на прачку, освѣщеніе, табакъ и развлеченія. Но можно еще подработать — этюды, сдѣланные въ мастерской извѣстнаго художника, или копіи съ полотенъ Лувра идуть очень недурно. Надо только умѣть находить покупателей».

Но отецъ долго не соглашался ассигновать на занятіе, казавшееся ему совершенно неприбыльнымъ, — 125 франковъ въ мѣсяцъ, — и Сезаннъ послѣ отъѣзда

Зола изъ Экса два года еще слушалъ лекціи, дома велъ войну, съ товарищами не сходилъ, и, быть можетъ, эти годы одиночества и заронили въ немъ мотивы его будущихъ картинъ: «Покинутая усадьба», «Домъ повѣшеннаго», и одиночествомъ, и нелюдимостью окрасили всю его дальнѣйшую жизнь.

Однако, ни Парижъ, ни семья, — своя уже семья, скоро, впрочемъ, расклеивавшаяся, ни даже занимавшая слава, надолго оторвать его отъ солнечнаго синезеленаго Прованса не могли.

Онъ возвращался опять и опять, скитался по деревнямъ, морскому побережью, ночевалъ въ рыбацкихъ поселкахъ, на сѣновалѣ, сближался съ деревенскими политиками, и знаменитыхъ его «Игроковъ» каждый туристъ тотчасъ узнаетъ въ любомъ деревенскомъ кабачкѣ или кафе Прованса. Изъ каждаго горнаго ущелья, изъ каждой долины, гдѣ Сезаннъ писалъ, и часто тутъ же оставлялъ, забывая или теряя, этюды, уносилъ онъ съ собою тайное видѣніе Прованса — зелено-синее, солнечное.

Синій домикъ, на откосѣ дороги, ведущей отъ Экса къ руинамъ старѣйшаго въ Провансѣ галльскаго поселенія, Межгорья, — послѣдняя обитель Сезанна.

Ни одной картины, ни одного этюда здѣсь не осталось. Все въ музеяхъ, и въ рукахъ коллекционеровъ, и не мало полотенъ Сезанна было въ Россіи, въ Третьяковской галлерей и у Шукина.

Въ большой мастерской, залитой солнцемъ, съ изумительнымъ видомъ изъ широкаго во всю стѣну окна, — остались только мольберты, кисти, ящикъ съ высохшими красками, школьныя тетради съ рисунками на поляхъ, наивными и смѣлыми, евангеліе и молитвенникъ.

А показываетъ эти реликвіи и благоговѣнно раз-

сказываетъ о художникѣ провансальскій поэтъ, близкій къ Сезанну въ послѣдніе годы его жизни, Мишель Провансъ.

Въ синемъ домикѣ, который онъ приобрѣлъ и живетъ въ немъ тоже бирюкомъ, какъ его умершій другъ, вѣрно и преданно оберегаетъ онъ память Сезанна, свою тихую радость...

НИМЪ

Въ путеводителѣ по Ниму одной изъ достопримѣчательностей города отмѣчена — могила Діаны.

Какъ сюда затесалась греческая богиня и какъ она умерла, будучи по чину безсмертной, ни печатные, ни живые гиды не объясняютъ. Могила, гдѣ покойся прахъ нетлѣнной и безсмертной, впрочемъ, нѣтъ. Есть только храмъ Діаны, да и храма въ сущности нѣтъ. Есть только что-то отъ стѣнъ, что-то отъ древнихъ колоннъ и нѣсколько тяжелыхъ надробныхъ мраморныхъ плитъ. Одна изъ этихъ плитъ, вѣроятно, и прикрывала собою могилу Діаны, если она, дѣйствительно, тутъ умерла. И возможно, что умерла, такъ какъ классическіе боги, попавъ въ Галлію, дѣлались, повидимому, лже-классическими и снисходили до всякихъ человѣческихъ дѣлъ... Такъ, наприимѣръ, другой греческій богъ, родной внукъ Геркулеса, Нимозъ, очутившись въ теперешнемъ департаментѣ Гарда, тогда каменной пустоши у подножія лѣсистыхъ горъ, именуемыхъ теперь Севернами, прежде всего занялся строительствомъ. Онъ то, этотъ Нимозъ, и положилъ начало городу, называющемуся теперь Нимомъ, а Кастальскіе ключи забили здѣсь уже позднѣе, когда императоръ Августъ основалъ здѣсь «колонию Нимозъ». Тогда прозрачныя бирюзовыя воды включены были въ каналы, въ бассейны, и римскія матроны могли удовлетворять здѣсь свои гигиеническія потребности.

Надъ этими, дѣйствительно чудесными каналами раскинулся амфитеатромъ великолѣпный паркъ, въ которомъ хвоя смѣшана съ почти тропической растительностью. Но съ темныхъ, высокихъ Севернѣ дуетъ холодный вѣтеръ, и я высоко поднимаю мѣховой воротникъ и хочу и не могу изобразить на свемъ лицѣ сочувствіе восхищенному умиленію гида, повторяющаго: «Здѣсь купалихъ римскія матроны...» Храбрыя были матроны — я бы ни за что...

Этотъ паркъ, эти прозрачные бирюзовые каналы — наряднѣйшая, привлекательнѣйшая часть города, старѣйшаго послѣ Марсея галльскаго города, и отлично сохранился здѣсь памятникъ — знаменитый «Квадратный Домъ». Онъ восхитителенъ — этотъ домъ, но не квадратеиъ вовсе, а четвереуголенъ, и о томъ, какъ неподражемы геніи, красота — говорить стоящій противъ «квадратнаго дома» городской театръ... Тѣ же колонны, тотъ же планъ постройки, но какъ это не то и какъ это безпомощно пародично.

Этотъ «квадратный домъ» — теперь въ немъ убогій античный музей—и нимскія арены, едва-ли не грандіознѣе римскаго Колизея, видали виды.

И двадцать вѣковъ скользнули по нимъ, едва оставивъ нѣсколько царапинъ, нѣсколько желтыхъ пятенъ.

Ни одинъ городъ въ Провансѣ не воевалъ такъ упорно и долго, какъ этотъ мирный, теперь благодущный, праздный на видъ, опрятный, нарядный Нимъ. — Вся его исторія — длинный перечень войнъ, кровопролитій, разрушенія, уничтоженія.

То, что строили одни, сносили другіе. То, что создавали католики — уничтожалось альбигойцами, то, что воздвигали протестанты, сокрушалось католиками. И въ этомъ стариннѣйшемъ городѣ — удивительно, — нѣтъ почти старины, кромѣ двухъ-трехъ несокрушимыхъ памятниковъ римскаго владычества. Какъ въ папскомъ городѣ Авиньонѣ, какъ во французскихъ Афи-

нахъ — въ Провансальскомъ Эксѣ — здѣсь лабиринты узкихъ темныхъ улицъ. Но какая разница! Безъ поэзіи старины, безъ романтики руинъ или безмолвныхъ старыхъ дворцовъ. Духъ Латинской культуры не успѣвалъ утвердиться, на смѣну ему шла пуританско-протестантская суровость. И люди, повидимому, полагали не стѣснимъ труда дѣломъ строить впрокъ, съ расчетомъ на вѣчность. И оттого такъ скучно сѣры, однотонны улицы стараго Нима, а новыя съ элегантными особняками и классическими названіями: улицы Адриана, Агриппы, Тита, Веспасіана — эти, банально нарядны и мыслимы въ любомъ современномъ городѣ любой страны.

Только передъ красотою, передъ чудесной гармоніей «квадратнаго дома» — дара императора Агриппы римской колоніи, да передъ исполненными аренами — сказались безсильными всѣ виды оружія и всѣ проявленія ненависти. «Квадратный домъ» служилъ правительственнымъ учрежденіемъ то для одной, то для другой власти, и у каждаго правителя находились «пѣвцы», доказывавшіе соотвѣтствіе стиля зданія съ идеологіей данной власти. Въ дни Террора въ «квадратномъ домѣ» засѣдалъ революціонный трибуналъ, и были уже тогда мастера печатнаго слова, воспѣвавшіе геній невѣдомыхъ древнихъ строителей, уготовившихъ это чудесное строеніе для того, чтобы въ стѣнахъ его «свободный народъ могъ вершать судъ надъ своими угнетателями...»

Одно время, въ первые дни консульства, «квадратный домъ» служилъ конюшней мѣстному гарнизону — это его назначеніе, кажется, никѣмъ не было воспріято.

На аренахъ въ эти весенніе дни хорошо сидѣть на верхнихъ галлереяхъ и любоваться чудеснымъ видомъ на окрестности Нима. Бои быковъ устраивают-

ся часто. И бои здѣсь не для слабонервныхъ дамъ, не игрушечныя courses libres завершающіяся въ тотъ мигъ, когда матадоръ налѣпляетъ быку цвѣтной бантъ между рогами. Бои въ Нимѣ — подлинныя классическія «корриды» съ пикадорами, матадорами — преемниками славныхъ династій, и молодые люди снимаются въ Нимѣ наряженные альгвазилами и бандорильерами и въ магазинахъ продаются открытки «прекрасныхъ дамъ», которымъ знаменитые матадоры, герои корридъ, подносили свой беретъ на остріѣ бандерильи.

Ни альбигойцы, ни кальвинисты, ни поколѣнія протестантскихъ проповѣдниковъ и наставниковъ — къ одной такой исконно Нимской протестантской семьѣ, принадлежитъ и Андре Жидъ, — не сумѣли искоренить въ населеніи Нима занесенной изъ знойной Испаніи жажды острыхъ впечатлѣній, зрѣлища удали, смѣлой ловкости и крови....

Ближайшіе бои быковъ лишь въ началѣ мая, а уже теперь въ мартѣ говорятъ о нихъ въ Нимѣ и не только гиды—туристамъ, но и въ кафѣ, въ ресторанахъ и уже спорятъ о шансахъ быковъ той или другой ганадеріи.

Въ глухомъ, теперь скучномъ городкѣ Люнелѣ, близъ Нима, евреями, выходцами изъ Испаніи, основана была въ 11-омъ вѣкѣ Академія Наукъ. Часть ея — медицинскій факультетъ — перенесенъ былъ позднѣе въ Монпелье. Въ Нимѣ въ эпоху гоненій на евреевъ въ Испаніи и Португаліи пріютилась значительная еврейская община, вмѣстѣ съ нѣсколькими учеными раввинами, привезшая сюда цѣнные манускрипты, цѣнные реликвіи.

На унылой скучной улицѣ Русси помѣщается теперь невзрачная, убогая молельня, и показываетъ ее туристамъ уморительно забавная сторожиха-еврейка.

Тоненькая, миловидная, цыганскаго типа, съ алой ленточкой въ черныхъ кудряхъ съ пестрыми бусами на

смуглой шеѣ и толстеннымъ годовалымъ цыганенкомъ на рукахъ. Говорить по-французски свободно, но съ страннымъ какимъ-то акцентомъ.

— «Какой вашъ языкъ родной?»

— «Всѣ» — отвѣчаетъ.

— «Какъ всѣ? А по-еврейски говорите?»

— «Нѣтъ, только вотъ по-еврейски не говорю. А то на какомъ хотите — по-турецки, армянски, гречески, по-арабски — тоже могу».

Полиглотъ. Отецъ — синагогальный служка былъ: въ Сири, на о. Критѣ, въ Константинополѣ, въ Персїи, еще гдѣ-то. Подъучилась въ скитанїяхъ.

Красивые черные глаза ея смѣются, бусы на стройной шеѣ звенятъ, толстый цыганенокъ на ея рукахъ чему-то хохочетъ, и отчего этотъ юный сынъ Израїля такого яркаго цыганскаго типа, я не отваживаюсь спросить...

Очаровательная сторожиха. Для нея одной и «квadratнаго дома» императора Агриппы стоитъ побывать въ Нимѣ, въ городѣ наименѣе интересномъ изъ всѣхъ городовъ Прованса.

Нимъ — Мартъ, 1927.

БѢЛЫЯ ДОЩЕЧКИ

Городокъ маленький, Лектуръ, въ департаментѣ Жеръ, бывшей Гасконіи, а чичероне у меня добросовѣстные и показываютъ, что можно показать, объясняя съ обстоятельностью, какой могли бы позавидовать столичные гиды. Даже слишкомъ обстоятельно, и съ видимымъ наслажденіемъ — въ кои вѣки забредетъ сюда, въ эту глушь туристъ, — да еще иностранецъ? Показали музей съ четырьмя обломками колоннъ романскаго періода, съ нѣсколькими надгробными плитами, съ которыхъ время давно стерло надписи и оставило бугорки, портретъ генерала Сюперви, уроженца Лектура, побывавшаго въ Россіи вмѣстѣ съ Наполеономъ. Показали старую темную больницу, нѣкогда замокъ графа Арманьяка, большого драчуна и забіяки, озорно воевавшего съ Людовикомъ XIII и жестоко наказаннаго за драчливость и озорство. Онъ предавалъ и убивалъ. Его предали и убили.

Мои гиды, благочестивыя католички, очень уже немолодые дѣвушки, опуская глаза, нѣсколько иначе объясняютъ его преждевременную гибель. Графъ Арманьякъ тайно обвинялся въ одной изъ башенъ бывшаго замка, теперь неуютной, непривѣтной больницы, — съ родной сестрой, Изабеллой, — о красотѣ которой нынѣ еще поется въ гасконскихъ пѣсняхъ. И за это, конечно, постигла его кара Божія...

Изъ другой башни замка, узнаю я, спускался когда

то маркизь Монморанси, замышлявшій отложеніе отъ Франціи Лангедока вмѣстѣ съ Гасконіей. Это было уже при Людовикѣ XIV-омъ, который тоже предпочиталъ единую и недѣлимую Францію федеративной, но маркизь былъ обольстителенъ, и знатныя дамы города Лектура испекли для него большой сладкій пирогъ, благочестивыя кармелитки свили крѣпкую шелковую бичевку, бичевку умѣстили въ пирогъ, и маркизь, угостивъ своихъ тюремщиковъ пирогомъ, спустился ночью на шелковой бичевкѣ на землю, бѣжалъ и до цѣли не добѣжалъ. Его поймали и казнили въ Тулузѣ, въ липовой рошѣ близъ Каталонскаго моста, такъ красиво бѣлѣющаго надъ голубою Гаронной. Показали еще тиnistую лужицу — фонтанъ Діаны, — безголовую, безрукую позеленѣвшую статую прекрасной нѣкогда богини, а поодаль отъ нея высокій ажурный крестъ надъ могилой Св. Клера, отказавшагося исполнить приказаніе римскаго сатрапа — отслужить мессу передъ статуей Діаны, и обезглавленнаго за непокорность. Въ старой церкви XIII-го столѣтія вели по всѣмъ придѣламъ, объясняли какое святое изображеніе кѣмъ и когда пожертвовано и какія историческія художественныя цѣнности увезены были во время революціи, попрятаны въ погребахъ по сосѣднимъ деревнямъ и больше въ Лектурѣ не возвращались... Все... Статую маршала Ланна, тоже уроженца Лектура, получившаго отъ Наполеона за хорошее поведеніе подъ Монтебелло графскій титулъ и вторую фамилию Монтебелло, показывать нѣтъ необходимости. Она стоитъ на единственной площади Лектура и такъ грузна, такъ бѣла, что достаточно одного кивка головы: «Ну вотъ, и это...» — А «это» — единственная достопримѣчательность Лектура, отмѣченная въ путеводителяхъ. Мои чичероне добавили еще, впрочемъ, что пріѣзжавшіе однажды въ Лектурѣ потомки маршала Ланна — графа Монтебелло очень довольны остались опрятнымъ видомъ статуи и постамента. Еще бы..

Еженедѣльно въ традиціонный субботній день большой уборки статую эту всѣ обывательницы Лектура поочередно не за страхъ, а за совѣсть, чистятъ, трутъ и полощатъ нечувствительнаго къ ихъ патріотическому усердію маршала...

Нѣтъ, не все, — кладбище оставалось еще посмотреть. Но тутъ ни одного памятника примѣчательнаго не оказалось, и такъ какъ гиды мои замѣтно конфузились того, что лектурское кладбище такъ мало напоминаетъ генуэзское Кампо-Санто и Перъ-Лашезъ, то я остановила свое вниманіе на чудесной аллеѣ тополей и не только удовольствія ради этихъ двухъ отцвѣтшихъ скучно и безрадостно живущихъ дѣвушекъ, а отъ чистаго сердца восхищалась стройными и печальными стволами. Дѣвушки хотѣли уже увести меня домой, да и пора было — древній колоколъ длительно и пѣвуче звалъ къ вечернѣ — когда за низкой оградой кладбища я замѣтила нѣсколько странно стоявшихъ, странно воткнутыхъ въ землю бѣлыхъ дощечекъ.

— А это что?

Вышли за ограду. Неогороженный зеленый пустырь на обрывѣ, внизу, за поросшими мелкимъ кустарникомъ уступами, широкая проѣзжая дорога, желѣзнодорожное полотно, широкая богатая долина Жеръ. А на пустырьѣ не нѣсколько, какъ показалось изъ за ограды, а много, десятковъ восемь-девять, продолговатыхъ, четвероугольныхъ наклонно вставленныхъ въ землю бѣлыхъ дощечекъ, и по одной, по другой сторонѣ, по маленькой грудкѣ камушковъ. Догадку мою о собачьемъ, о кошачьемъ или игрушечномъ, дѣтьми придуманномъ кладбище мои чичероне, смѣясь, опровергаютъ. Не собачье, не кошачье, не игрушечное, а настоящее человеческое кладбище... Только, — что подъ этими бѣлыми дощечками лежатъ не христіане, не добрые католики, какъ тамъ за оградой, а сенегальцы... Во время войны обучали ихъ въ мѣстномъ гарнизонѣ европейскому ис-

кусству убивать людей, и такъ какъ они не вынесли европейскаго климата, то всѣ перемерли. Всѣ до единаго. Восемьдесятъ восемь человѣкъ.

Больницы, этой темной больницы, гдѣ убить былъ графъ Арманьякъ, обвинчавшійся, Папѣ и всѣмъ кардиналамъ наперекоръ, съ родной сестрою,—этого гордаго нѣкогда замка, сенегальцы такъ боялись, что скрывались, заболѣвая, притворялись спящими, трясясь отъ лихорадки, и стискивали зубы, когда имъ пытались влить лекарство. Изъ больницы никто изъ сенегальцевъ не вышелъ живымъ. Микстуры и порошки европейскихъ врачей ни одного изъ ихъ сородичей не исцѣлили. Въ превосходномъ романѣ братьевъ Таро «Самба Диуфъ», сенегальцы, которыхъ силою и обманомъ увозутъ воевать, утѣшаютъ себя тѣмъ, что они знаютъ лишь отъ сборщиковъ податей, объясняющихъ имъ, что раньше они были беззащитными и несчастными людьми, а съ тѣхъ поръ, какъ стали французскими подданными и платятъ налоги, они счастливые люди, ибо находятся подъ защитой могущественной державы... И въ романѣ Таро, сенегальцы умираютъ, такъ и не повидавъ «короля тубабовъ». А когда принявъ однажды взводнаго фельдфебеля за «короля тубабовъ», они приходятъ въ волненіе, и свои жалобы и упованія выкрикиваютъ какими то непонятными звуками, въ штабъ летитъ донесеніе, тотчасъ воспроизводимое газетами, о томъ, что «въ сенегальскихъ войскахъ настроеніе бодрое и воинственное...». На «бѣлыхъ дощечкахъ» сенегальскаго кладбища въ Лектурѣ такія же трогательныя имена, какъ у черныхъ героевъ романа Таро: Бони Боба, Леа Мари, Синьо Олери...

Мои спутницы не читали книги Таро, но то, что онѣ рассказываютъ мнѣ о Бони Боба, Леа Мари, Синьо Олери далеко превосходитъ печалью — печальный вымыселъ Таро. Война оказалась злостнымъ конкурентомъ для беллетристовъ. Какъ бы хитро что ни замыслили,

куда замысловатѣе и сложнѣе драмы и трагедіи дѣйствительности, узлы которыхъ завязывались и разрѣшались въ годы войны.

Сенегальцы, учившіеся въ Лектурѣ убивать «аллемановъ» и умиравшіе, не успѣвъ примѣнить на дѣлѣ прибрѣтенныхъ знаний, въ часы досуга, вязали корзины для обывателей, чинили обувь, натирали полы и трогали сердца кротостью и незлобивостью. Но только патриотами они не были, рассказываютъ мои чичероне... «Патри» называли не Францію, давшую имъ всѣ блага культуры, а какія то свои пустыни, названія которыхъ и не выговорить культурному человѣку... «Вотъ этотъ, Бони Боба, отличный былъ слесарь и подрабатывалъ недурно, и не мало денегъ перевелъ куда то своимъ роднымъ, но вѣчно рюмилъ... Муа — жаме — маманъ — патри...»

Мои спутницы быстро переглядываются — быть можетъ не слѣдовало вовсе показывать мнѣ этого пустыря съ бѣлыми дощечками... Такъ ужъ онъ не похожъ на другіе памятники «павшимъ героямъ», красующіеся теперь по всей Франціи въ каждомъ городкѣ, въ каждой деревушкѣ, въ каждомъ поселкѣ...

Онѣ поспѣшно уводятъ меня. Рассказываютъ по дороге, какіе они смѣшные, забавные были эти черные люди, съ ихъ непонятною рѣчью и непонятною тоскою о какой то тамъ «патри»...

Бѣлые дощечки — такъ отчетливо вижу передъ собою каждую изъ нихъ — самый жуткій, самый потрясающій памятникъ войны изъ многихъ сотенъ, какіе приходилось видѣть въ скитаніяхъ по Франціи. И неотвязно и немолчно звучитъ въ ушахъ: «Муа — жаме — маманъ — патри»...

БУРЖЪ

Сердце Франціи — такъ называли эту богатую, пышную глушь Просперъ Меримэ, Жоржъ Сандъ, такъ называютъ провинцію Берри и понынѣ французскіе этнографы. Сердце Франціи — состоящее, какъ всякое сердце изъ двухъ частей: Шеръ и Эндръ, не перемѣстилось. Здѣсь французы у себя дома, и есть вокругъ главнаго города департамента Шеръ, вокругъ уютнаго, тихаго Буржа — очаровательныя деревушки, маленькіе, чистенькіе городки, гдѣ ни одного пансіона, ни одного отеля, гдѣ негдѣ остановиться туристу. Нѣтъ оріентаціи на иностранцевъ, на туристовъ съ валютой. Да и колебанія франка мало кого тутъ волнуютъ. Живутъ на дѣдовскихъ, прадѣдовскихъ земляхъ, въ прочно сколоченныхъ старыхъ домахъ, а вновь вырастающіе строятся тоже съ расчетомъ, по меньшей мѣрѣ, на вѣчность...

Наполеонъ говорилъ о Буржѣ: «Хорошій стратегическій пунктъ... Надо имѣть въ виду, въ случаѣ чего...» Одно время, когда союзная армія продвигалась къ Парижу, о перенесеніи столицы въ Буржъ поднималась рѣчь и въ Конвентѣ. До этого не дошло, къ счастью для Буржа, который отъ якобинскаго террора пострадалъ мало. Храмы пообчистили немного, но все цѣнное въ нихъ заблаговременно попрятано было жителями въ надежныхъ мѣстахъ, а какъ улеглись революціонныя бури, вновь получило свое назначенье. Не прихотью коро-

лей, а вѣками, упорно и любовно создавались и собирались художественныя сокровища Буржа. Подлинное коллективное творчество, въ которомъ участвовала окрестная знать, все помѣщичье дворянство, богатая буржуазія. Въ эти наши дни во дворцѣ Жака Кейра, банкира короля Карла VII-го, выставка фарфора и керамики. Въ пяти шести огромныхъ залахъ ни одной новой, ни одной современной вещи XIV, XV, XVI вѣка. И всѣ выставленные предметы взяты на время у обладателей ихъ, изъ окрестныхъ замковъ, усадебъ, у жителей самаго Буржа, гдѣ на десять домовъ, два уже, навѣрно, музеи, хранилища художественныхъ сокровищъ, переходящихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Какъ земля, угодыя, садъ. Глаза пра-прадѣда оцѣнили, сбереженіями предковъ добыто. Внуки, правнуки любятъ и берегутъ, и быть можетъ въ тѣхъ же шкапахъ, на тѣхъ же полкахъ стоять эти изумительныя блюда, тарелки, ковши, кубки, изъ которыхъ пили рыцари и гости ихъ — короли. Именно всѣхъ этихъ экспонентовъ — графовъ, виконтовъ, маркизовъ — часть длинно резвертывающагося свитка французской исторіи.

Съ Буржемъ связана значительная часть царствованія глуповатаго и ничтожнаго Карла VII-го, о которомъ такъ самоотверженно позаботилась Жанна д-Аркъ. Отсюда изъ Берри и двинулась она въ послѣдній роковой для нея путь. Въ Меэнь на Іеврѣ близъ Буржа, гдѣ отъ замка Карла VII-го осталась лишь некрасивой трубой торчащая сломанная башня, ходила она съ тѣмъ, чтобы издала хоть взглянуть на помазанника Божія, который предавался тамъ любовнымъ утѣхамъ съ Агнесой Сорель. Въ то время, какъ прекрасная Агнеса Сорель за красоту свою прозванная Красой Пречистою, раззоряла государственную казну, и придворные шептались о томъ, что чувственный хмѣль, какимъ блестящая фаворитка опаивала короля, ослаблялъ его и безъ того слабую волю, ради этого самаго короля обрекла

себя на смерть юная Жанна д-Аркъ и жертвовалъ для него огромнымъ состояніемъ, добытымъ трудомъ, геніемъ — Жакъ Кейръ. Какая живописная красочная фигура, этотъ Жакъ Кейръ — именемъ его названъ и въ Парижѣ небольшой переулокъ близъ Бастиліи, соединяющій бульваръ Генриха 1У-го и улицу св. Антуана. И какъ чтутъ жители Буржа память своего именитаго гражданина. Кондитерская Жака Кейра, помѣщающаяся въ похожемъ на пузатый старинный коммодъ — домѣ, гдѣ онъ родился. Нагрудники для маленькихъ дѣтей съ изображеніями Жака Кейра, леденцы отъ кашля — Жакъ Кейръ. Въ парфюмерныхъ магазинахъ — кремъ и губная помада — Жакъ Кейръ, и на лентахъ, обвивающихъ матросскія шапочки черноглазыхъ, круглощекихъ малышей золотыми буквами — Жакъ Кейръ. Послѣднее, золотыя эти буквы на матросскихъ шапочкахъ, быть можетъ имѣеть даже воспитательное значеніе. Сынъ мѣховщика, достигшій почета, вліянія, ссужавшій деньгами короля и всю придворную знать, былъ первымъ искателемъ заморскихъ рынковъ для Франціи... Суда его плыли по всѣмъ морямъ, причаливали къ берегамъ Африки и Греціи, и отвагой своею, предприимчивостью заразилъ онъ не одного современника. Его примѣромъ плѣнившись, нормандскій дворянинъ Жанъ де Бетанкуръ тоже поплылъ въ невѣдомую даль, и послѣ долгихъ странствій привезъ Франціи царскій подарокъ — завоеванные имъ Канарскіе острова...

Въ наше время, каждый путешествующій французъ за одну прочитанную малайцамъ или папуасамъ лекцію о новыхъ достиженіяхъ французской культуры, о творчествѣ Клоделя или «театрѣ Батайя» — получаетъ орденъ почетнаго Легіона и болѣе реальныя награды. Жакъ Кейръ былъ по иному награжденъ. Паденіе его вліянія, причины травли, какую вела противъ него придворная знать и духовенство, его трагическій конецъ — тюрьма, бѣгство, скитанія на чужбинѣ, одинокая

смерть — какой богатый сюжетъ зля историческаго романа, драмы или по крайней мѣрѣ, фильму.

Родственники короля, шептуны и наперсники — всѣ должники щедрого банкира, усердно чернили его въ глазахъ Карла VII-го намеками на нечистые источники, изъ которыхъ Жакъ Кейръ будто бы черпалъ свои богатства... Но Карла VII - го нечистые источники не очень смущали. Онъ былъ глухъ къ этимъ навѣтамъ. Тогда завистники и враги королевскаго банкира нашли другой, болѣе вѣрный путь къ сердцу Карла VII-го. Уязвили его ревность. Прекрасная Агнесъ Сорель жаловала Жака Кейра своимъ довѣріемъ и дружбой. Короля навели на мысль о томъ, что она жаловала его и другимъ, болѣе нѣжнымъ чувствомъ. И этому хочется вѣрить, глядя на статую Жака Кейра передъ его дворцомъ — теперь это чудо Ренессанса собственность государства, — на его тонкое изящное лицо, которое, конечно, должно было быть глазамъ королевской фаворитки утѣшнѣе, чѣмъ неуклюжій, нескладный, тупоносый, безцвѣтноглазый Карлъ VII-ой... Прекрасная Агнесъ Сорель умерла внезапно. Таинственная смерть ея укрѣпила подозрѣнія короля и рѣшила судьбу самоотверженнѣйшаго его друга, Жака Кейра... Грѣшная Агнесъ Сорель, задаренная королемъ замками въ Берри, Неверѣ, въ Венсеннѣ подъ Парижемъ, добрая дочь церкви, признала правильнымъ и судъ надъ Іоганной, державшей бредить королемъ... И удивляться приходится тому, что Бернаръ Шоу этой романтической ситуаціи не использовалъ, не разцвѣтилъ ея для своей пьесы...

Въ богатой библіотекѣ города Буржа — 60.000 томовъ — гдѣ цѣнные историческіе уникумы размѣщены по шкапамъ рядомъ со всякой дешевой современной дребеденью, гдѣ, подержавъ въ рукахъ книгу, надо долго смывать приставшую къ пальцамъ пыль и паутину — въ этой библіотекѣ, куда рѣдко заглядываетъ мѣстный читатель, а появленіе иностранца — сенсация,

имѣется любопытная, по старой орфографіи напечатанная книжечка — свидѣтельство святыхъ отцовъ церкви, быть можетъ, тѣхъ самыхъ, что подписывали смертный приговоръ Жаннѣ д-Аркъ, свидѣтельство о чистотѣ отношений между Карломъ VII и Агнесъ Сорель. «Онъ жилъ съ нею очень честно *très honnestement* и когда пріѣзжалъ къ ней въ одинъ изъ ея замковъ, то всегда въ сопровожденіи многочисленной свиты, иногда и королевы, и никогда не оставался съ нею наединѣ»..

Восхитительная брошюрка! Въ рамки русской рѣчи не уложить, къ сожалѣнію, этой безподобной смѣси благочестія и обнаженной непристойности...

Имя Жака Кейра было реабилитировано, но когда его уже въ живыхъ не было.

Дворецъ его — теперь музей, зданіе для выставокъ, для официальныхъ пріемовъ — живая о немъ, свѣтлая память... Легко, стройно стоитъ на маленькой площади его многобашенная ажурная громада. Вмѣстѣ съ великолѣпнымъ соборомъ, не уступающимъ по величію и красотѣ ни Шартрскому, ни Парижскому Собору Богоматери, — два нерушимыхъ памятника многовѣковой культуры. Чудесные символы прочной слаженности жизни, въ сторонѣ отъ космополитической толчеи, отъ шумныхъ французскихъ перекрестковъ, въ самомъ сердцѣ Франціи въ этомъ Буржѣ, гдѣ сейчасъ въ 10 часовъ вечера — тишина, будто въ глухой деревнѣ въ поздній ночной часъ...

И какъ хорошо!

ПИКАМПО

Въ деревушкѣ Люссакъ, въ Жирондѣ, рядомъ съ почтой — лавка, гдѣ продаются сыръ, пуговицы, макароны, ленточки, кофе, эспадрильи, грабли, чернила, всякое другое добро и почтовые открытки. Эти не очень разнообразны: шато, шато, шато. Большіе двухъ-этажные съ мезонинами дома, иные съ одной или двумя бышнями, другіе безъ башенъ, безъ всякаго намека на знатную древность и родство съ феодалами. По французски это — замки, по русски просто помѣстительные, впрокъ построенные барскіе дома. Но, кромѣ шато, еще одна открытка имѣется въ этой лавкѣ. Открытка съ сюжетомъ, съ выраженіемъ, почти поэма. Густая заросль, куда-то въ невидимую даль уходящій скатъ. Въ самой густотѣ чащи стоитъ въ дорожномъ костюмѣ молодой человѣкъ и, скрестивъ руки немного печально, почти торжественно что-то созерцаетъ. Подпись: «Люссакъ-Пикампо».

— Это что?

— Ахъ, это...

Лавочница, милая, широкая, любезная, улыбается мнѣ изъ за груди толстыхъ, шерстяныхъ, сѣрыхъ и коричневыхъ чулокъ.

— Это? Это Пикампо.

— А кто онъ такой?

Лавочница разсмѣялась: не молодой человѣкъ на открыткѣ носить имя Пикампо, а лѣсокъ, гдѣ онъ сто-

ить. На что онъ смотритъ и что вызвало такую торжественную печаль на его лицо — никто: ни лавочница, ни двѣ ея покупательницы, ни покупатель, темный, старый, сморщенный, какъ онѣ, растолковать не могъ. Но посовѣтовали обратиться къ аптекарю: онѣ все знаетъ и радъ съ пріѣзжими потолковать. И, дѣйствительно, аптекаръ объяснилъ: «Камень мучениковъ. Еще бы не задуматься, на камнѣ этомъ человѣческія жертвы приносились когда-то».

Онѣ явно смакуетъ впечатлѣніе, произведенное на меня, и наставляетъ меня, какъ пройти къ Пикампо.

«Налѣво, направо, вверхъ, а тамъ прямокомъ...»

На маленькой площади со старой церковкой перекатываютъ куда-то, откуда-то винныя бочки, большія, малыя; онѣ пустыя и шумятъ, и два дюжихъ парня съ засученными рукавами вязаныхъ фуфаяекъ перекрикиваютъ ихъ шумъ на не очень понятномъ мѣстномъ діалектѣ. Двѣ лавчонки закрыты, дѣтей не видно. Всѣ на полях, на виноградникахъ: сборъ въ полномъ разгарѣ.

Сворачиваю въ переулокъ — здѣсь пахнетъ уже тягуче - терпко и приторно, мгновеньями до тошноты. Въ широкой темной пасти длиннаго низкаго строенія полуголые люди давятъ виноградъ. Останавливаюсь. Очень ужъ зрѣлище занятое. Огромный, не очень глубокий чанъ. Два молодца съ голыми выше колѣнъ ногами, выводятъ чарльстонъ по скомканнымъ, смятымъ, утратившимъ свѣжій сизоватый, матоватый налетъ, гроздьямъ. Въ рукахъ у нихъ большіе тяжелые песты. Но работаютъ они ногами, песты пускаютъ въ ходъ, когда совсѣмъ устанутъ ступни или пододвинуть надо новую грудку подбрасываемаго снизу винограда, или отодвинуть выжатую до послѣдней капли. Широкая, густая, синевато - красная, какъ застоявшаяся бычья кровь, струя стекаетъ въ стоящій ниже глубокий чанъ, а оттуда насосомъ выкачивается въ третій, исплинскихъ размѣровъ, водруженный высоко, и оттуда

уже — такъ объясняютъ мнѣ — выдыхаютъ эти соки жирондистскихъ виноградниковъ тяжелые свои пары до тѣхъ поръ, пока не наполняютъ ими бочки. А въ бочкахъ плѣнь уже долгій, а въ бутылкахъ — еще дольше. И все это очень сложно, трудно, требуетъ много рукъ, труда, заботъ, и обливающийся потомъ, красный, дородный, широколицый хозяинъ, просвѣщающій меня, заканчиваетъ объясненія наставительной сентенціей: «Если бы въ Парижѣ знали, чего тутъ намъ стоитъ одна хорошая бутылка вина, то...»

— То его бы не пили? — договариваю я.

Дружный скептическій смѣхъ. Такое разрѣшеніе соціальной несправедливости, никому тутъ не улыбается. Мнѣ предлагаютъ взять на память нѣсколько гроздей винограда. Беру и иду къ Пикампо. Только вышла изъ деревни и сбилась съ дороги. По одну сторону ровные далкіе ряды виноградныхъ лозъ, по другую, ряды униженныхъ изнемогающихъ подъ бременемъ тяжелыхъ кистей лозъ. Сухо, жарко, безпыльно, ароматно. На десятки верстъ кругомъ ни одной фабрики, ни одного завода. Исполинскіе черные пальцы трубъ не пачкаютъ тутъ воздухъ копотью и пылью. Но гдѣ лѣвая, гдѣ правая сторона, гдѣ дорога къ Пикампо, не пойму... А тутъ еще все суживается колея, и надо сторониться въ самый виноградникъ отъ наѣзжающей сзади фантастическихъ размѣровъ телѣги. Важный, грузный, рыжий волъ съ завитыми, какъ мѣдныя оркестровыя трубы, рогами посмотрѣлъ на меня однимъ чернымъ огромнымъ глазомъ, повелъ широкими ноздрями и еще шире закачалъ боками. Изъ телѣги веселое общество малышей и подростковъ всѣхъ возрастовъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ слѣдило, какъ почтительно отступала я передъ воломъ въ цѣпкіе кусты, и стратегія моя явно забавляла и шедшихъ за телѣгой взрослыхъ. Но эти — ихъ было трое — маленькая черная женщина, маленькій черный мужчина и высокій сѣрый ста-

рикъ — переглянулись, высокій старикъ окрикомъ остановилъ ноевъ ковчегъ и обратился ко мнѣ съ привѣтственной рѣчью.

Куда? Откуда? Волъ не кусается и лучше всего сзати; вмѣстѣ съ ними...

Когда услышалъ, что я Пикампо ишу, радостно оживился. Оказалось — по дорогѣ. Тамъ какъ разъ его виноградникъ, куда вотъ, всѣмъ семействомъ, съ сестрою, зятемъ, племянниками, племянницами и внучатами, онъ и собрался.

Теперь я на вѣрномъ пути. Колея скоро врѣзается въ рощу, свѣжую, душистую и старикъ показываетъ мнѣ широкую, зеленую поляну, гдѣ ежегодно 24 августа танцуетъ молодежь нѣсколькихъ окрестныхъ деревень. Уже 56 лѣтъ на его памяти, а по какой причинѣ въ этотъ именно день — запаматовалъ. Длиннымъ кнутомъ показываетъ онъ мнѣ на свои виноградники въ радужно - золотистой пыли за рѣдѣющими деревьями. Тамъ, тамъ и вотъ еще тамъ... Бѣлый виноградъ, синій виноградъ... Богатъ и славенъ, какъ десятки другихъ такихъ же крестьянъ тутъ, не очень сильныхъ въ грамотѣ, пыльных, сѣрыхъ, съ закорюзлыми руками, съ невылазными подъ ногтями слоями грязи. Изъ погребовъ ихъ вывозятся въ мѣръ тысячи бутылокъ знаменитыхъ бѣлыхъ и красныхъ бордосскихъ винъ. Ихъ жизнь — весна, лѣто, осень на виноградникахъ. Короткіе зимніе мѣсяцы въ тѣсныхъ грязныхъ домикахъ бокъ о бокъ со скотиной, допотопныя печи на земляномъ полу подъ кирпичнымъ навѣсомъ, коптящія керосиновыя лампочки, долгій сонъ и подсчитыванье денегъ, вырученныхъ съ урожая, съ продажи свѣжаго, прошлогодняго вина, выдержаннаго, стараго...

Этотъ въ географіи Франціи нѣсколько освѣдомленіе другихъ, своего возраста односельчанъ. Сыновья его были на войнѣ, и самъ онъ не только въ Бордо много разъ ѣздилъ, но въ свое время по виннымъ сво-

имъ дѣламъ до самой испанской границы добирался... И объ этомъ онъ съ гордостью рассказываетъ. Испанская граница отсюда въ трехъ часахъ. Я выражаю свое изумленіе и восхищеніе его предприимчивости и отвагѣ. Мое усердіе вознаграждено. Уже остановился воль, спутники старика съ длинными ножницами и небольшими деревянными корзинками ринулись въ виноградникъ. Старикъ подлѣ меня на опушкѣ Пикампо, и я узнаю: вотъ тотъ шато на холмѣ за спускомъ, отъ графа Х. давно перешелъ къ мѣстному крестьянину - винодѣлу. Шато виконта У. — тоже... Замокъ графини Сегюръ, которая книжки писала для дѣтей — тоже... Еще тамъ вотъ, гдѣ Медокъ, Сотернъ, Барсакъ, — кнутъ упирается въ западъ, востокъ, югъ — тамъ еще у большихъ господъ остались ихъ шато. По пальцамъ перечестъ, да и у такихъ лишь, что сами въ этомъ дѣлѣ толкъ понимаютъ... Вино — такая штука — съ нимъ шутить нельзя. Отъ неба и отъ человѣка оно беретъ самое важное и все. Солнце, но уже самое жгучее ему давай, трудъ, но ужъ въ такой мѣрѣ, что минуты ни для чего другого не остается. И еще съ небомъ приходится изъ за него воевать.

Слышали позапрошлой ночью, какъ по тучамъ падали?

Я слышала и видѣла. Нежданная въ это время года гроза разразилась ночью. И съ молніями, зашнырявшими по небу, вступили въ бой огненно - красныя, ярко - синія, желтыя змѣи, забухавшія съ земли. Ракетами крстьяне - винодѣлы разрѣжали грозу, предупреждая градъ, смертоноснаго врага винограда. Это было фантастично и жутко, и раскаты грома, затихавшего, удалявшагося, казались глухимъ ропотомъ негодованія на дерзость человѣка.

«Камень мучениковъ», котораго я не нашла бы безъ указаній старика, оказался среди колючихъ густыхъ кустовъ, за любопытство порвавшихъ мнѣ чул-

ки и оцарапавшихъ ноги. Неживописный и неинтересный выступъ глубокаго каменнаго грунта, который въ этихъ мѣстахъ на десятки километровъ уже выдолбленъ на строительный камень. И оттого здѣсь такая изумительная акустика: звукъ, шагъ, шорохъ въ травѣ передается на далекія разстоянія, и съ необычайной, даже пугающей на первыхъ порахъ четкостью.

Старикъ не отпускаетъ меня съ пустыми руками. Онъ самъ срѣзаетъ для меня кисти чудеснаго сладкаго винограда въ теплой, золотистой бронѣ, убѣждаетъ взять «на память о Пикампо» кучу блѣдно - зеленыхъ, клейкихъ, нѣжно - розовыхъ внутри фигъ и, въ придачу, еще «ну, пожалуйста», — горсть орѣховъ.

Очень ужъ видимо радъ былъ неглупый старикъ случаю поболтать съ новымъ человѣкомъ.

Дорога моя домой идетъ подъемомъ и долго еще я вижу, оборачиваясь, согбенныхъ межъ рядами лозъ, большихъ и маленькихъ людей, будто цѣлующихъ взрощенные ими, выхоленные ими кустики...

БУРДИГАЛА

Похоже на вурдалакъ. А всего лишь клѣтчатая су-
конная фуражка. «Бурдигала» — фабричная марка, и
название свидѣтельствуетъ объ образованности шапоч-
наго фабриканта: оно у исторіи заимствовано, изъ
древней, очень древней исторіи. Такъ назывался когда-
то городъ Бордо. Но кому могло бы прійти въ голову
назвать фуражку такимъ всеизвѣстнымъ обыденнымъ
словомъ, какъ Бордо. То-ли дѣло Бурдигала? Надѣ-
нетъ человѣкъ такую Бурдигалу и навѣрно возвыша-
ется въ собственныхъ глазахъ.

Или пароходики, неуклюжіе, темные, двухъэтаж-
ные ящики, шмыгающіе по грязно-желтой, густо-раз-
бавленной глиной, широкой Гароннѣ. Называютъ ихъ
въ Бордо не просто пароходиками, а «ласточками» или
«гондолами»... Для того, чтобы съ вокзальной набереж-
ной попасть въ людный, шумный центръ города, но-
сильщикъ на вокзалѣ посоветовалъ мнѣ сѣсть въ «гон-
долу», а городской «на ласточку». И оба эти два слова,
означающіе пассажирскій гробоподобный парохо-
дикъ, произносили съ интонаціями лирическими, мечта-
тельными, будто замороженные возвышающимъ обра-
зомъ поэтическихъ метафоръ...

Погружаюсь въ «ласточку». И при желаніи быстро-
тою оправдать сравненіе съ поднебесной вѣстуней
солнца и тепла темный ящикъ не въ силахъ это сдѣ-
лать. Ему приходится лавировать между судовъ всѣхъ

странъ міра, допотопныхъ и современныхъ, между катерами, элегантными яхтами, торговыми норвежскими шхунами, морскими пароходами, парусными огромными лодками и судами, напоминающими древнія триремы, и другими, еще болѣе необычными, съ голыми, черными мачтами, съ безобразнымъ хаосомъ снастей. Гаронна всего лишь рѣка, правда, до моря рукой достать, но Бордо считается третьимъ во Франціи портомъ, и всѣ примѣты большого порта подчеркнуты густо. Грязь, суета, пестрота, экзотическія женщины на набережныхъ, рахатъ-лукумъ и халва на ларяхъ, мужчины въ тюрбанахъ и живописныхъ хитонахъ, похожіе на Махатма-Ганди и на факировъ, выступающихъ въ Парижѣ въ «Олимпіи». Бѣдные школьники! Сколько именъ и событій надо заучивать о Бордо, и какъ они должны ненавидѣть его за грузъ, какой онъ взваливаетъ на ихъ память. Варвары, римляне — эти оставили, какъ вездѣ, развалины, почитаемыя археологами, туристами, ничего не смыслящими въ археологіи, и комитетами общественнаго призрѣнія: къ этимъ развалинамъ можно приткнуть въ качествѣ сторожей инвалидовъ и чиновничьихъ вдовъ, которые ни на какое другое амплуа не годятся. Потомъ, начало государственности, король и королева Шариберъ, Дагоберъ, Элеонора Аквитанская. Звучныя имена, и память ихъ почтена на вывѣскахъ ресторановъ и общественныхъ бань. Затѣмъ вторженія арабовъ — ихъ и сейчасъ въ Бордо много: одни продаютъ ковры, другіе учатся медицинѣ въ бордосскомъ университетѣ, по количеству ученыхъ свѣтилъ будто бы не уступающемъ парижскому, одѣваются по европейски, густо пудрятъ свои лоснящіеся черныя щеки и похожи уже на испанцевъ. Гасконскій періодъ — это, когда Жиронда была Гасконіей, сама себя госпожа, во Францію экспортировала только остряковъ, хвастуновъ, «Cadets de Gascogne» весельчаковъ, и французскимъ королямъ поставляла шутовъ.

Знаменитый, дерзкій озорной шутъ Генриха III, Шико тоже былъ гасконецъ. А тамъ, старанія протестантовъ и католиковъ перешеголять другъ друга цифрами зарѣзанныхъ, удушенныхъ, отравленныхъ, шифрами сожженныхъ деревень, разрушенныхъ храмовъ, вѣка, когда всѣ сословія проходили стажъ челоѣкоистребленія и духоугашенія, въ скалистыхъ пещерахъ отшельники замаливали грѣхи міра, и въ кельяхъ, надстроенныхъ надъ подземными скитами, французскіе Пимены безстрастно отмѣчали шелестъ развертывавшагося свитка Истории...

Бурдигала уже называлась Бордо и уже были въ этомъ городѣ сохранившіеся понынѣ чудесные храмы св. Михаила, св. Андрея, когда мэромъ города избранъ былъ челоѣкъ, пользовавшійся популярностью, какой никто въ Жирондѣ ни до, ни послѣ него похвастать не могъ. Это былъ царедворецъ, любимецъ Генриха IV, богатый землевладѣлецъ, внукъ рыбопромышленника Экъема, отъ отца, женатаго на еврейкѣ, унаслѣдовавшій уже дворянское званіе, сумѣвшій обойтись безъ знатныхъ предковъ, философъ Монтень. Люди, заслуживающіе полнаго довѣрія, утверждаютъ, что его знаменитые « *Essays* » положили начало свободной философской мысли во Франціи, и когда надо кого нибудь похвалить за умъ, за умѣніе ясно излагать свои мысли, за элегантнѣйшій скепсисъ, то говорятъ: «Въ немъ что то отъ Монтеня». А французскіе католическіе писатели нашихъ дней, какъ Моррасъ, Доле, Маритенъ, полагають, что отъ Монтеня пошло все зло невѣрія, всепринимающаго и всеразрушающаго скептицизма и объясняють это тѣмъ, что въ жилахъ его къ чистой крови рыбопромышленниковъ примѣшалась кровь еврейская.

Мэромъ онъ былъ плохимъ: не разбирался въ на-
догахъ, пеняхъ, когда городъ посѣтила чума, тоже мужества не проявилъ — убѣжалъ въ свой замокъ Монтень и трехлѣтнее свое пребываніе на посту мэра озна-

меновалъ двумя лишь цѣнными мѣропріятіями. Однажды онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ мальчишки уличные съ улюлюканьемъ, свистомъ, а полицейскій съ нагайкой преслѣдовали молодую хорошенькую дѣвушку. Въ чемъ дѣло? Оказалось, что дѣвушка, горничная какой-то знатной дамы, позволила себѣ надѣть башмаки, что строго запрещалось служанкамъ и вообще женщинамъ низшаго званія. Монтень обратился тогда съ воззваніемъ къ дамамъ города Бордо, очень обстоятельно, очень галантно доказалъ имъ, что разстояніе между ними и служанками ихъ не сократится отъ того, что плебейскія ноги тоже будутъ обуты, отечественная же промышленность отъ этого выиграетъ, оттого, что слугъ больше, чѣмъ господъ и т. д.... Теперь въ Бордо не встрѣтить ни одной босоногой горничной или кухарки. Другая, не менѣе важная реформа: во времена Монтеня блудницу, уличенную въ блудъ, сажали въ деревянную клѣтку и спускали въ Гаронну. Женщина кричала, вопила, крики ея собирали толпу на набережной, и всегда въ толпѣ находились зрители, заинтересованные въ спасеніи этой женщины, и ее спасали. Философъ Монтень — «Опыты» его за вольнодумство уже тогда осуждены были римскимъ духовенствомъ (умный папа Григорій XIII-й тотчасъ впрочемъ, запретъ этотъ снялъ) — нашелъ эту мѣру борьбы съ безнравственностью совершенно нецѣлесообразной и упразднилъ ее. Веселый, благодушный король Генрихъ IУ мѣропріятіе это очень одобрилъ, блудницамъ же было предложено оправдать какой нибудь общественной, государственной полезностью дарованную имъ милость. Онѣ оправдали ее — вылѣзли изъ своей корпорации пѣвунь, плясунь, развлекавшихъ заморскихъ, торговыхъ гостей, которые ихъ искусства ради задерживались въ Бордо дольше, чѣмъ требовали дѣла ихъ, и тутъ же оставляли вырученное за сбытые товары золото.

Эти эпизоды, кажется, не входят въ школьную программу исторіи и географіи. И врядъ ли изъ учебниковъ тоже можно узнать о первой встрѣчѣ въ Бордо Тальена съ Терезой Кабарю, о встрѣчѣ, рѣшившей день 9 Термидора. Не влюбись Тальень въ Терезу Кабарю, не попади она въ тюрьму, не томился бы Тальень въ этотъ знаменитый день тоской и страстью, не свергнулъ бы онъ въ тотъ день Робеспьера, и кто знаетъ, быть можетъ, статуя Робеспьера стояла бы теперь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ полагается стоять статуя жиронодистовъ, которыя, впрочемъ, тоже не стоятъ... Ихъ не успѣлипридѣлать къ памятнику свободы, поставленному въ 1894 г. на красивой широкой площади Пяти Рядовъ, а тамъ, очевидно, уже не до нихъ было... Былъ тутъ другой памятникъ, превосходный, судя по стариннымъ гравюрамъ, памятникъ Наполеону, но въ первые же дни Реставраціи недавніе пламенные бордосскіе бонапартисты сбросили статую въ Гаронну. Теперь, вмѣсто нея, на шумномъ, нарядномъ проспектѣ Турни памятникъ павшимъ на послѣдней войнѣ, памятникъ банальный и невыразительный, какъ штампъ.

«Бурдигала» — что на какомъ то языкѣ означало рынокъ — большій міровой рынокъ и теперь, съ преобладающими въ уличной толпѣ, въ кафе, въ ресторанахъ южными, смуглыми, рѣзкими лицами, звуками испанской и гортанной арабской рѣчи въ уличномъ говорѣ.

Но имѣются тутъ и не для историковъ, не археологовъ, не политиковъ милыя сердцу воспоминанія. Здѣсь жила Марселина Дебордъ-Вальморъ. Неудачница въ любви, милая Марселина, оцѣненная и вознесенная уже послѣ смерти, вдохновлявшаяся только жалостью и любовью, писавшая о любви и о дѣтяхъ — неувядаемы и несравненны ея стихи о дѣтяхъ и для дѣтей, — жалѣвшая Беранже, брошеннаго въ тюрьму Пейроннэ, реакціоннымъ министровъ Карла X-го, и жалѣвшая Пейроннэ за то,

что онъ бросилъ въ тюрьму Беранже — прожила подъ этимъ дождливымъ небомъ Бордо много лѣтъ. Играла въ труппѣ Сюзанны Латани, директрисы Большого Театра, тяжело нуждалась и когда попросила однажды 50 франковъ аванса, получила отъ директрисы вмѣсто аванса пощечину: «Въ ваши годы не просятъ авансовъ».

Франческо Гойя, очутившійся въ Бордо эмигрантомъ — испанскимъ бѣженцемъ — не плѣнился ни однимъ заказомъ изъ многихъ, посылавшихся на него градомъ и написалъ въ бытность свою въ Бордо только портретъ тихой, всегда грустной, нѣжной Марселины.

Ищу книжный магазинъ ея подруги Сесиль Реми, гдѣ она получала книги даромъ — денегъ не было, чтобы покупать. Я нахожу этотъ домъ — ном. 57 на Бульварѣ Интендантства. Но, увы! Ни Сесиль Реми, ни Марселины — никакихъ слѣдовъ. Корсетный нарядный магазинъ съ громадной, зеркальной витриной, по которой хлещетъ, повидимому, никогда не прекращающійся въ Бордо дождь... Такъ же вотъ лилъ онъ, не переставая, и въ дни, когда посѣтила городъ Екатерина Медичи, и она отомстила негостепріимному небу шуткой, вошедшей въ исторію, но столь непристойной, что повторить ее нѣтъ рѣшимости...

ЗВѢЗДА МАДРИДА

Въ этомъ городкѣ Либурнь, въ сорока минутахъ отъ Бордо, исторія будто-бы такъ когда-то куралесила, что если бы всѣ ея выходки увѣковѣчить памятниками, то памятниковъ было-бы тутъ больше, чѣмъ домовъ.

Такъ утверждаютъ уполномоченные исторіи, и вѣрится съ трудомъ. Даже не вѣрится вовсе. Ни тому, что теперь Либурнь ведетъ оживленную торговлю, что поѣзда и суда ежедневно увозятъ тысячи литровъ вина, что испанскіе, итальянскіе, германскіе виноторговцы пріѣзжаютъ сюда на дѣловыя свиданія съ винодѣлами Жиронды. Здѣсь Гаронна протекаетъ, грязнѣйшая, неживописнѣйшая въ Европѣ рѣка. Въ это не вѣрить нельзя — очевидность.

Цѣлыхъ два часа бродила я по скучнымъ, пыльнымъ, безличнымъ улицамъ, и въ памяти, какъ назойливо пристающій иногда припѣвъ, болталась одна фраза: «Таманъ — прескверный городишко».

Никакіе историческіе труды и описанія Жиронды не убѣдятъ меня въ томъ, что въ этомъ «прескверномъ городишкѣ» что-то когда-то происходило и что-то происходитъ теперь. Одинъ изъ тѣхъ городовъ, гдѣ «никогда ничего не случается». Въ двухъ книжныхъ лавченкахъ неинтересное старье, въ витринахъ модныхъ магазиновъ новинки позапрошлаго сезона, женщины безвкусно одѣты, у мужчинъ за столиками въ кафе, за прилавками въ магазинахъ унылыя лица, и частые,

широкіє зѣвки дѣлають ихъ похожими на орангутанговъ. *

Но вотъ вниманіе мое привлекла яркая афиша на дверяхъ кинематографа. На ней была изображена дѣвушка въ испанскомъ костюмѣ, съ кастаньетами, съ розой въ зубахъ. Очень красивая, очень молодая, граціозная, какъ всѣ танцовщицы на афишахъ, наклеиваемыхъ на двери кинематографовъ. Но смотрѣла я на нее долго: очень уже забавно и трогательно было несоответствіе банально пестраго костюма, банально страстной вызывающей позы съ лицомъ дѣвушки, совсѣмъ не испанскаго типа. Круглое, нѣжное, съ ямочкой въ подбородкѣ, съ робкими, испуганными, какъ будто глазами. А у маленькихъ ножекъ въ зеленыхъ туфелькахъ подпись: «Звѣзда Мадрида» — и шрифтомъ мельче біографическія подробности: семнадцать лѣтъ, только что вернулась изъ триумфальнаго турне по Америкѣ, въ Либурнѣ, уступивъ просьбамъ дирекціи, въ теченіе недѣли будетъ выступать въ своихъ знаменитыхъ испанскихъ танцахъ съ кастаньетами.

Къ стилю дирекціи жители Либурна, повидимому, привыкли: у кассы не было ни души. Реклама не дѣйствовала.

Налюбовавшись на Звѣзду Мадрида, я пошла разыскивать по даннымъ мнѣ знакомыми адресамъ часовыхъ дѣлъ мастера и магазинъ, гдѣ надо было купить багетъ для рамки. Оба магазина оказались закрытыми. Въ сосѣднихъ лавкахъ объясняютъ: евреи, и не торгуютъ въ этотъ день, самый важный въ году — «судный день».

Узнаю тутъ-же, въ москательной лавкѣ, что въ этомъ городишкѣ нѣсколько десятковъ еврейскихъ семействъ и «тамплъ жвифъ», построенный на средства мѣстныхъ еврейскихъ богатѣевъ: Лопезъ, Перейра, Гонзалезъ, Гондарра, Монтецца, Нунезъ.

Звучныя имена! Выходцы, стало быть, изъ Испаніи,

до которой отсюда часа три, четыре вѣзды. И вдругъ этотъ «тамплъ живифъ» въ Либурнѣ — сколокъ съ знаменитыхъ своей красотой еврейскихъ храмовъ въ Кордовѣ, въ Толедо. На улицѣ Стараго Рынка, куда послалъ меня москательщикъ, никакого «тампля» не оказалось. Булочница на этой улицѣ и барышня въ табачной лавкѣ посовѣтовали мнѣ пойти къ городскому саду, за которымъ въ небольшомъ переулочкѣ долженъ былъ быть какой-то «тамплъ» — протестантскій или еврейскій, онѣ точно не знали, и тамъ-ли еще онѣ, тоже ручаться не могли. Въ переулочкѣ за убогимъ городскимъ садомъ я «тампля» не нашла, но нашла городского, единственного, какого привелось мнѣ видѣть въ Либурнѣ.

Порывшись въ засаженной, растрепанной книженкѣ, онѣ даже покраснѣли отъ удовольствія, что могъ услужить чужестраннкѣ, и направилъ въ другой конецъ города, на улицу Ламоть.

На улицѣ Ламоть, съ ухабистыми тротуарами, съ плохенькой мостовой, скучными слѣпыми домами, ни одного зданія, сколько нибудь похожаго на храмъ, я не нашла.

И хотѣла уже было, скрѣпя сердце, повернуть къ вокзалу, когда вниманіемъ, съ какимъ я вглядывалась въ стѣны домовъ, заинтересовался проходившій мимо почтальонъ.

— А! Да передъ вами-же... Въ номерѣ 17-омъ. Во дворѣ...

Осторожно открываю сѣрыя, старыя ворота и отшатываюсь изумленно назадъ: навстрѣчу мнѣ густой паръ и брызги мыльной пѣны.

Прачешная? Браню мысленно услужливаго почтальона и пядусь назадъ. Но здоровый, сочный, добродушный смѣхъ удерживаетъ меня въ воротахъ.

— Ну, чего же вы испугались?... Войдите! Вамъ кого?

За широкимъ фасадомъ черноволосой женщины я успѣла уже разглядѣть другой фасадъ — полукруглаго, небольшого каменнаго зданія, непонятныя мнѣ письма на фронтонѣ, а подъ ними другую надпись, понятную, по французски: «Спѣшите, спѣшите, въ храмъ Господень».

Женщина за огромной лоханью утвердительно спрашивала и сокрушенно оправдывалась: «Вы тоже въ тамплъ? Да? Подумайте, развѣ я бы затѣяла сегодня стирку, если бы мнѣ сказали... Такая непріятность! А они, вѣрно, всѣ уѣхали въ Бордо молиться, какъ въ прошедшемъ году...»

«Они», — выяснилось, — были либурнскіе евреи, а «тоже» оттого, что въ храмъ уже кто-то былъ.

— Барышня какая-то... Не здѣшняя. Войдите! Вдвоемъ все таки пріятнѣе...

Только глубокой ночью, когда въ одинокомъ домѣ человѣкъ перебираетъ скорбныя свои воспоминанья, да еще въ могильномъ склепѣ, развѣ, можетъ быть такая тишина, какая была въ этомъ странномъ храмѣ, непохожемъ ни на одинъ изъ безчисленныхъ храмовъ, видѣнныхъ мною въ моихъ скитаніяхъ.

Голыя стѣны мягко - янтарнаго цвѣта, узкія, матовыя окна, съ готическими заостреніями, какъ въ католическихъ церквахъ. Ни стульевъ, ни амвона. Высоко, подъ самымъ куполомъ, темный щитъ Давида, подъ нимъ завѣшенная чернымъ ниша — хранилище Торы. Направо отъ него другая ниша, меньше и въ ней золотыми буквами выведенныя имена жертвователей - строителей храма. Я слышала ихъ уже въ москательной лавкѣ: Гонзалезъ, Перейра, Нунэзъ и др.

Посрединѣ, за накрытымъ темнымъ сукномъ узкимъ, высокимъ столомъ съ однимъ восьмисвѣчникомъ изъ стараго, тяжелаго серебра — стояла спиною ко мнѣ дѣвушка. Тоненькая, стройная, въ темно-зеленомъ пальто и такого же цвѣта шляпкѣ..

Она не пошевелинулась, не повернула головы въ мою сторону, не подняла глазъ отъ молитвенника, лежавшаго передъ нею. Это было мѣсто священнослужителя, гдѣ она стояла, нарушая законъ: въ еврейскихъ храмахъ женщинамъ отводятся мѣста на хорахъ, или за перегородкой, далеко отъ амвона. Дѣвушка молилась безмолвно, покачивая время отъ времени головой, скорбно, почти по старчески, и, когда выпрямилась, ударила себя маленькимъ розовымъ кулачкомъ въ грудь и торжественнымъ, глубокимъ шопотомъ молвила начальное слово молитвы покаянія, я увидѣла лицо ея въ профиль. Нѣжный, милый, юный и мнѣ знакомый. Совсѣмъ какой-то близкій, совсѣмъ свѣжій въ памяти...

Тогда лишь рѣшилась я сдѣлать шагъ, другой, и тотчасъ подтвердилась мелькнувшая у меня и показавшаяся мнѣ нелѣпой догадка. — Это была дѣвушка съ только что видѣнной афиши, «Звѣзда Мадрида». Сомнѣній быть не могло. Тѣ же тихіе, испуганные глаза, та же ямочка, та же непередаваемая словами «музыка лица».

Еврейская дѣвушка, быть можетъ, и не испанка во все, на гастроли съ кастаньетами занесенная въ этотъ тоскливый городокъ, въ этомъ странномъ пустомъ храмѣ, гдѣ она была и паствою и пастыремъ, — съ этимъ печальнымъ, вдохновнымъ лицомъ.... «Звѣзда Мадрида!»...

ЗВѢРИНЕЦЪ ВР. ИВАНОВЫХЪ

Шумъ зеленой, быстрой Нѣзъ, бѣгущей изъ Пиреней, заглушенъ барабаннымъ боемъ. Широкіе въ красныхъ, лиловыхъ и желтыхъ листьяхъ платаны на площади мэриіи заслонены огромными грязно-сѣрыми фургонами. На снѣжныя вершины Пиреней въ золотыхъ киверахъ никто не смотритъ.

Все населеніе деревушки Ганъ на улицѣ. Высшій классъ — булочница, сапожникъ, мясникъ, зеленщица и парикмахеръ — въ дверяхъ своихъ магазиновъ.

Событіе, не часто обрушивающееся на эту маленькую, тихую деревушку: циркъ... У рослаго рыжаго барабанщика съ грязно-торчащими, будто изъ мѣди отлитыми усами одинъ помощникъ свой — маленький, щуплый, малиновый, робкій, испуганно-вздрагивающій при каждомъ его выкрикѣ. А впереди помощники добровольцы — мѣстная крестьянская дѣтвора. Шумная, возбужденная, грязная, сопливая орава. Малиновый человѣчекъ въ широкомъ, не по его головѣ черномъ беретѣ, сѣзжающемъ ему на уши и затылокъ, только, только успѣваетъ толкнуться въ воздухъ желтой афишкой — нѣсколько паръ красныхъ рученокъ уже вырываютъ ее изъ робкихъ его пальцевъ и передаютъ дальше, другимъ, прохожимъ, встрѣчнымъ. Одинъ такой листокъ, полу-смятый, надушенный лукомъ и чеснокомъ, попадаетъ и ко мнѣ.

Афишка подтверждаетъ, обстоятельнѣе лишь, ли-

тературнѣе, то, о чемъ подѣ бой барабана оретъ барабанщикъ.

«Циркъ братьевъ Ивановыхъ. Величайшіе укротители нашей эпохи, братья и сестры Ивановы, въ безстрашныхъ схваткахъ съ дикими хищниками» и т. д. Мелкимъ шрифтомъ примѣчаніе: «Если у кого изъ жителей ненужный, старый осель, то дирекція съ удовольствіемъ его купить».

Ивановы... Соотечественники? Здѣсь, въ этой пиренейской глуши?

Ровно въ половинѣ девятого, какъ наказано на афишѣ, отправляюсь на праздникъ родного искусства. Уже у кассирши, черноокой, чернокудрой, внушительной, освѣдомляюсь: «Ивановы — руссь?» На что получаю широкую, любезную улыбку, билетъ въ первомъ ряду, подтвержденіе «руссь, руссь», и уже вдогонку, когда меня отгѣснили напиравшіе сзади, — поясненіе: «Предки...».

Предки? Какъ это понять? «Величайшіе укротители нашей эпохи», — значитъ потомки предковъ, которые были русскими? Но развѣ потомки не сохраняютъ расовыхъ, національныхъ чертъ своихъ предковъ? Или... И отчего такъ весело и хитро улыбалась кассирша?

Въ сердце мое вползъ уже червь сомнѣнія. Пробираюсь подѣ брезентовый навѣсъ, въ первый рядъ, съ этимъ червякомъ, подтачивающимъ мой патріотическій пафосъ, но съ твердымъ рѣшеніемъ: перваго же брата Иванова, или сестру Иванову, какую удастся поймать въ антрактѣ, остановить и спросить: кто предокъ, кто потомокъ, сохранили ли живую связь, поговорить по русски, и уйти домой.

Послѣдній актъ намѣченной программы улыбался мнѣ особо... Представленіе еще не начиналось, но уже изъ звѣриныхъ клѣтѣй, изъ рядовъ публики, съ земляного пола струились ароматы, какіе одолѣвать не всякому дано... Бодрюсь, настраиваюсь и пока что знаком-

люсь съ звѣрями. Двѣ пятнистыхъ гіены, пантера, россмаха, два льва, львица и два сѣренькихъ, смѣшно трусящихъ по своей клѣти звѣрька, которыхъ герольдъ, днемъ скликавшій на представленіе барабаннымъ боемъ, называетъ норвежскими волками и аттестуетъ «сказочно жестокими». Львы, одинъ старый, важный, презрительно-равнодушный, лежалъ и громко сопѣлъ. Другой, помоложе, то вставалъ, то ложился, изгибалъ надменно хвостъ, вскидывалъ высокомѣрно голову, и короткимъ, негромкимъ рыкомъ проявлялъ свое нетерпѣніе. Когда его выпустили въ эстрадную, широкую клѣтъ вмѣстѣ съ львицей, они радостно облобызались и, къ великой потѣхѣ публики, запрыгали, не какъ цари пустыни, а какъ молодые телята. И тогда грозный окрикъ пресѣкъ начинавшійся скандалъ: «Ольга! Ванка!». Откуда то, между зрителями и зарѣшетенной эстрадой, появился укротитель, одѣтый ковбоемъ, небольшой, сухой, въ широкополой шляпѣ, закрывавшей ему лицо. Но звѣри, укрощавшіеся имъ, носили русскія имена: «Ольга! Ванка...». Уже почти не оставалось сомнѣній въ томъ, что это только потомокъ Ивановыхъ: предокъ, навѣрно, сказалъ бы: «Ванька», а не «Ванка...».

Однако, выждавъ удобное мгновеніе, подхожу и спрашиваю: «Рюссъ?». Величайшій укротитель нашей эпохи не понялъ сразу. Пришлось повторить, и пока повторяла, узкіе, плутоватые, черные глаза подъ ковбойской шляпой щурились, припоминали, придумывали, и сиплый голосъ, на французскомъ языкѣ, на какомъ говорятъ въ Марселѣ, въ Провансѣ, отвѣтилъ: «О, предки, давно...».

Мошенникъ! И предковъ русскихъ не было у него, никогда, ни въ какой давности. Ивановъ, узнала я на другой день, былъ такой русскій укротитель звѣрей, дѣйствительно, «величайшій укротитель нашей эпохи», но давно переманилъ его изъ Франціи Гагенбекъ въ Гамбургъ, и славнымъ его именемъ пользуются всѣ бала-

ганные, ярмарочные укротители на всемъ югѣ Франціи и въ Испаніи, куда проникла тоже слава подлиннаго Иванова.

Самозванный Ивановъ выступалъ одинъ безъ братьевъ и сестеръ, которыми, повидимому, обзавестись труднѣе, чѣмъ предками... Укрощалъ безобиднаго, добродушнаго стараго льва и рѣзвую, шаловливую Ольгу, кормилъ сахаромъ изъ своихъ губъ смѣлную, проворную сластену-россомаху, — гіенъ и пантеру, злыхъ страшныхъ, — не обезпокоилъ, а укрощеніе сказочно-жестокихъ норвежскихъ волковъ, оказавшихся премилыми, ловкими, воспитанными свѣрьками, поручилъ блѣдному, рахитичному мальчику, въ красной косовороткѣ и широкихъ, черныхъ шароварахъ. Мальчикъ окрикивалъ звѣрюшекъ тоже по марсельски, но позади меня двое молодыхъ людей въ черныхъ беретахъ, признали въ немъ не только русскаго, но даже — «О, какой маленькій большевикъ!».

И сосѣдки ихъ, темнолицыя женщины въ черныхъ косынкахъ, не спрашивали объясненій. Кивали головами, соглашались: слово большевикъ здѣсь знакомое слово... Надъ тѣмъ, какъ попалъ «маленькій этотъ большевикъ» въ укротители бродячаго цирка, задумываться некогда... Поважнѣе заботы. Сосѣдка моя съ правой, сосѣдъ съ лѣвой стороны — зеленщица, зеленщикъ мѣстные, предлагаютъ мнѣ яблоки, орѣхи. И ссылаются на Х. — русскую фамилію называютъ: «Тожѣ наши покупатели... изъ въ большевиковъ изъ Россіи уѣхали, пансіонъ здѣсь открыли, — хорошіе господа...».

Про русскихъ, тоже «хорошихъ господъ», рассказываетъ мнѣ на другой день и табачный торговецъ, продающій мнѣ газеты. У этихъ ферма, гдѣ-то недалеко отъ Гана, и еще выше въ Пиренеяхъ тоже русскіе что-то разводять, что то сѣютъ, сажаютъ...

Звѣринецъ бр. Ивановыхъ уже снялся съ площади меріи, и не заслоняютъ больше безобразные фургоны

достопримѣчательности деревушки: старинную тюрьму съ двумя окошечками на цѣпь Пиреней, и поэтическую рѣку Нэзъ, тюрьму, служащую уже вѣка украшеніемъ пейзажа, да еще милый, будто съ иллюстраціи къ старой балладѣ скопированный, домикъ мѣстнаго врача. Въ этомъ домикѣ жила когда то Прекрасная Коризанда, возлюбленная Генриха IV, выросшаго въ этой части Пиреней, нѣкогда Беарнѣ, и снабдившаго ее на долгіе вѣка легендами, былями и анекдотами изъ своей богатой, пестрой, занятой жизни.

«Генрико нусте», — что на мѣстномъ беарнскомъ діалектѣ значитъ — Генрихъ нашъ, — долго еще будетъ народу тутъ любезенъ, и не только знаменитой курицей въ крестьянскомъ горшкѣ...

Ни климатъ Пиреней, ни чудесный пейзажъ, ни цѣлебные источники не создали этому краю такой рекламы, какъ этотъ добрый, веселой памяти король...

НА РОДИНѢ ДОБРАГО КОРОЛЯ ГЕНРИХА

Читать хорошія книги о посѣщаемыхъ впервые странахъ и городахъ не только полезно. Большинство туристовъ это подчасъ утомительное занятіе предоставляетъ любителямъ, иные бродятъ по міру, скучая, какъ скучаютъ дома, другіе довольствуются тѣми крохами, объѣдками знанія, которые подаютъ имъ путеводители и гиды. Книгами, старыми рукописями, полуистлѣвшими хрониками, подготовляющими къ путешествію, не гнушались и большіе поэты: Гейне, напримѣръ, или Жакъ Деллиль. Этотъ именитый французскій эмигрантъ на каждомъ этапѣ своего эмигрантскаго кочевья по Германіи, Швейцаріи находилъ въ книгахъ воспоминанія, оживлявшія стѣны, среди которыхъ онъ бродилъ. Любопытство, но высокаго порядка.

«Домъ, камень, руина, воспроизведенные, поясненные на печатныхъ страницахъ — писалъ Деллиль — приближаютъ меня не только къ прошлому, но и къ тѣмъ, что дышатъ, двигаются, говорятъ среди этихъ стѣнъ и какую-то вязь плетутъ съ тѣми, кому память о себѣ оставлять живущіе теперь среди чужихъ мнѣ оградъ».

Бѣдные, бѣдные туристы — послушать только, какъ сервируетъ имъ гидъ замокъ королей Наваррскихъ и Беарна въ миломъ городѣ По. Суетливый, юркій, съ вороватыми глазами онъ прежде всего сообщаетъ имъ, что видъ изъ оконъ дворца на снѣжную цѣпь Пиренеевъ и широкую, быструю рѣку По — великолѣпнъ. Увѣрив-

шись, когда по командѣ его они повернули головы къ окнамъ, въ томъ, что съ мнѣніемъ его они согласны, онъ переходитъ къ исторіи. Невѣжество его такъ откровенно и безстыже, что даже три пожилыхъ англичанки, осматривающія замокъ оттого, что «такъ надо», и нѣсколько американцевъ — оттого, что осмотръ замка — въ программѣ, составленной для нихъ Кукомъ, время отъ времени, не очень часто, впрочемъ, недоумѣнно поднимаютъ брови и перешептываются. А коренастый, похожій на Бріана, французъ со скромнымъ, застѣнчивымъ юношей — учитель, повидимому, съ воспитанникомъ, тотъ выразительно пожимаетъ плечами и ворчитъ.

Гидъ не смущаясь, скользитъ глазами по туристамъ, по платью, по кольцамъ на ихъ пальцахъ, предопредѣляя чаевые, и выкрикиваетъ: «Экранъ, вышитый Жанной д'Альбрэ; спальня королей Наваррскихъ; мебель эпохи Людовика XIV-го; столъ съ мозаикой изъ агата и порфира, подарокъ Бернадотта, шведскаго короля. Карла-Юганна...»

Столъ красивъ. Англійскія, американскія головы разглядываютъ его долго. То, что беарнскій адвокатъ, уроженецъ По, командующій республиканской арміей, потомъ соратникъ Наполеона, призванъ былъ править Швеціей и Норвегіей въ 1810-мъ году, а Генрихъ IV-й, которому онъ этотъ столъ подарилъ, убить былъ Равалькомъ въ 1610-мъ году, ихъ эстетическому упоенію не мѣшаетъ. Но французъ съ тихимъ мальчикомъ уже далеки отъ туристовъ и гида. во второмъ залѣ, я еще дальше — въ третьемъ. Въ этомъ очаровательная реликвія: скорлупа огромной черепахи, служившая колыбелью Генриху IV-му, когда объ его грядущей роли въ исторіи Франціи не помышляла даже его мать, умная, смѣлая Жанна д'Альбрэ. Очень, вѣроятно, неудобно было въ этой скорлупѣ здоровому крѣпышу, но, быть можетъ, входило это лишеніе комфорта въ педагогическій планъ

этой исключительной для своего времени женщины, матери и народоправительницы.

Будущій король Франціи росъ въ деревнѣ, съ крестьянскими дѣтьми, одѣвался, питался, какъ они, ходилъ въ школу съ ними, крѣпко, сочно ругался, говорилъ на мѣстномъ діалектѣ, въ десять лѣтъ умѣлъ, какъ его деревенскіе ровесники, запрягать, осѣдлать лошадь, удить рыбу, ловить чижей, воровать яблоки изъ чужихъ садовъ и раздѣлялъ со сверстниками то, что влетало имъ за проказы.

Недалеко отъ моей деревушки Ганъ въ нѣсколькихъ километрахъ отъ По, небольшою виноградникъ при незатѣйливой усадѣбкѣ. Виноградникъ, именуемый «веселымъ» — историческій или такимъ сдѣлала его вѣрная Жаннѣ д-Альбрэ и Генриху IV-ому народная память, связавъ съ нимъ милое преданіе. Очень крѣпкое вино давалъ когда-то холмистый клочекъ земли и виномъ этимъ поила Жанна д-Альбрэ сына, «дабы не былъ онъ плаксивъ и всегда твердъ и бодръ духомъ». Сейчасъ копается на этой землѣ сѣдой, съ темнымъ чеканнымъ лицомъ, беарнецъ въ деревянныхъ сабо, въ кругломъ черномъ беретѣ, такомъ точно, какіе носили здѣсь, когда Генрихъ IV-ый, уже присоединяя свою на три четверти протестанскую родину къ католической Франціи, увѣрялъ своихъ земляковъ: «Я присоединяю Францію къ Беарну, а не Беарнъ къ Франціи». — Сторожъ вспоившаго Генриха IV-го «веселаго виноградника» плохо говоритъ по французски, пріѣзжающіе изъ Парижа для него иностранцы и противъ Франціи у него зубъ: она отняла у него сына, погибшаго подъ Верденомъ. Гдѣ это, онъ плохо себѣ представляетъ, но у меня, случайной собесѣдницы, спрашиваетъ долго: видны ли тамъ Пиренеи, какъ съ порога этого дома, и такъ же ли грѣетъ тамъ ноябрьское солнце, какъ здѣсь. Когда въ бесѣдѣ нашей всплываетъ имя Генриха IV, старикъ говорить,

и даже не въ прошедшемъ времени: «Хорошій парень. Оставался бы тутъ, ужъ навѣрное бы...».

Онъ не договорилъ, но понятно было безъ словъ: оставался бы «лу буоне Генрико» въ Беарнѣ и не было бы въ двадцатомъ вѣкѣ войны съ Германіей... Какъ дважды два...

Отчего такъ свѣжа еще въ Беарнѣ память этого короля, имя котораго обычно воскрешаетъ въ памяти лишь слова о курицѣ въ крестьянскомъ горшкѣ, слова, которыхъ онъ никогда не произносилъ?

Русскій туристъ, графъ Орловъ, въ 1822 году объѣздившій всю Францію, въ одномъ изъ собранныхъ въ три тома увлекательнѣйшихъ и содержательныхъ писемъ къ своей двоюродной сестрѣ графинѣ Софьѣ Стругановой, возмущается тѣмъ, что въ одной части дворца, въ По помѣщается тюрьма. «Какое кощунство! Тюрьма, лишеніе свободы, страданіе подъ тѣмъ кровомъ, гдѣ жилъ Генрихъ IV, живое воплощеніе радости, свободы и всепрощенія?» Гр. Орловъ, очевидецъ, а, быть можетъ, и участникъ Наполеоновскихъ войнъ, не совсѣмъ увѣренъ былъ въ величьи Наполеона, но величіе Генриха IV-го, человѣческое прежде всего, не монаршее, было для него несомнѣнно. Спустя сто лѣтъ къ такому заключенію пришелъ французскій историкъ Пьеръ де Вессеръ, выпустившій недавно отличную, увлекательнѣе всякаго романа, книгу въ шестьсотъ страницъ: «Генрихъ IV-ый». «Онъ былъ великій король оттого, что онъ былъ большой и необычайно одаренный человѣкъ».

Патріоты своей живописной родины, деревенскій учитель, кюре, сельскій врачъ, беарнцы, не дѣлающіе политической карьеры и не помогающіеся депутатскихъ мандатовъ обращаютъ вниманіе пріѣзжихъ на статую Людовику XV въ По. О надписи на памятникѣ, которой гордятся современные беарнцы, упоминаетъ въ своихъ письмахъ и графъ Орловъ. Не больше, не меньше: «Внуку нашего добраго Генриха». Все, чѣмъ могъ Беарнъ

почтить le prince charmant. О королевской черепаховой колыбели въ тѣхъ же письмахъ графа Орлова подробности ярче, лучше изложенныя, чѣмъ у французскихъ историковъ Беарна. Графъ Орловъ злословенія этой колыбели рассказываетъ, впрочемъ, со словъ коменданта дворца, полковника Эспалунга, занимавшего эту должность и въ годы якобинской власти. Когда въ департаментъ Беарнъ въ главный его городъ По командированъ былъ для водворенія революціоннаго порядка нѣкій Монестье, до революціи преданный трону кюре въ Оверни, то первое свидѣтельство революціоннаго рвенія, какое онъ потребовалъ отъ беарнцевъ, было уничтоженіе дорогой имъ реликвіи. На революціонномъ празднествѣ толпа, настроенная Монестье для этого патриотическаго подвига, уничтожила королевскую колыбель. Не подлинную, однако, а оказавшуюся у одного изъ жителей По имитацию черепашей скорлупы. До первыхъ дней реставраціи настоящая хранилась въ подвалѣ у столяра Саффора. Столяръ этотъ тайно исповѣдывалъ религію своихъ предковъ, протестанскую, отъ которой когда - то политики ради, изъ государственныхъ соображеній отрекся Генрихъ 1У-ый, изъ устъ Кальвина друга и духовника его матери, получившій первыя наставленія въ вѣрѣ.

Въ дни Жанны д-Альбрэ По называли «маленькой Женовой» — *Cette petite Genève de Pau* — такъ значительно было въ ней преобладаніе протестантовъ надъ католиками. Въ настоящее время послѣ всѣхъ войнъ, пронесшихся грозами надъ страной во имя преобладанія католиковъ надъ протестантами, на четыре католическихъ храма — три протестантскихъ, въ часы службы переполненныхъ молящимися.

Но парящій надъ городомъ дворецъ, много разъ перестраивавшійся, безъ большого искусства реставрированный, слишкомъ нарядный, слишкомъ парадный,

врядъ ли похожъ на пуритански-строгую обитель Жанны д-Альбрэ, осуждавшей излишества и роскошь.

Изъ реликвій историческихъ, какія показываютъ здѣсь, многія тоже сомнительной подлинности, а прошлое этого края, исторія его интересны чрезвычайно. Нигдѣ, быть можетъ, не сохранило прошлое такой связи съ настоящимъ, какъ въ этомъ краю. Словно людямъ отпущенъ былъ сразу и авансомъ надолго огромный зарядъ вѣры, героизма, фантазіи, удали, жизненности, кипучести, веселья, юмора, страсти и вотъ — вѣка, вѣка прошли, а понынѣ еще питаются этимъ запасомъ...

ЗНАТНЫЙ ГЕРБЪ.

По серебристому полю — волъ. Рогатый; крѣпкій, знающій себѣ цѣну. Или на такомъ же свѣтломъ фонѣ — корова. Почтенная, широкая, тяжелая — матрона!

Это гербъ большинства городовъ въ Нижнихъ Пиренеяхъ. Символъ интересовъ, какими живетъ край, сохранившій любопытнѣйшія черты республики землепашцевъ, скотоводовъ, пастуховъ, какимъ былъ десять-двѣнадцать вѣковъ тому наздъ.

На иныхъ гербахъ пояснительные символы. Въ деревушкѣ Ганъ, гдѣ я живу, на гербѣ, кромѣ коровы, ещё двѣ мозолистыхъ, широко-распластанныхъ руки.

А въ Олоронъ-Сентъ-Мари, бѣло-синемъ, почти итальянскомъ городѣ, межъ двухъ зеленыхъ горныхъ потоковъ, — надъ очень рѣшительнаго дѣловитаго вида рыжеватымъ, гладкимъ, опрятнымъ быкомъ — темно-красный крестъ. Этотъ небольшой городокъ, не вмѣщающій теперь и десяти тысячъ населенія, былъ когда-то и епископствомъ и графствомъ. Духовная власть, призывавшая паству къ вѣрнопопданности миропомазанникамъ, всѣми способами старалась выставить изъ Олорона миропомазанниковъ. А эти, собирая для похода ратниковъ и въ казну налоги именемъ святой церкви, — героически старались ослаблять власть церкви. А тамъ — не стало ни королевъ, ни властолюбовыхъ епископовъ, но остались чудесные храмы, создан-

ные руками народа и «мозгомъ народа» — его зодчими, иконописцами, рѣзчиками и ваятелями.

Почти десять вѣковъ, почти безъ реставраціи стоять здѣсь высоко надъ городомъ изумительный храмъ св. Креста. Съ византійскимъ центральнымъ куполомъ, съ алтаремъ, какъ будто перенесеннымъ изъ Испаніи, и сводами, боковыми придѣлами, напоминающими стариннѣйшія романскаго стиля церкви въ Оверни. Торжественный и тихій, древній и нерушимый. Какое усиліе духа, какими чувствами вдохновляемое творчество, можетъ вновь создать такія стѣны, такіе своды, выдержавшіе испытанія вѣковъ и такіе понынѣ цѣнные, необходимые и незамѣнимые...

Рабочіе будни, но народу простого въ черныхъ беретахъ, въ черныхъ косынкахъ много, и не простого — больше женщины, тонкія, узко-лицыя, породистыя, Инезильи, донны-Лауры, донны-Анны — тоже немало въ часть службы. Въ одномъ изъ мглисто - синихъ придѣловъ часто стояла Жозефина Богарнэ, жившая въ Олоронѣ, когда еще была молодой женой генерала Богарнэ, командира стоявшаго здѣсь стрѣлковаго полка.

« Casa Major » — домъ, въ которомъ жила трогавшая сердца, молодая, дружная чета, узкій, скверный домишко, и, навѣрно, въ Мальмезонѣ Жозефина вспоминала о немъ безъ сокрушенія.

«Виноградъ изъ Андалузіи», «Мадридскій базаръ», «Бусы изъ Севильи» Posada espanola (испанская харчевня) — всѣ эти надписи на вывѣскахъ — бутфорія. Никакія испанскія бусы, ни виноградъ, ни чепчики, ни наивной живописи образки, несмотря на близость испанской границы, въ эту часть Пиренеевъ не проникають. И весь обликъ города свѣтлаго, привѣтливаго, разбросаннаго на нѣсколькихъ холмахъ, съ узенькими улицами и широкими, веселыми площадями, — скорѣе итальянскій, а не испанскій.

На мосту черезъ свѣтло-зеленый, бѣгушій пѣнящимися каскадами Оссо, — живописная, старая, стройная женщина, легко, красиво несущая на головѣ огромный свертокъ съ воткнутымъ въ него зонтомъ, — улыбками, черными, живыми глазами, темными въ морщинахъ руками объясняетъ мнѣ что-то, показывая на воду. Изъ всей ея оживленной рѣчи улавливаю лишь «У-у ну-ну, су-су, ру-ру» и что-то о святомъ Петрѣ... Это мѣстный діалектъ, который отличается отъ діалекта, на какомъ говорятъ въ По, а тотъ не похожъ на діалектъ Лурда или Тарба: — черезъ каждые десять-пятнадцать километровъ другой діалектъ. Но какой-то есть у этихъ крестьянъ Пиренейскихъ горъ и долинъ и общій языкъ. На еженедѣльныхъ большихъ и малыхъ ярмаркахъ въ ближайшемъ городѣ они кричатъ, орутъ, бранятся, дерутся, другъ другу продаютъ и, очевидно, отлично другъ друга понимаютъ...

Огорченіемъ, сожалѣніемъ, съ какимъ я слушала непонятный рассказъ декоративной женщины, заинтересовался спѣшившій черезъ мостъ сухой, длинный аббатъ съ лицомъ, отлично скопированнымъ съ Вольтера. Вѣроятно, и Вольтеръ такъ же учтиво изгибалъ станъ передъ дамами, и такъ же, вѣроятно, улыбался его, точь въ точь, какъ этотъ широкій, узкогубый, упирающійся въ частыя морщины, ротъ.

— Не понимаете?.. Это васъ не должно огорчать... Могу васъ утѣшить тѣмъ, что самъ дьяволъ (мягкій шопотокъ, изысканно свѣтскій поклонъ, очаровательная улыбка, извиненіе безъ словъ за такое сопоставленіе) — да, самъ дьяволъ съ діалектами нашими не справляется. Одинъ такъ заупрямился, что въ Байоннѣ семь лѣтъ проторчалъ, чтобы языку басковъ выучиться. За семь лѣтъ двумъ словамъ научился «Бай — да и Эзь — нѣтъ». И что вы думаете? Лишь вышелъ изъ Байонны тотчасъ ихъ позабылъ...

Послѣ этого вступленія — оно, навѣрно, имѣло бы

успѣхъ и на виллѣ Саидъ, на воскресныхъ пріемахъ Анатоля Франса, аббатъ что-то сказалъ женщинѣ «у-у, ну-ру, су-су», въ чемъ то ласково наставилъ ее, очаровательно поклонился и удалился. И тогда женщина съ усиліями, отъ которыхъ побагровѣло и залоснилось ее лицо, на какомъ то волапюкѣ изъ французскихъ междометій и испанскихъ собственныхъ словъ, объяснила мнѣ, что когда то на этой быстрой пѣвучей рѣкѣ случилась большая непріятность съ святымъ Петромъ. Подробности этой непріятной исторіи я узнала уже позднѣе изъ сборника мѣстныхъ легендъ и преданій. Случилось вотъ что: что бы въ дни засухи вымолить дождь у неба, жители Олоронъ Сентъ-Мари когда то погружали статую патрона города св. Петра (въ обветшавшей церкви св. Петра, теперь рынокъ) въ рѣку Оссо. Погружали, купали въ самыхъ быстрыхъ мѣстахъ стремнины, пѣли *Adjuvanos* (помилуй насъ) и не успѣвали вынуть изъ воды, съ неба уже лилъ дождь. Однажды обрядъ этотъ возложенъ былъ на молодыхъ, выполнявшихъ его съ шутками, съ прибаутками. И святой выскользнулъ изъ ихъ рукъ и уплылъ въ ближайшій городъ, Советтэръ. Жители Советтэра устроили св. Петру торжественную встрѣчу, и въ тотъ же день густой ливень оросилъ ихъ поля. Олоронцы побѣждали въ Советтэръ за своимъ святымъ. Ну и, конечно, драка между ними и жителями Советтэра завязалась такая, что у однихъ и другихъ синяковъ, шишекъ, вышибленныхъ зубовъ не сосчитать было. Споръ завершился денежнымъ штрафомъ, выкупомъ за святого, уплаченнымъ олоронцами священникамъ Советтэра. Тѣ, впрочемъ, по товарищески подѣлили его съ причтомъ храма св. Петра, и съ тѣхъ поръ оба города живутъ въ мирѣ и согласіи...

Какое нибудь милое чудо, навѣрно, связано и съ другой, немолчно поющей въ Олоронѣ рѣкой, Аспъ. Какъ и Оссо, сбѣгаетъ она съ снѣжныхъ вершинъ въ

нѣсколько тысячъ метровъ. За этими натающими снѣгами уже Испанія, и черезъ эти видныя съ ступенекъ церкви св. Креста, дымящіяся синія долины шла когда-то большая военная и торговая дорога изъ Беарна въ Сарагоссу.

На звуки фисгармоніи вхожу опять въ храмъ св. Креста. Обѣдня отошла. Но какъ шумно и весело! До моего прихода толстый, круглолицый, добродушный кюре, повидимому, давалъ урокъ Закона Божія обѣпившей его дѣтворѣ. Теперь онъ развлекаетъ ихъ свѣтской музыкой. И совсѣмъ какъ на концертахъ Шалыпина, слушатели подсказываютъ ему любимые номера: «Зорю», «Перекличку лисицъ», «Охотничью», «Танецъ дервишей». Кюре, улыбаясь, смѣясь, раздавая направо, налево шелчки, хлопки, нажимая педали, войлочными туфлями игралъ «Зорю», «Перекличку», «Танецъ дервишей», «Охотничью» — звучавшія совершенно одинаково, въ одномъ ритмѣ и въ одномъ ладѣ.

А когда кончилъ, и малыши, боднувъ головенками его рясу, разбѣжались, учтиво обратился ко мнѣ.

Что смотрѣла? Что видѣла? Что понравилось, и, узнавъ, что издалека я, изъ Россіи — предложилъ: расскажите тамъ вашимъ Ленинымъ, что мы и безъ революціи, безъ кровопролитій здѣсь республиканцы и даже больше... (что хотѣлъ этимъ сказать — досказать не успѣлъ). Видѣли нашъ гербъ? Знатный гербъ. Что? Быкъ — кормилецъ и товарищъ... Пойду и я, свою скотину выгонять... Мое почтеніе!

ПО ГОРАМЪ И ДОЛАМЪ

Деревушки, поселки, пригорки, долины, ущелья, имѣющіе исторію и ни въ какомъ путеводителѣ не указанные. У меня случайный, отличный чичероне, знающій въ этой части Нижнихъ Пиренеевъ каждую тропку, каждый камень.

Мѣстный деревенскій врачъ, бальзаковскій «médecin de campagne» специалистъ по всѣмъ бѣдѣзнямъ, хирургъ, акушеръ, когда надо, — дантистъ, посвященный въ семейныя тайны обитателей нѣсколькихъ десятковъ деревень и коммунъ, на всѣхъ свадьбахъ, крестинахъ — почетный гость, на похоронахъ — за недосугомъ отсутствующій, нѣсколько сотъ человѣкъ называющій по именамъ и на «ты», всюду довѣрчиво привѣчаемый и радушно угощаемый. Отъ бальзаковского героя онъ, однако, отличается многимъ: на восемьдесятъ лѣтъ старше, былъ на войнѣ, знаетъ, что кромѣ Франціи, имѣются еще страны, и больныхъ своихъ объѣзжаетъ въ автомобилѣ.

Ѣдемъ съ нимъ въ старенькомъ Фордѣ сначала по шоссе, выходящему зигзагомъ между горъ. Внезапно встаетъ, внезапно исчезаетъ панорама подъ снѣжными шапками вершинъ, неожиданно пышныя, неожиданно поосеннему расцвѣченныя долины или глубокія и синія, какъ ущелья.

Чья усадьба съ романтическими стражами — темными кипарисами у воротъ? Англичанина, мистера

Х. Дальше, на горѣ, словно обтянутой зеленымъ бархатомъ, большой, бѣлый, нарядный домъ. Чей? — Англичанина. Мистера З. — Въ долину, красными кирпичиками облицованный, съ англійскаго иллюстрированнаго журнала сфотографированный «котэджъ». И спрашивать не надо. Спутникъ мой освѣдомляетъ: «Англичанки. Миссъ У».

Англичане давно облюбовали Пиренеи. По, какъ мѣсто дѣйствія романтическихъ интригъ и драмъ, сослужилъ такую же службу англійскимъ романистамъ особенно романисткамъ, какъ Ривьера и послѣ открытія гробницы Тутанкамона — Каиръ. А послѣ войны, когда подешевѣли франки, вздорожали рабочія руки, и республиканскіе министры выдумали поземельные налоги, пиренейцы-собственники стали сваливать обузу собственности на обязательныхъ иностранцевъ, и сами потянулись въ Аргентину, въ Бразилію, вслѣдъ за молодыми, до войны проклинавшими за отлеты изъ вѣковыхъ гнѣздъ.

Большинство большихъ помѣстій перешло въ руки англичанъ, американцевъ, голландцевъ, старые дома обновились, приукрасились, стали «замками», «виллами», а пиренейцы — мелкіе собственники, арендаторы, винодѣлы, скотоводы — поглядываютъ, высмѣиваютъ новшества, чешать языки и ждуть, когда застопнуть отъ налоговъ новые хозяева...

Отъ асфальтовыхъ шоссе отходитъ внизъ каменная дорога, по которой не выдержать уже побывавшимъ въ передѣлкахъ шинамъ этого Форда. Спутникъ мой тормозитъ изо всѣхъ силъ. Сине-красное обвѣтренное лицо съ сѣдыми усами синѣетъ и краснѣетъ гуще. Спускъ крутой. Того и гляди, полетимъ внизъ — колесами вверхъ.

Но обошлось благополучно. Нѣсколько десятковъ метровъ между поблекшихъ, обвисшихъ виноградныхъ лозъ, и — столъ. Сѣрая деревянная ограда, подобіе

какого-то затвора. Тутъ доктору надо сойти — навѣститъ больного. Мнѣ домъ не виденъ. Онъ ниже. Вижу лишь молодые, куда-то убѣгающіе дубки, и по другой сторонѣ широкій, ярко-зеленый, даже не настоящій, какъ будто, а декоративный театральнй лугъ, — такъ онъ зеленъ и ярокъ.

Докторъ окликаетъ дѣвушку на полянѣ. «Алиса! Ну, что у васъ?»

Дѣвушка подошла ближе. Розовая, русая синеглазая, бѣлозубая, крѣпконогая, съ хворостиной — па-стораль.

— «Ничего!» «Въ воскресенье, значить?» Дѣвушка не отвѣтила — запылала. «А дружокъ?» — «Въ По уѣхалъ покупать...» Дальше уже было непонятно. Но одно слово нѣсколько разъ повторено было, — я схватила: «сѣга». Докторъ представилъ меня: «Пріѣзжая дама. Ты, Алиса, расскажи ей про «сѣгу», пока я внизу буду». И Алису мнѣ: «Невѣста. Въ воскресенье — кончено. Крышка. До скорого...».

Я сѣла на раскорячившійся широкий пенъ, Алиса примостилась подлѣ, на камнѣ. Подошла и корова, ничего во мнѣ интереснаго не нашла, палевымъ съ грязной бородкой хвостомъ описала въ воздухѣ каллиграфическій завитокъ и вернулась на поляну. Алиса начала свѣтскій разговоръ: «Американка-ли я? Гдѣ мой супругъ? Гдѣ мой шато?» Но я напонила: сѣга! сѣга...» Тогда она застыдилась, склонила голову набокъ и отвѣтила речитативомъ: «Но разъ вы говорите по французски, вы, навѣрно, знаете...»

Въ концѣ концовъ, не скоро, повѣрила, однако, что я не знаю, и посвятила: женихъ ея не здѣшній, оттуда — она указала пальцемъ вверхъ — не то на небо, не то на снѣжныя горы — и оттого долженъ передъ вѣнцомъ подарки раздавать молодымъ людямъ, ея родственникамъ и односельчанамъ.

— А если бы не захотѣлъ на подарки тратиться?

Алиса захлопала рѣсницами и чуть-чуть отъ меня отодвинулась:

— Ну, какъ же? Это совсѣмъ даже невозможно. Парни скандалъ бы устроили. И такіе пустяки: кому трубку, кому поясъ, пачку патроновъ... Когда моя бабушка замужъ выходила, такъ съ дѣдушки коммуна десять овецъ, двухъ телокъ и пятьсотъ подпорокъ къ винogradнымъ лозамъ потребовала... И заплатилъ...

На этнографически бытовые темы Алиса, явно, не расположена была распространяться. Бесѣда наша приняла характеръ легкій и непринужденный.

Что больше танцуютъ въ Парижѣ: лансье или фокстротъ? Часто ли я вижу президента республики? И не очень ли смѣшна она съ косою? На мои протесты и завѣренія, что не только не смѣшна, но... — она отвѣтила тихо, но твердо:

— Сниму, когда уѣдемъ отсюда.

Узнала дальше, что теткѣ ея двоюродной 80 лѣтъ, что она ея единственная наслѣдница и что пока тетка жива, надо имъ жить тутъ. И женихъ тоже, старому отцу въ угоду, гоняетъ скотъ по ярмаркамъ и одѣвается по здѣшнему...

Ясно было безъ словъ: Когда помретъ тетка, когда помретъ свекоръ — она срѣжетъ волосы, мужъ вмѣсто беретъ чернаго, надѣнетъ котелокъ, и начнется новая жизнь. Ферму продадутъ, и на той полянѣ, гдѣ она сейчасъ такъ идиллично пасла свою корову, англичане съ англичанками будутъ играть въ теннисъ.

— А вотъ и докторъ. Ну, что тетка?

— Отлично. Смотри, жениха бы у тебя не отшибла. Про «сэгу» рассказала?

Что-то онъ еще добавилъ на языкѣ мнѣ не понятномъ, и отъ чего она стала малиновой — очевидно, имѣвшее отношеніе къ предстоявшему въ воскресенье событію, и мы поѣхали дальше. Узкой ложбиной, надъ

крутымъ оврагомъ, крутымъ подъемомъ, — и опять каменистой проселочной дорогой.

— Сэга, — выкупъ? Ну, да — такъ и есть, — подтвердилъ докторъ. Чужаки изъ другой деревни, гдѣ уже и діалектъ нѣсколько другой и гдѣ жило когда-то другое племя. Умыкали дѣвушекъ изъ сосѣдней деревни и платили сэгу. Потомъ стала Франція единая и недѣлимая, а въ Пиренеяхъ сэга осталась. Очень просто. Иные уже въ Парижѣ побывали, уже черный беретъ на нихъ смѣшно сидить, но если пріѣзжаютъ на родину вѣнчаться — платятъ сэгу. По дорогѣ въ церковь, черезъ всю улицу протянута красная полоса — символъ древнихъ преградъ, и лишь по уплатѣ выкупа, путь жёниха къ невѣстѣ, поджидающей его въ церкви, — свободенъ.

— Ну, здѣсь я опять долженъ васъ оставить. Полюбуйтесь на этотъ домъ — ему нѣсколько сотъ лѣтъ. Прожило въ немъ нѣсколько десятковъ поколѣній одного и того же крестьянскаго рода. Но какіе уже крестьяне — патриции. Только что крестьянскимъ дѣломъ изъ вѣка въ вѣкъ занимались. До конца прошедшаго. Теперь изъ трехъ сыновей — одинъ адвокатъ, другой фабрикантъ, третій — въ торговомъ флотѣ. Всѣ далеки. При больной старухѣ, моей паціенткѣ, племянница, выросшая въ Парижѣ, не умѣющая объясняться съ здѣшней прислугой, съ батраками, съ арендаторами на ихъ фермахъ. Во всемъ домѣ ни намека на современность — ни мебель, ни утварь. Все старинное, пра-пра-дѣдовское. Не станетъ старухи, и...

Докторъ свистнулъ и пошелъ къ чернымъ кипарисамъ, за которыми стоялъ безмолвный, темносѣрый съ четырёхугольными зарѣшетенными окнами домъ.

Я вышла изъ автомобиля и узкой тропкой направилась къ деревушкѣ, гдѣ, я знала, имѣется старинная, одна изъ стариннѣйшихъ въ этихъ мѣстахъ церковь. Несмотря на ранній еще предвечерній часъ, на улицѣ,

единственной, повидимому, не было ни души. Но гдѣ-то мычало, хрюкало, пищало, дымились трубы, скрипѣла пила, плакалъ съ долгими интервалами ребенокъ. Деревня жила обычной ясной жизнью, какою живутъ во всѣхъ странахъ сотни деревень. Церковка оказалась на окраинѣ и противъ нея неизмѣнный теперь во всѣхъ французскихъ городахъ и деревняхъ памятникъ.

Церковка съ наивными изваяніями апостоловъ на осѣвшемъ порталѣ съ старыми и, очевидно, недавно въ этотъ темно-красный цвѣтъ выкрашенными деревянными дверьми, — безхитростнымъ убранствомъ, робкими сводами, — напомнила мнѣ такіе же древніе храмы въ горныхъ деревняхъ Восточныхъ Пиренеевъ. Но было въ ней что то еще невиданное мною; отдѣленная ступеньками часть храма со слѣдами столбиковъ, ограды, что ли... Отъ кого отгораживались когда-то молящіеся? Знатные отъ незнатныхъ? Имущіе отъ неимущихъ?

Ни одна изъ моихъ догадокъ не оказалась вѣрной. Отгораживались — и во многихъ пиренейскихъ церквяхъ — красивые, здоровые, храбрые, умные отъ пастышковъ природы, отъ «каго» — безобразныхъ кретинъ, которые считались нечистыми и недостойными молиться бокъ-о-бокъ съ христіанами.

Добрая исторія дала «каго» случай отомстить за себя. Въ войнѣ съ альбигойцами, къ которымъ они примкнули, — пиренейцы не имѣли болѣе жестокихъ, безпощадныхъ враговъ, чѣмъ эти жалкіе паріи, безобразные ублюдки среди гордой, красивой расы.

Уже въ сумерки, по дорогѣ домой, настѣ наступилъ молодой человекъ въ темномъ свитерѣ, штиблетахъ и черномъ беретѣ. Спортсменъ и беарнскій пастухъ. Что-то онъ крикнулъ, спутникъ мой остановилъ автомобиль. Взмолвленное, молодое, красивое лицо, что то о Селестинѣ, у которой «началось», и дальше — настойчивое и непонятное.

Докторъ пообѣщалъ и со всей скоростью, на ка-

кую способень былъ его старый, бѣдный Фордъ, помчалъ меня домой.

— У Селестины «началось» — догадываетесь что. А настаивалъ, чтобы я сейчасъ, а то тетка, бабка, теща позовутъ знахарку, станутъ колдовать и испортятъ ему жену, отъ которой онъ ждетъ сына и непременно этой ночью. Онъ отличный монтеръ, молодая жена его модистка — училась въ Байоннѣ, а матери, бабки, тетки за всю свою жизнь изъ своей деревни не выѣзжали. И вдругъ такое новшество — врачъ, помогающій въ такомъ вотъ событіи... Семейная драма. Съ зятемъ уже полгода никто не разговариваетъ.

Утромъ я къ удовлетворенію своему узнала, что у Селестины «кончилось», и здоровый крѣпышъ примирилъ всѣхъ незнакомыхъ мнѣ тещъ и тетокъ съ незнакомымъ мнѣ зятемъ и съ милымъ докторомъ.

ВЪ ДРЕВНЕЙ СТОЛИЦѢ БЕАРНА

Вѣрится съ трудомъ: этотъ крохотный городокъ, не городокъ даже, а деревня въ семи километрахъ отъ По, — была когда то столицей испанской теперь Наварры и французскаго Беарна, ареной историческихъ событій, резиденціей сувереновъ, епископовъ, называлась не Лескаръ, какъ теперь, а Бенеарнумъ, и богатствомъ, пышностью прельстила сарациновъ, которые не полѣнились сначала ограбить, потомъ разрушить ее. И такъ добросовѣстно, что цѣлыхъ 140 лѣтъ понадобилось Бенеарнуму, чтобы отстроиться вновь. А когда отстроился къ 980 году, — то столицей Беарна былъ другой городъ, и ему уже нельзя было называться Бенеарнумъ. А отчего назвался Лескаромъ — я не знаю. Никто не знаетъ. Даже ученые историки не сумѣли поднять, какъ говорится, завѣсу надъ этой тайной прошлаго. А старались очень и строили всякія догадки, и такъ ихъ много, что приводить, пожалуй, не стоитъ...

Но какъ вездѣ, исторіи неизгладимый слѣдъ остался и здѣсь. «Нетлѣннаго въ истлѣвшемъ красота» — двѣ, три старыхъ, ни на что не годныхъ башни, обросшихъ нужной, сѣрой, цѣлесообразной новизной. скромные остатки грозныхъ когда-то крѣпостныхъ стѣнъ. Есть тутъ и подлинный «безсмертія залогъ» — зарегистрированный, какъ національный и художественный памятникъ, храмъ. На сѣверѣ Франціи уже начинали строить въ XII вѣкѣ готическіе прамы — здѣсь строившіеся

храмы еще имѣли характеръ римскихъ базиликъ, гдѣ раньше и судъ творился, и обсуждались городскія дѣла.

Низкіе, широкіе своды, глубокія ниши, уютныя, теплыя, гдѣ собирались люди не только для краткой молитвы, но и для долгаго бдѣнія, обособленія отъ суеты за крѣпкими этими стѣнами, вниканія ради въ священные латинскіе тексты. Подъ широкими плитами, сплошь покрытыми неразборчивыми, высѣченными въ нихъ письменами, похоронены епископы, голоса которыхъ нѣкогда внушительно звучали въ этомъ храмѣ. Давно уже, вѣрно, истлѣли кости лежавшихъ подъ этими плитами красивыхъ, гордыхъ, могучихъ, даровитыхъ повелительницъ: Жанны д - Альбрэ, матери Генриха IV-го, Екатерины Наваррской, Маргариты Ангулемской, совмѣщавшей въ себѣ дипломата и поэта, современниками-трубадурами названной «Маргаритой изъ Маргаритъ». — За нею числится еще одна заслуга: она будто бы своимъ «Гептамерономъ» положила начало французской порнографіи.

По плитамъ этимъ ходить не запрещается, и такъ странно видѣть и слышать, какъ шаркаютъ по нимъ черныя и желтыя туфли на высокихъ и низкихъ каблуккахъ...

Больше смотрѣть въ Лескаръ нечего. Двѣ-три узкихъ улочки съ незатѣйливыми домиками, убогими лавчонками интереса не представляютъ. Подъ сѣрымъ небомъ сидѣть у развалинъ крѣпостной стѣны и любоваться на далекую равнину, которая, вѣроятно, хороша въ солнечный, теплый день, а въ декабрьскій день блѣдна и грустна, — тоже соблазна мало. До поѣзда два часа, и какъ нибудь надо ихъ использовать.

Идемъ съ спутницей моей искать кафе. Съ каждой минутой все ощутительнѣе необходимость пріюта: пошелъ дождикъ, затянули что-то унылое полуоголен-

ныя деревья. Но огромный, въ три высокихъ этажа, съ боковыми башнями домъ подъ холмомъ, на которомъ стоитъ древняя столица, привлекаетъ наше вниманіе. Передъ домомъ, похожимъ на плохо реставрированный замокъ, большая усыпанная краснымъ пескомъ поляна, на которой что-то происходитъ.

Вооружаемся биноклями и видимъ: группу молодыхъ людей, человѣкъ пятьдесятъ, въ синей форменной одеждѣ и двухъ военныхъ инструкторовъ въ хаки, чему-то ихъ обучающихъ. Ясно — чему. Военному дѣлу. Моя спутница, жена офицера, освѣдомляется меня о неблагодарной роли этихъ инструкторовъ, когда ихъ командируютъ въ такія вотъ учрежденія — домъ, похожій на замокъ, оказался педагогическимъ институтомъ, готовящимъ преподавателей для народныхъ школъ. Молодежь, обучающаяся въ этихъ институтахъ, за немногими исключеніями, настроена антиимпериалистично, къ военнымъ инструкторамъ пiэтета не питаетъ, и въ угоду ей этотъ обязательный въ программѣ предметъ называется гимнастикой. Какъ бы онъ ни назывался, ведется онъ отлично, съ увлеченіемъ, и точныя, ловкія, ритмичныя движенія этихъ стройныхъ синихъ фигуръ — зрѣлище, отъ котораго мы долго не можемъ оторваться, несмотря на зачистившій дождь и на приблизившееся къ намъ небо.

Наконецъ, мы въ кафе, единственномъ, опрятномъ, не заплеванномъ, не накуреномъ, съ громкимъ, разумѣется, названіемъ «Палась-кафе», съ холодными стѣнами, холоднымъ поломъ и холодными клеенками на столикахъ.

Нашъ запросъ, нельзя-ли помѣститься на кухнѣ, вызвалъ на трехъ старыхъ и безобразныхъ и на одномъ молодомъ и смазливомъ женскихъ лицахъ сначала изумленіе, потомъ подозрѣніе, а затѣмъ добродушное умиленіе и согласіе.

Насъ повели, не въ кухню, однако, а въ ея преддверіе... Въ комнату съ длиннымъ, узкимъ, деревяннымъ некрашеннымъ столомъ, съ узкими лавками по обѣимъ его сторонамъ и вдоль стѣнъ, съ землянымъ поломъ и о, утѣшеніе, — съ огромнымъ, невиданныхъ фантастическихъ размѣровъ каминомъ. Опадали стѣны, — каминъ этотъ, вѣроятно, обросталъ новыми. Шли вѣка, — каминъ этотъ отражалъ ихъ сокрушающую поступь. Когда-то на вертелехъ, быть можетъ, жарились въ немъ бараны, телята, кабаны и олени, которые и теперь еще водятся въ окрестныхъ горахъ. Сейчасъ, между нѣсколькихъ полѣньевъ, пристроился котелокъ съ водой, и когда вода въ немъ вскипитъ, мы получимъ чай. О немъ хлопчуть всѣ четыре женщины — старья и молодая. Кто несетъ чайникъ, кто чашки, кто аршинный хлѣбъ и большой, какъ въ мясныхъ лавкахъ, ножъ, а внезапно откуда-то выплывшей хорошенькой, румяной, черноволосой дѣвушкѣ поручается насъ заимать. Она берется за это съ явнымъ удовольствіемъ, усаживаетъ насъ у самаго камина, подъ широкій, высокій каменный навѣсъ, по обѣ стороны огня, сообщаетъ намъ, что она не здѣшняя, въ этомъ домѣ жиличка и что, когда мы будемъ подкрѣплять себя чаемъ, она будетъ подкрѣплять себя поросычьимъ вареньемъ. И дѣйствительно, ей подали большую стеклянную банку съ топленнымъ свинымъ саломъ, въ которомъ чернѣли, какъ изюминки въ рисовомъ пудингѣ, крѣпкія, аппетитно хрустѣвшія въ ея зубахъ свинья шкварки.... Только, было, она обратилась ко мнѣ, тотчасъ же по акценту опредѣливъ національность, — съ комплиментомъ по адресу казачьяго хора, который она слышала въ «Трокадеро», — вошелъ молодой, рыжеватый, аккуратно одѣтый человекъ, безъ шляпы, съ очень толстымъ портфелемъ и двумя толстыми книгами. Намъ поклонился, румяной дѣвушкѣ: «А, уже за поросычьимъ вареньемъ», портфель положилъ на лавку, обѣ книги

передъ собой на столѣ, раскрылъ ихъ — томъ какой-то энциклопедіи и географическій атласъ — и уткнулся въ нихъ. Черезъ минуту захлопнулъ Энциклопедію и атласъ. Желтый бобрикъ приподнялся какъ будто выше и изобразилъ пріятное и откровенное удивленіе. Но все-таки переспросилъ, и дважды: «Въ самомъ дѣлѣ? Русская? Оттуда, изъ Россіи?». И когда повѣрилъ и представился — преподаватель географіи въ двухъ классахъ, и литературы въ этомъ институтѣ, который мы созерцали съ крѣпостного вала, — тогда пересѣлъ поближе къ намъ и спросилъ, какъ я отношусь къ Достоевскому и Толстому. Я отвѣтила, что отношусь хорошо. Отвѣтъ мой преподавателя географіи огорчилъ и взволновалъ. Онъ даже привскочилъ, опять сѣлъ и возразилъ: «Только всего? Но вѣдь это же все. Чѣмъ была бы Европа безъ Достоевскаго и Толстого? Или, можетъ быть, вы «ленинистка» и предпочитаете нѣмецкаго Маркса»? Я успокоила защитника Достоевскаго и Толстого, и много занятнаго, утѣшительнаго узнала я, сидя у этого камина, и попивая изъ глиняной раскрашенной чашки странной окраски настой, называющийся чаемъ въ древней столицѣ Наварры и Беарна. Узнала, что французы, именующіе себя коммунистами, чистѣйшей воды романтики, а русскіе коммунисты матеріалисты, гасители духа, и, стало быть, у нихъ не можетъ быть общаго языка, что французская молодежь, особенно въ провинціи, «адоптировала» Толстого и Достоевскаго, и многіе по Толстому «ориентируются» въ жизни, и что онъ какъ географъ, хорошо знающій Россію, не теряетъ вѣры въ эту страну и твердо надѣется на то, что «исторія отъ большевиковъ отберетъ то, что нужно этой великой странѣ, давшей міру Толстого, а остальное отъ нея отпадаетъ»

Рыженькій преподаватель географіи оживился, порозовѣлъ, говорилъ уже, какъ теперь еще говорятъ

французы, съ пафосомъ, съ широкими жестами и немножко слишкомъ красиво...

Но надо было спѣшить на поѣздъ, и горячую его рѣчь о Россіи, у которой «все же большое будущее», — такъ онъ увѣрялъ меня, — дослушала уже хорошенькая дѣвушка, не перестававшая уплетать ломти хлѣба съ поросычѣмъ вареньемъ.

РАЗВАЛИНЫ ЛУНЫ

Во враньѣ одни лишь путеводители затмеваютъ календари. Взять хотя бы указаніе на эту достопримѣчательность милаго маленькаго пиренейскаго городка Ортезъ — между По и Байонной.

— Гдѣ тутъ, скажите пожалуйста, развалины Луны? — Двѣ почтенныхъ женщины съ смуглыми умными лицами, въ черныхъ косынкахъ, на вопросъ мой ничего не отвѣтили. Только переглянулись тревожно и поспѣшно отошли. По тому, какъ одна скорбно качала головой, а другая смуглымъ пальцемъ постучала по своему лбу, я поняла, что мой вопросъ внушилъ имъ печальныя на мой счетъ догадки. Но въ путеводителяхъ по Пиренеямъ ясно, чернымъ по бѣлому, напечатано: «развалины Луны, гостинницы, гдѣ въ XIV-омъ вѣкѣ жилъ Жанъ Фруассаръ», любопытный человекъ, непосѣда, переѣзжавшій изъ страны въ страну, изъ города въ городъ, всѣмъ интересовавшійся, видѣнное и слышанное запоминавшій, а на привалахъ записывавшій. И такъ занятно, мѣтко, забавно, что хрониками его пользовался такой серьезный челевѣкъ, какъ Ипполитъ Тэнъ, а въ Ларуссѣ удѣлены ему, правда, лишь три строчки, но зато помѣщенъ его портретъ, изображающій пріятной мужественной внѣшности молодого человека въ казачьей шапкѣ.

Такъ вотъ, эти развалины Луны, которая, въ концѣ концовъ, я таки разыскала — во-первыхъ, не развали-

ны, а просто — въ грязномъ дворѣ при старой грязной башнѣ старый грязный домъ, а во-вторыхъ, знаменитый историографъ и хроникеръ Фруассаръ здѣсь никогда не жилъ. Когда о прибытіи его въ Ортезъ — тогда самостоятельное, воевавшее съ Испаніей, Англіей и Франціей графство — провѣдалъ графъ Гастонъ де Фуа, лстивыми трубадурами прозванный Фебомъ, онъ приказалъ немедленно привести любознательнаго путешественника къ нему.

Слава Фруассара, способнаго ославить и прославить своимъ гусинымъ перомъ, была уже велика, и монархи уже старались располагать къ себѣ такихъ людей. Въ замкѣ Гастона Феба Фруассаръ прожилъ тринадцать недѣль, ѣлъ, пилъ, развлекался, развлекалъ монарха своими разсказами и сатирами въ стихахъ, а когда монархъ отдыхалъ или занимался государствен. дѣлами, коварный гость собиралъ о немъ справки, освѣдомлялся, гдѣ и у кого могъ, о его нравѣ, вкусахъ, о томъ, какъ относились къ нему близкіе, соратники, подданные, и — ничего отъ потомства не утаилъ. Благодаря этимъ хроникамъ — читать ихъ очень трудно: Фруассаръ писалъ по старой дореволюціонной орфографіи — стало извѣстнымъ, что Гастонъ де Фуа, воевавшій съ сосѣдями удачно, прозванный Фебомъ за красоту, которую первый же за собой призналъ, въ дѣйствительности былъ здоровенный толстякъ, обжора, подозрителенъ, кровожаденъ, тщеславенъ, въ картинахъ, которыя покупалъ оттого, что художникамъ начинали покровительствовать большіе монархи — ничего не смыслилъ, въ стихахъ, которые ему посвящали кормившіеся отъ его щедротъ поэты, ничего не понималъ и вдобавокъ убилъ родного сына, тихаго, робкаго мальчика, заподозрѣннаго имъ по невѣрному доносу въ намѣреніи отравить его.

Отъ замка-крѣпости, стоявшаго на высокомъ холмѣ надъ городомъ, отъ крѣпостныхъ стѣнъ, подъемныхъ мостовъ — остались лишь холмъ и на немъ огромная

башня, Монкадо. Та самая, гдѣ, по свидѣтельству нелицепріятнаго хроникера, Гастонъ Фебъ пыталъ и собственноручно зарѣзалъ своего сына.

Тишина на этомъ зеленомъ безлюдномъ холмѣ, красота, какой и не было, быть можетъ, когда пышно царствовали тутъ графы де Фуа. На темно-зеленой водѣ крѣпостнаго рва узоры красныхъ и лиловыхъ листьевъ. Изъ ярко озареннаго солнцемъ, сверкающаго внизу города плыветъ праздничный гулъ оживленнаго ярмарочнаго дня. А притаившись за угломъ башни — цѣлуются онъ и она. Оба красивы, печальны, трогательны и цѣлуются тихо, беззвучно. И кажется: далекая былъ — злодѣйства, трагедіи, ночныя мрачныя пиршества при свѣтѣ факеловъ, жегшихъ руки безмолвнымъ рабамъ (Гастонъ Фебъ садился ужинать въ полночь и всегда при факелахъ), быть можетъ, и не былъ вовсе, а лишь благодарный фонъ для романа этой милой пары. И, навѣрно, они не единственные, этой башнѣ довѣряющіе свою тайну.

Зато никакихъ сомнѣній въ своей подлинности не внушаетъ та исторія, которая свой пестрый свитокъ развертываетъ внизу, на площадахъ Ортеза. Возы, повозки, волы, коровы, испуганные телята, клѣти, корзины съ домашней пищей, человѣческія головы, звонъ, говоръ лязгъ, смѣхъ.

Не знаю, сохранился ли родъ графовъ де Фуа. Но я освѣдомлена точно о томъ, что эти гордые пѣтухи, породистыя индѣйки, элегантныя цесарки — потомки подлинныя древнѣйшей во Франціи птичьей знати, и вѣка уже родство съ нею почитаетъ для себя честью каждый сельскій хозяинъ, помѣщикъ, каждый фермеръ въ Пиренеяхъ.

Всѣ, радѣющіе о чистотѣ индюшечьей или куриной или гусиной расы, желающіе предупредить мезальянсы на своихъ птичьихъ дворахъ, ѣдутъ въ Ортезъ, гдѣ въ ярмарочные дни большой выборъ родовитыхъ жени-

ховъ и невѣсть. И надо видѣть, какъ старики и молодые парни, пожилыя и совсѣмъ юныя женщины — пылливо, внимательно мнутъ, ощупываютъ куръ, индѣекъ, сколько времени удѣляется разглядыванью лапокъ, когтей... Голубую кровь, расу — кто этого не знаетъ? — легче всего распознать рукавъ, и формѣ да размѣру ступни.

Озабоченныя, серьезныя, темныя лица въ морщинахъ и молодыя, смуглыя, съ черными, длинными горящими глазами. Глаза испанскіе. Очеркъ лица горный, четкій. Старики, пожилыя женщины, пожалуй, даже живописныѣ, значительныѣ, колоритныѣ молодыхъ. И такъ идутъ къ нимъ черныя головныя уборы: на мужчинахъ круглые, артистично сидящіе на нихъ, суконныя береты. На женщинахъ изъ очень тонкого чернаго сукна, ладно скроенныя, ловко сшитыя косынки, совершенно скрывающія волосы и придающія лицамъ такую пріятную, тихую строгость.

Лицедѣи, статисты исторіи, если не ищутъ, какъ герои пьесы Пиранделло «Шестеро персонажей въ поискахъ автора» — то во всякомъ случаѣ угадываютъ хроникера или просто любопытнаго наблюдателя. Извѣстно, что на ловца и звѣрь бѣжитъ. Фруассара прямо оставляли на дорогѣ, на площади города. — Видите эту стѣну? — Вижу. — А замѣчаете, что она новѣе сосѣднихъ стѣнъ? Да, какъ будто. — А хотите знать, отчего? — Еще бы не хотѣть. Конечно, хочу...

Ему разсказывали, онъ слушалъ. Разсказчикъ, облегчивъ душу просившимся наружу разсказомъ, уходилъ своей дорогой, а Фруассаръ записывалъ.

Фруассаръ не очень одобрялъ то, что наблюдалъ. Ни убійствъ, ни пытокъ, ни рабства, ни придворныхъ интригъ, и описывалъ такъ, что явны были его тайныя упованія на то, что когда-нибудь не будетъ ни монарховъ, ни рабовъ, ни лукавыхъ царедворцевъ, ни глушимага смѣха, ни глушимыхъ слезъ. Я попала на ярмарку въ Ор

тезъ въ эпоху, когда это еще не совсѣмъ, но уже почти такъ, какъ уповаль Фруассаръ. Ни монаховъ, ни рабовъ и неограниченное всеобщее право на слезы.

Мой путь проторенъ для меня Фруассаромъ; и мой путь легче его пути... На описываніе злодѣйствъ и пріемовъ владѣтельныхъ принцевъ мнѣ времени тратить не надо. Ни одинъ владѣтельный принцъ меня въ гости къ себѣ не позвалъ. Стоило же мнѣ подойти къ клѣти съ каплунами, къ столу съ молочными поросятами, къ корзинѣ съ утками, къ группѣ палевыхъ и желтенькихъ телятъ и на меня оборачивались съ недоумѣніемъ, съ веселыми, даже слишкомъ веселыми улыбками. Но стоило мнѣ раскрыть ротъ, и улыбки исчезали. Со мной заговаривали серьезно, какъ если бы я была Фруассаръ. «Персонажи, ищущіе своего автора». За какихъ нибудь полтора часа толчеи на ярмарочной площади узнала я столько исторій о гусяхъ, цесаркахъ, индюкахъ, пѣтухахъ, о промахахъ, совершенныхъ въ Ганѣ, Олоронѣ, Лонсѣ, Мейонѣ нерадивыми хозяевами, допустившими на своихъ птичьихъ домахъ неравные браки,, и какъ пострадали отъ этого древнія знатныя гусинья семьи, такъ много поучительного узнала, что если пожелаю написать книгу о куроводствѣ, сдѣлаю это въ два счета.

Фруассаръ не скрывалъ, что большинство полученныхъ имъ въ Пиренеяхъ, особливо въ Ортезѣ, свѣдѣній — ему приходилось оплачивать угощеніями или изъ фляги, которую всегда имѣлъ при себѣ, или же въ ближайшей харчевнѣ. Мнѣ ни къ флягѣ, ни къ харчевнѣ прибѣгать не надо. У меня спрашиваютъ лишь, изъ какой я страны, и когда узнаютъ, обступаютъ такъ тѣсно и такъ близко надвигаются на меня огромные, серповидные, кинжалообразные рога, что я умоляю разступиться немного и дать мнѣ возможность пробраться къ тротуару. Оттого, — поясняю, — что рогатый скотъ меня боится, и потомъ возбужденный интересъ

черныхъ съ кроваво-красными клювами индюковъ къ моему пестрому шарфу можетъ скверно отразиться на ихъ пищевареніи. Плотная людская стѣна разомкнулась, и отдѣлились отъ нея и послѣдовали за мною: молодая женщина, ея молодой мужъ или братъ и одинъ беарнецъ, немолодой, степенный, важный. Отлѣпились отъ куръ своихъ, индюковъ, гусей и пошли за мной. Первый вопросъ предложилъ мнѣ старый — насчетъ ориентации. А формулировалъ его такъ: «Какая у васъ тамъ партія сильнѣй теперь — французская или нѣмецкая?».

Женщина безъ черной косынки, но и безъ шляпки, простоволосая, миловидная, поинтересовалась о судьбѣ царя, и когда узнала, недовѣрчиво покачала головой.

— Pas possible! За что?

Объяснилъ ей молодой, мужъ или братъ: «У нихъ тамъ революція среди казаковъ».

— А! — она поняла.

Подошли еще двое, немолодыхъ, и этимъ пришлось отвѣчать на много, много толковыхъ вопросовъ. Эти были на войнѣ, а одинъ въ германскомъ плѣну дружилъ съ русскимъ офицеромъ, «славнымъ, молодымъ», а фамилія ему была Жахоманумукалокоу, что то въ этомъ родѣ».

Отъ нихъ узнала я, что если въ Россіи до войны было еще немало безграмотныхъ, то очень этимъ огорчаться я не должна, оттого, что въ Пиренеяхъ по деревнямъ и сейчасъ еще очень много безграмотныхъ. Когда воинскую повинность отбываютъ, тогда подучиваются читать, писать и за одно по французски объясняться. А то все по здѣшнему «на нашемъ языкѣ».

Узнала еще, уже отъ молодого, что хотя въ одномъ Ортезѣ на городокъ въ семь тысячъ жителей четыре большихъ фабрики, и почти всѣ рабочіе Syndiqués

— но это совсѣмъ не то, что въ Россіи, и не можнѣ быть такъ...

— Отчего?

— *Parce que...* — И другіе поддержали, кто пожатіемъ плечъ, кто движеніемъ брови, кто улыбкой.

— «Оттого что...» И не договаривали оттого что, быть можетъ, не находили въ своемъ запасѣ словъ для поясненія какой то силы, устойчивости, любви къ своимъ горамъ, рѣкамъ, лѣсамъ, какія могутъ противупоставить разгрому, развалу, разрухѣ...

По дорогѣ къ вокзалу я опять заглянула въ темный дворикъ древней гостиницы Луны. Башня въ другомъ предвечернемъ освѣщеніи казалась круглѣе, выше и надъ окошкомъ, очень узкимъ, подъ самой крышей, можно было разглядѣть какіе то остатки эмблемы или надписи. Быть можетъ, за этимъ окошкомъ и писалъ свою «хронику» Ортеза Фруассаръ...

Одну-то, двѣ, три ночи, пока не заполучилъ его въ свой замокъ Гастонъ Фебъ, онъ, быть можетъ, и провелъ здѣсь. Я знаю изъ книгъ о томъ, какъ кончилъ свой вѣкъ этотъ неутомимый скиталецъ: не на родинѣ, въ одиночествѣ, на случайномъ привалѣ, съ перомъ въ рукѣ...

И высоко задирая голову къ таинственному черному узкому окну — я шлю мнящейся мнѣ за нимъ тѣни Фруассара нѣжный, товарищескій привѣтъ.

ЗОЛУШКА

... Праздникъ въ «бѣломъ» городѣ, въ новомъ Лурдѣ. Въ отличіе отъ «сѣраго города», отъ стараго Лурда. Эпитеты врядъ ли стоили автору большого творческаго усилія. Но они точны, они безспорны.

Въ одномъ бѣло, богато, нарядно, празднично. Въ другомъ сѣро, убого, грязно и буднично. И сѣрый городъ не празднуетъ праздника бѣлаго города. Ему некогда. Вся сѣтъ узкихъ, кривыхъ, темныхъ и подъ солнечнымъ небомъ улицъ — это столярныя, слесарныя мастерскія, кузницы, москательныя лавки, лабазы, и здѣсь стругаютъ, пилятъ, красятъ, стучатъ, перекриваются и переругиваются.

Праздникъ торжества, оживленія тамъ, въ «бѣломъ городѣ». Тамъ, гдѣ богатые храмы, отели, пансіоны, страннопріимные дома, магазины, банки, модныя витрины, кафе, кинематографы, въ какихъ нибудь пятьдесятъ лѣтъ выросшіе вокругъ грота Массабель... Въ одно холодное февральское утро худенькая, большеглазая дѣвочка, кутаясь въ рваный платокъ, собирала здѣсь хворостъ.

Съ этого все началось. Съ вязанки хвороста. Нести ее надо было далеко. И не «бѣлымъ», наряднымъ городомъ, котораго тогда еще не было, а пустыннымъ берегомъ, вдоль жутко шумѣвшей рѣки, еще не закованной, какъ теперь, въ гранитъ и узорный чугуны, — до тѣс-

наго, унылаго переулка, гдѣ въ убогомъ домишкѣ жила семья мельника Субиру.

Домишко, изъ котораго выплыла въ міръ и всколыхнула миллионы людей вѣсть о чудѣ, и сейчасъ грязень и убогъ, какъ былъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Но теперь онъ пустъ, заколоченъ, и въ двухъ комнатахъ, изъ которыхъ одна была, вѣроятно, кухней, въ двухъ черныхъ холодныхъ норахъ шныряютъ голодные крысы. Надъ низенькой, деревянной дверью крашеная бѣлая доска и на ней аляповатыми, синекрасными буквами: «Здѣсь жила Бернадетта Субиру».

Изъ этого домика, къ которому рѣдко-рѣдко прибредаетъ какойнибудь ненасытный туристъ, изъ этого переулка, никогда не выдавашаго процессій, ни автокаровъ съ иностранцами, — вышла въ 1858 году Бернадетта Субиру со своей сестрой Луизой и подругой — сосѣдкой, Жанной Лебади. Тринадцать съ половиной лѣтъ было ей тогда, и лишь нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ вернулась она домой изъ близкой къ Лурду деревушки Бартрезъ, гдѣ пасла гусей на одной фермѣ. Какъ ни убого было на этой фермѣ, все же богаче и лучше было, чѣмъ дома, въ переулкѣ *Petits Fossés* гдѣ она всегда кашляла, всегда задыхалась, и такія вотъ порученія, какъ пойти за хворостомъ за городъ, къ рѣкѣ, въ безлюдное мѣсто, бывали для нея праздникомъ. Но въ тотъ уже очень хмурый, очень ужъ сѣрый день мать не отпустила ее одну. Съ сестрой и подругой.

Тамъ, гдѣ разсчитывали найти щепки и хворостъ — не нашли. Чтобы не возвращаться домой съ пустыми руками, надо было перейти ручей, и лишь у самого грота, жутко и черно зіявшаго въ отвѣсной скалѣ, можно было чѣмънибудь поживиться. У говорливыхъ спутницъ Бернадетты не хватило отваги перейти босикомъ ледяной ручей. Бернадетта пошла одна. И тамъ, въ гротѣ...

Подруги ничего не видѣли. Только она одна. И о томъ, что она видѣла, о чемъ рассказала сестрѣ и Жаннѣ Лебади, въ тотъ же вечеръ говорилъ весь переулочекъ Petits Fossés. Дома Бернадетта за рассказъ свой получила нахлобучку. Субиру, мать и отецъ, боялись насмѣшекъ сосѣдей. Довольно ужъ было стыда за свою нищету. Но послушная, тихая Бернадетта тайкомъ отъ родителей побѣжала опять къ гроту, и этотъ разъ обстоятельнѣе рассказала о своемъ видѣніи. Бѣлое платье, голубой длинный шарфъ, на ступняхъ золотыя розы, и такъ ласково, ласково на нее смотрѣла... Когда изъ переулка въ переулокъ поплыли толки о рассказахъ Бернадетты, домъ Субиру удостоила своимъ посѣщеніемъ жившая въ сосѣдствѣ жена сборщика податей. Она рѣшила уличить Бернадетту во лжи.

— Что же она тебѣ сказала?

Бернадетта застыдилась, покраснѣла и созналась: «Вы, она мнѣ сказала... Вы, какъ настоящей барышнѣ, вы»...

— А на какомъ языкѣ она съ тобой говорила?

Этого вопроса Бернадетта долго не могла понять. Она не знала о существованіи другихъ языковъ, кромѣ того, на какомъ говорили на фермѣ въ Бартрезѣ и на улицѣ Petits Fossés: по-беарнски. И явившаяся ей Дѣва Пречистая въ бѣломъ платьѣ, съ золотыми розами, съ ласковой улыбкой, съ учтивымъ «вы», какъ никогда никто къ ней не обращался, конечно, говорила съ ней на беарнскомъ діалектѣ. Какъ она иначе могла бы ее понять?

И когда заволновался маленькій тогда, тѣсный городокъ, когда изъ переулковъ съ рыночной площади слухи о видѣніяхъ маленькой Бернадетты, объ указанномъ ей и открытомъ источникѣ дошли до мѣстнаго духовенства, до властей, и на дѣвушку посыпались насмѣшки, угрозы, обвиненія во лжи, въ притворствѣ,

она, — а грозило ей заключеніе въ домъ умалишенныхъ, даже о тюрьмѣ была рѣчь, — она упорно, непреклонно стояла на своемъ: она видѣла, она слышала, на «вы» говорила съ ней Святая Марія, сама отрекомендовалась ей, и такъ ласково, такъ ласково, какъ никто не говорилъ съ ней никогда... У нея хотѣли отнять ея Принцессу, у бѣдной Золушки, и она отстаивала ее упрямо, сурово, скупыми словами — ихъ было такъ мало въ ея лексиконѣ.

Гротъ по распоряженію мѣстной свѣтской власти, былъ заколоченъ. Духовенство одобрило эту мѣру. Оно также скептически, недовѣрчиво отнеслось къ рассказамъ Бернадетты, какъ представители интеллигенціи, какъ парижскія газеты, которымъ видѣнія беарнской пастушки нѣсколько мѣсяцевъ служили темой веселыхъ фельетоновъ. Въ городѣ начались безпорядки. Толпы крестьянъ изъ окрестныхъ деревень, толпы больныхъ, убогихъ, изъ близкихъ и дальнихъ городовъ — требовали открытія грота. Уже были исцѣленія, уже свершились чудеса, и съ каждымъ днемъ плотнѣла масса, которая не могла отказаться отъ мелькнувшей передъ нею надежды на безграничное, нечеловѣческое милосердіе. Волненіе, охватившее край, грозило вылиться въ мятежъ, въ гражданскую войну... Гротъ пришлось открыть, источникъ пришлось обнести каменной оградой, и неминуемо было исполненіе воли, переданной устами Бернадетты — часовню построить, открыть свободный доступъ паломниковъ къ мѣсту видѣнія.

Но когда ліонскій скульпторъ Фабишъ показалъ Бернадеттѣ заказанную ему для грота статую Святой Дѣвы, дѣвочка вспыхнула, расплакалась и убѣждала съ воплемъ: «Нѣтъ, нѣтъ, не то, совсѣмъ не то».

Фабишъ лѣпилъ со словъ Бернадетты: бѣлое платье, голубой шарфъ, золотыя розы на ступняхъ, нѣжная улыбка на устахъ... И такъ не похоже было это

на видѣніе Золушки, что она съ плачемъ выбѣжала изъ мастерской.

I

Быть можетъ еще другая была причина ея слезъ, Но какъ могла она это объяснить? О. де Гарезонъ, редакторъ « Journal de la Grotte » — явилась необходимость и въ такой газетѣ — писалъ о ней: «Бернадетта была кроткая, простая, наивная дѣвочка. Она трогала — не поражала. Умъ этого ребенка былъ негибкій, воображеніе бѣдное. Не обаяніе ея облика, могло зажечь толпу вѣрой въ ея видѣнія, она лишена была дарованія рисовать ярко, увлекать, заинтересовать. Рассказъ ее былъ кратокъ, суховатъ, базцвѣтенъ. Надо было предлагать много, много вопросовъ, чтобы выудить у нея описаніе того, что она видѣла. Говорила она безъ одушевленія, радость ея никогда не поднималась до восторга. Она была... просто незначительна».

Въ то время, когда десятки тысячъ паломниковъ читали эти строки, «незначительной дѣвочки» уже не было въ Лурдѣ. Ее такъ осаждали, такъ мучили, и здоровье ея было такъ плохо — она сама рвалась подальше отъ Лурда. И ее увезли въ Неверъ, въ монастырь Сень-Жильдаръ, гдѣ она тихо умерла на 35-омъ году жизни. Духовенство въ Лурдѣ не удерживало ее, даже поддерживало ее въ благоразумномъ рѣшеніи. Очень ужъ она была не декоративна, очень ужъ не подходила эта Золушка для пышнаго, праздничнаго, великолѣпнаго Лурда, вызваннаго ею изъ небытія въ этотъ сѣрый, холодный февральскій день 1848 года.

Въ этотъ день Лурдъ и отдаленно не напоминаетъ Лурда лѣтнихъ паломничествъ. Въ 1908 г. перебивало здѣсь лѣтомъ 401.000 паломниковъ. Послѣ войны ежегодно отъ 500 до 800 тысячъ... Въ этотъ день на площади передъ гротомъ не лежатъ на носилкахъ больные, увѣчные, страшные, безобразные, жуткіе, не видно язвъ, крови, не слышны стоны, вопли обреченныхъ, полуживыхъ, послѣднюю надежду привезшихъ на

этотъ клочекъ земли, гдѣ когда-то собирала хворостъ «тихая, незначительная дѣвочка»...

11-го февраля «бѣлый городъ» подъ снѣжными позолоченными солнцемъ горами, на берегу пѣнящагося зеленого По, — наряденъ, праздниченъ, благолѣпенъ.

Колокольный звонъ, органъ широко стелящееся пѣніе торжественнѣе, красивѣе, звучать въ морозномъ, чистомъ воздухѣ, чѣмъ въ лѣтней, многолюдной, многоскорбной духотѣ.

Стиль Лурдскихъ церквей? У нихъ нѣтъ никакого стиля. Тяжелое, великолѣпное ихъ безвкусіе ужасало и такихъ глубоко-вѣрующихъ людей, какими были Гюисмансъ, Барресь... И нельзя даже сказать, что это нехудожественно, что это плохо. Это только ужасно. Одни эти круги, полукруги изъ электрическихъ лампочекъ въ церквахъ, однѣ эти густо нанизанныя лампочки на пилъстрахъ и карнизахъ, напоминающія освѣщеніе парижскихъ мостовъ 14-іюля...

Еслибы Бернадетта увидала Лурдъ, празднующій ея первое видѣніе, толпы туристовъ, надписи на бѣлыхъ дощечкахъ «берегитесь карманныхъ воровъ», англичанъ въ свитерахъ и гетрахъ, оживленныхъ миссъ съ «кодаками», процессію — широкой, длинной, черно-бѣлой-голубой рѣкой тянущуюся отъ базилики къ гроту, быть можетъ, она тоже расплакалась-бы, какъ передъ статуей Фабиша, вылѣпленной для грота. Не то, не то, совсѣмъ не то...

Самый гротъ... Онъ весь въ огняхъ, въ костыляхъ. Костыли внутри, снаружи, и еще нѣсколько гипсовыхъ лубковъ, гипсовыхъ корсетовъ память исцѣленныхъ здѣсь, возвращенныхъ къ жизни. И большинство костылей — грубые, простые, дешевые самодѣльные крестьянскіе костыли. А черные камни грота лоснятся, отполированные милліонами припавшихъ къ нимъ устъ, потоками пролитыхъ на нихъ слезъ.

И только этотъ уголъ грота, съ зацѣлованнымъ, напоеннымъ, страданіемъ и вѣрою выступомъ скалы, напомнилъ бы, можетъ быть, Бернадеттѣ. старый Лурдъ и тотъ день, 11-го февраля, когда она въ рваномъ платочкѣ пришла сюда за хворостомъ.

Вечеромъ — процессія съ факелами отъ грота наверхъ къ базиликѣ.

Зрѣлище, напоминающее студенческіе факельпуги въ прирейнскихъ городахъ. И вовсе уже какъ будто бы не нужно. И благолѣпія, поэзіи нѣтъ въ немъ, какъ въ крестномъ ходѣ въ пасхальную ночь вокругъ самой простой деревенской русской церкви.

Послѣ процессіи опять оживленіе на улицахъ, площадяхъ, ярко освѣщены рестораны, кафе, кинематографы, гдѣ идутъ плохія фильмы «Жизнь Бернадетты» — одна хуже, лубочнѣе, неправдивѣе приторнѣе другой.

И только темень, безмолвенъ, спитъ послѣ не-праздничнаго рабочаго дня старый Лурдъ, «сѣрый городъ», съ улицей «Petits Fossés» и заколоченнымъ домикомъ Золушки — откуда все началось.

КОАРАЗЪ НАЙ

Въ маленькомъ городкѣ Най, между По и Лурдомъ, вяжутъ и ткуть береты на весь Беарнъ, а рядомъ въ Коаразѣ, который меньше и малолюднѣе, ничего не вяжутъ и ничего не ткуть. Но отъ горъ, очень высокихъ, нестерпимо для глазъ бѣлыхъ, снѣжныхъ, солнечныхъ, изъ Ная, какъ изъ Коараза, совсѣмъ, совсѣмъ какъ-будто близко, а на самомъ дѣлѣ очень далеко, и эта обманчивая близость влечетъ неодолимо, и можно, не замѣчая усталости, долгіе часы бродить на зовъ все удаляющейся красоты.

Отъ общаго для Коараза и Ная вокзала — широкая платановая аллея — не тропа, и зарости ей нельзя никакъ, и не только потому, что ведетъ она къ памятнику, любезному народу, къ дворцу, гдѣ «а ля пейзажъ» воспитывался Генрихъ IV-й. Аллея эта — дорога проѣзжая, нужная, связывающая, соединяющая, и когда-то оглашали ее не шаловливые гудки автомобильныхъ сиренъ, не ослиные крики, а бранные клики, трубы, лязгъ, звонъ доспѣховъ. Чего-чего только ни перебивало на этомъ крохотномъ клчкѣ земли, на этомъ полчасовомъ теперь проѣздѣ.

Испанцы, сарацины, англичане, — какъ тѣсенъ былъ когда-то міръ, — кто здѣсь не дрался, не вѣшалъ, не жегъ, не грабилъ...

Дворецъ, гдѣ «а ля пейзажъ», — подъ руководствомъ Сюзанны Міосанъ, воспитывался Генрихъ IV-й, смотрѣть нельзя. Дворецъ принадлежитъ господину

Д., и у господина Д. — гости. Въ кафе, куда захожу, меня утѣшаютъ: однѣ только стѣны наружныя остались, да и то не всѣ, внутри же отъ далекой старины — ни слѣда. Богато живутъ новые хозяева и всю обстановку изъ Парижа привезли. Подлинны — это я знаю уже изъ другихъ источниковъ, — одна башня и надпись на ней: «Чему быть, того не миновать».

Когда Генриху IV-му было 15 лѣтъ, когда уже всѣ кругомъ него жужжали ему въ уши, что онъ долженъ оправдать надежды своей матери, Жанны д-Альбрэ, и надежды своихъ вѣнценосныхъ, бездѣтныхъ дядей, — такихъ-то побѣдить, другихъ упразднить, что долженъ быть добрымъ протестантомъ, долженъ быть добрымъ католикомъ, — тогда, по его просьбѣ, надъ однимъ изъ оконъ башни, изъ которыхъ онъ примакивалъ голубей, были выведены эти слова, позднѣе девизъ всей его жизни: «Чему быть, того не миновать». Быть можетъ и не такъ это было, но могло быть такъ.

Но стоитъ прочитать нѣсколько писемъ Генриха IV-го, чтобы пожалѣть о выпавшей ему участи быть королемъ, участи, лишившей Францію замѣчательнаго писателя.

Сколько юмора, ироніи! Какъ онъ восхитительно, остроумно непристоенъ, когда хочетъ быть грубымъ и непристойнымъ, но какая нѣжность и четкость въ описаніяхъ природы, въ разсказахъ объ охотничьей удачѣ или неудачѣ, о злоключеніяхъ въ походахъ, о встрѣчахъ съ оленемъ, съ лисицей. А письма къ женщинамъ, — одно письмо очаровательнѣе другого.

Исторія зарегистрировала имена 54 женщинъ, его возлюбленныхъ, но письма писалъ онъ не всѣмъ пятидесяти четыремъ. Навѣрно, и не всѣ грамотны были. Были среди нихъ — дочь садовника, булочница, чья-то кормилица, жена конторщика, какая-то просто Мартэнъ, какая-то просто Спонде. Генрихъ IV-й, получившій суровое демократическое воспитаніе «а ля пей-

занъ», — былъ демократиченъ во всѣхъ своихъ вкусахъ. Но письма, признанныя шедеврами эпистолярнаго искусства, писалъ онъ лишь нѣсколькимъ избранникамъ, тѣмъ, которыхъ любилъ сильно, горячо, долго и которыхъ его не любили, обманывали и эксплуатировали.

Правда, жизнь въ неустанныхъ походахъ, — а воевалъ онъ уже съ 19 лѣтъ, — быть можетъ, и воспитаніе «а ля пейзажъ», наградили его одной не очень пріятной для чуткаго женскаго обаянія особенностью: отъ него дурно пахло... Онъ и самъ это зналъ, и въ оправдательномъ манифестѣ его къ народу по поводу развода его съ нелюбимой имъ Маргаритой Валуа, дочерью Екатерины Медичи, такія прелестныя строки: «Она говоритъ, эта вѣнценосная распутница, что отъ меня воняетъ чеснокомъ и потомъ. Въ походахъ и бояхъ на защиту и благо превыше всего дорогой мнѣ родины, мнѣ некогда было душиться и натираться благовоніями. Но любопытно знать, какими ароматами тѣшатъ ея обоняніе конюхи, трубочисты, истопники, егеря, которыхъ моя поэтическая супруга...» и т. д. Маргарита добродѣтелью не отличалась. Ни благодарные ей за щедроты современники — поэты, лѣтописцы, ни позднѣе Александръ Дюма, реабилитировать ее такъ и не сумѣли. Но въ письмахъ, которыми супруги обмѣнивались, когда шли переговоры о разводѣ, — ни строки, ни намека на то, какъ неодолимо противны были они другъ другу.

Когда положеніе Генриха IV-го окрѣпло настолько, что онъ могъ отдѣлаться отъ своей «толстой Марго», какъ онъ называлъ свою супругу, онъ поспѣшилъ отъ нея избавиться. «Мой другъ», или «сестра», — душевно именуетъ онъ ее въ письмахъ и проситъ ее помочь ему расторгнуть союзъ, не принесшій счастья ни ей, ни ему. Каждое письмо заключается «почтительнымъ, стократнымъ лобызаніемъ рукъ», — Марга-

рита, уже признанная писательница, — поэтесса, отвѣчаетъ ему язвительно и лукаво: «Ваше Величество, подобно богамъ, не только даруетъ блага и милости своимъ созданіямъ, но еще снисходитъ до утѣшенія ихъ въ горести. Эта высокая честь, свидѣтельствующая о Вашемъ благожелательствѣ, такъ велика, что равной ей можетъ быть развѣ лишь моя преданность его Величеству... И велика была бы моя скорбь, если бы не заглушали ее чувства глубокой признательности за доброту и милость, какими Ваше Величество спроваживаетъ меня...

Вашего Величества покорная и преданная слуга, сестра и подданная».

Генрихъ IV-й нѣсколько лѣтъ уже до развода съ Маргаритой былъ близокъ съ одной изъ немногихъ женщинъ, искренно любившихъ его съ «прекрасной Коризандой», — графиней де Граммонъ. Эта, опоэтизированная потомствомъ — во многихъ городахъ и деревняхъ въ Пиренеяхъ именемъ ее названы улицы, площади, дома, — была ему другомъ, помощницей, даже лишенія боевыхъ походовъ дѣлила съ нимъ, выручала его своими личными средствами и была матерью двухъ его сыновей, которыхъ онъ очень любилъ, какъ, впрочемъ, любилъ всѣхъ безчисленныхъ своихъ дѣтей отъ всѣхъ своихъ возлюбленныхъ. Маргарита де Валуа, въ своихъ мемуарахъ, очаровательно, лукаво - невинно рассказываетъ, какъ одной ночью разбудилъ ее король, сознался въ грѣхѣ, о которомъ она «изъ любви къ нему не хотѣла догадываться, и попросилъ ее оказать помощь ея статсъ-дамѣ, графинѣ де Граммонъ, разрѣшившейся въ ту же ночь дочерью, какъ двѣ капли воды, похожей на короля».

«Одной изъ причинъ, облегчившей мнѣ удаленіе изъ Лувра, — писала Маргарита, — было опасеніе, что король, оцѣнивъ мои акушерскія способности, заста-

вить меня принимать дѣтей у всѣхъ своихъ любовницъ».

Послѣ смерти своей возлюбленной и друга, Корианды,, единственной, которую король посвящалъ въ свои дѣла, государственные планы, неудачи, — онъ страстно горевалъ три недѣли. А къ концу четвертой былъ уже страстно влюбленъ въ Габріэллу д-Эстрэй, его нелюбившую, обманывавшую его съ герцогомъ Беллегардомъ, но которой только смерть отъ родовъ помѣшала стать королевой. Всѣ женщины, любимыя Генрихомъ IV-мъ, хотѣли быть королевами, и всѣмъ онъ обѣщалъ возвести ихъ на тронъ, всѣ онѣ рожали ему дочерей, сыновей, которыхъ онъ награждалъ титулами герцоговъ, маркизовъ, графовъ, и всѣ онѣ жадно добивались власти, интриговали, хитрили, бѣшено ревновали, страдали, мучились и мучили другихъ, и всѣ ушли глубоко въ землю, оставивъ на поверхности ея лишь неувядаемую прелесть легенды.

Въ кафе узнаю, что старинѣ въ этихъ мѣстахъ крышка. Просвѣтила людей война. Пошатались по міру, посмотрѣли, какъ живутъ въ другихъ странахъ и городахъ, и уже не хотятъ по прежнему. Ни за что... А тутъ еще эти «Lafayette», «Printemps», «Au Bon Marché», каждая четверть года заливающіе всѣ города и деревни дождемъ преісъ-курантовъ съ картинками... «Только и осталось отъ прошлаго, что Генрихи IV-е», — съ умной, тонкой усмѣшкой говоритъ старикъ, мѣстный человѣкъ.

— Генрихи IV-е? Это что же за племя такое?

И въ отвѣтъ съ такой же осторожной, тонкой усмѣшкой: — «Ого! И очень даже многочисленное. Въ Найѣ аптекарь — вылитый портретъ Генриха IV-го, помню и отца его — будто съ статуи отлить, чо въ По стоитъ. А въ самомъ По — булочникъ на улицѣ Монпансье, а въ Олоронѣ старикъ, что москательную лавку держитъ

на площади, передъ городскимъ садомъ, а... О, если перебирать, — счета не хватитъ... Да-а, добрый нашъ Генрихъ. Вѣрно о немъ пѣсенка сложена. Слыхали?

И по козлиному, но вѣрно пропѣлъ:

Ce diable à quatre —
Eut le triple talent :
De boire, de battre
Et d'être vert-galant.

Вернувшись домой раскрываю вечеромъ «Братьевъ Карамазовыхъ», и на этихъ вотъ словахъ Ивана Карамзова: «Я хочу въ Европу съѣздить, Алеша. И вѣдь я знаю, что поѣду лишь на кладбище, но на самое, самое дорогое мнѣ кладбище, вотъ что. Дорогіе лежатъ тамъ покойники, каждый камень надъ ними гласитъ о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вѣрѣ въ свой подвигъ, въ свою истину, въ свою борьбу, въ свою науку, что я знаю заранѣе, паду на землю и буду цѣловать эти камни и плакать надъ ними...»

Генрихъ IV-й, сколькихъ жизней живыхъ жарче понынѣ твой прахъ!

КАКЪ Я СЪѢЗДИЛА ВЪ ИСПАНІЮ

Мысль эта созрѣла у меня давно. Въ дни испанскихъ празднествъ въ По. Имѣли они мѣсто вотъ по какому поводу. Передъ тѣмъ, въ близкихъ къ По испанскихъ городахъ, бывшихъ столицахъ Аррагоніи, Хуэскѣ и Сарагосѣ, происходили французскія празднества. И тоже не такъ просто, здорово живешь. Тамъ тоже и тотъ же поводъ былъ.

Чуть ли не десятокъ лѣтъ долбили, долбили съ одной стороны французы, съ другой стороны испанцы мнившійся несокрушимымъ горный каменный хребетъ, и продолбили. Туннель длиною въ восемь километровъ. Изъ Франціи четыре километра вверхъ, въ Испанію четыре километра внизъ. Недоступныя, дикія, суровыя, зимою снѣгомъ, лѣтомъ чахлой хвоей покрытыя скалы сдались. Францію съ Испаніей соединила Транспирейская желѣзная дорога. Контрабандисты въ пограничныхъ кабакахъ свистали, грозили кулаками, кричали, что ихъ не проведешь, а въ городахъ этой новой дорогѣ, особенно радовавшихся, начались празднества. Въ По они были шумны, нарядны и живописны. Пріѣхало содружество испанскихъ студентовъ *Estudiantina* — съ гитарами, цимбалами, баньджо. Милые, застѣнчивые юноши въ черныхъ шелковыхъ рейтузахъ, въ черныхъ туфляхъ съ пряжками, въ бѣлыхъ рюшахъ кругомъ шеи, въ черныхъ плащахъ, играли народныя и студенческія пѣсни, плясали, топали не за страхъ, а за совѣсть, и хотя большого искусства ни въ

игрѣ, ни въ танцахъ не было, но хлопали имъ усердно. За молодость, за робость и за добросовѣстность. Потомъ испанскіе профессора читали лекціи о красотѣ Хуэски и Сарагоссы и о пользѣ, какую Франція можетъ извлечь изъ этого сосѣдства. Читали на какомъ то отдаленно похожемъ на французскій языкъ нарѣчій, но не вполне понятную рѣчь иллюстрировали снимками, отличнымъ волшебнымъ фонаремъ, и это было всѣмъ понятно и всѣмъ интересно.

Тутъ во время празднества стало назрѣвать во мнѣ рѣшеніе: поѣду въ Испанію.

Въ Ниж. Пиренеяхъ такія рѣшенія осуществляютъ тремя способами. Однимъ простымъ и двумя сложными. Простой, это когда есть виза въ Испанію и достаточное количество франковъ для размѣна на пезеты. Это совсѣмъ просто — только сѣсть въ поѣздъ, и уже онъ везетъ куда надо.

Второй способъ, — когда нѣтъ визы и денегъ мало — нѣсколько болѣе сложный: ѣдутъ чудесной долиной Аспъ до испанской границы, лежащей очень высоко, на высотѣ 1600-1700 метровъ, и тамъ, при содѣйствіи рѣдкихъ и еще идиллически - снисходительныхъ пограничныхъ стражниковъ, — проникаютъ въ Испанію. О проникающихъ такимъ образомъ и благополучно возвращающихся рассказываютъ легенды, ихъ отвага уже воспѣта и о такихъ неудачникахъ и смѣльчакахъ существуетъ уже цѣлый фольклоръ.

Третій способъ ознакомленія съ Испаніей, какой избрала я, — самый сложный, дюжальный и надежный. Такъ мнѣ говорили, такъ мнѣ совѣтовали благоразумные люди, и я ихъ совѣтамъ послѣдовала. Изъ По взять билетъ прямо въ Испанію, въ Канфранкъ, — это первая послѣ франко испанскаго туннеля станція. Къ строгостямъ тамъ еще не привыкли, пассажировъ мало, боятся крушеній, каждому отважному туристу тамъ рады, и только тонъ вѣрный найти въ переговорахъ съ

чиновниками — пустять дальше. Хоть до самой Севильи. Ко мнѣ присоединилась русская барышня въ черномъ беретѣ и безъ вида на жительство, забыла его въ Парижѣ, и молодой французскій философъ, почитатель Владиміра Соловьева. Подѣлили мы между собою функціи въ этой экспедиціи такъ: барышня безъ вида на жительство — гробовое молчаніе, я — предъявленіе своихъ бумагъ, философъ — вѣрный тонъ.

Поѣхали.

До Авелевыхъ Рудниковъ — послѣдняя передъ франко испанскимъ туннелемъ станція — — любовались природой, фантастическими скалами, бѣлопѣнными потоками, нагорными лѣсами, снѣгами и сокрушались о томъ, что не было солнца. Впрочемъ, не очень сокрушались. Намъ говорили, что когда по этой французской сторонѣ туннеля не бываетъ солнца, то оно обязательно свѣтитъ на другой, испанской сторонѣ. И наоборотъ. Такое будто бы между державами насчетъ солнца состоялось соглашеніе. Въ туннель стало замирать сердце. Не подавая вида, культурно скрывая свое волненіе, мы, трое спутниковъ, дѣлились нашими видами на ближайшее будущее. У философа, читающаго лекціи въ Женевѣ, было желаніе скромное: только переночевать въ ближайшемъ испанскомъ городѣ Жака, посмотрѣть тамъ соборъ и знаменитую часовню, построенную въ XI-мъ вѣкѣ, въ память побѣды надъ арабами, побѣды, замѣчательной тѣмъ, что она одержана была главнымъ образомъ женщинами, сражавшимися наряду съ мужчинами. Барышня, которой предстояло на границѣ молчать, больше всего улыбалось возвращеніе изъ Испаніи во Францію черезъ снѣжное ущелье Сомпоръ. Я же намѣтила себѣ Сарагосу, предметъ моихъ давнихъ мечтаній. Однимъ своимъ именемъ, такимъ торжественно звучнымъ, волновавшую и сулившую «въ будущемъ подвигъ души», Сарагосу съ ея высокими соборами, тяжелымъ, вѣко-

вымъ мрачнымъ зданіемъ одного изъ стариннѣйшихъ въ мірѣ университетовъ, съ бібліотекой, гдѣ имѣются «уникумы», безцѣнные для книголюба, какъ я. И радость такъ близка, такъ возможна. Только вѣрный тонъ взять въ переговорахъ въ Канфранкѣ...

Пріѣхали.

Но куда? Неужели такъ-таки прямо въ Гренаду вынесло изъ туннеля? Къ самой Альгамбрѣ? На той сторонѣ, на тихомъ маленькомъ французскомъ вокзалѣ, съ ласково учтивымъ скромнымъ начальникомъ станціи, насъ не предупреждали о такомъ великолѣпіи. Ни дать, ни взять, дворецъ Альгамбры... Исполинское бѣлое зданіе съ башнями, зубчатыми стѣнами и ослѣпительная холодная чистота официального дворцового торжества, Безмолвные, угрюмые, въ новыхъ сѣро зеленыхъ мундирахъ карабинеры, въ четырехугольныхъ черныхъ, деревянныхъ, оперныхъ какихъ-то каскахъ, — двумя рядами выстроились отъ поѣзда къ тяжелымъ высокимъ кованнымъ дверямъ. Тѣ же скалы въ снѣгахъ, что на французской сторонѣ, только тѣснѣе обступили ущелья, въ которомъ стоитъ этотъ необычный вокзалъ и на снѣжныхъ вершинахъ, дѣйствительно, солнце...

Оттого ли, что такъ огроменъ, безконеченъ перронъ, оттого ли, что уже смутила духъ торжественность обстановки, но кажется, что будто всего пассажировъ — трое, мы трое предъ неподвижно безстрастными взорами статуеподобныхъ карабинеровъ. Намъ открывается дверь пріятно улыбающійся французъ, оказывается тотъ самый, съ которымъ нашъ спутникъ, философъ, долженъ взять вѣрный тонъ. Онъ его беретъ. Я предъявляю свои бумаги, картъ д-идантите и нансеновскій паспортъ, барышня погружается въ гробовое молчаніе. Паспортъ философа и мои бумаги французскій чиновникъ, быстро просмотрѣвъ, передаетъ выросшему подлѣ него чернобровому, черноглазому, смугло-

щекому, настоящему, словомъ, испанцу, и этотъ, паспорту философа удѣливъ одно мгновеніе, свои широкіе, круглые глаза вонзаетъ въ мои бумаги. Читаетъ и шепчетъ, читаетъ и шепчетъ, потому что-то погромче французскому чиновнику, который съ пріятнѣйшей, любезнѣйшей французской улыбкой мнѣ сообщаетъ:

— Вы арестованы.

— И меня сейчасъ же отведутъ въ тюрьму? — любезно освѣдомляюсь я. — Или разрѣшите передъ этимъ чашку кофе выпить на вокзалѣ?

Опять зашептались, французъ мягко убѣждалъ, испанецъ твердо возражалъ.

Въ концѣ концовъ, кофе пить разрѣшилъ въ вокзальномъ, конечно, буфетѣ, изъ стѣнъ вокзала не выходитъ, а пока я буду кофе пить, пойдетъ въ Мадридъ телеграмма съ запросомъ, какъ со мной поступить. Философу заявлено было, что онъ воленъ поѣхать дальше въ Испанію, «препятствій не имѣется»..

Въ вокзальномъ буфетѣ, огромномъ, торжественномъ, холодномъ, какъ тронный залъ, предстояло пить кофе шесть часовъ двадцать три минуты, — до отхода поѣзда обратно во Францію. Когда насъ подъ конвоемъ изъ шести карабинеровъ и четырехъ стрѣлковъ, въ ловкихъ, темно - желтыхъ мундирахъ, щегольски отдѣланныхъ бѣлой кожей, вели по перрону въ буфетъ, французскій чиновникъ умудрился шепнуть намъ, что телеграмма въ Мадридъ это такъ, для острастки, чтобы отбить охоту ѣздить въ Испанію безъ визы.

Мы съ барышней сѣли пить кофе. Пили его долго, добросовѣстно, на нѣсколько долгихъ мгновеній растягивая каждый глотокъ; философъ, пользуясь предоставленной ему свободой, побѣждалъ знакомиться съ Испаніей. Вскорѣ прибѣжалъ и сообщилъ, что видѣлъ очень живописную старую башню, очень живописную старую женщину и одну козу. Удовлетворивъ нашу лю-

бознательность, отвѣтивъ на всѣ наши жадные запросы о башнѣ, о старухѣ, о козѣ, убѣждалъ опять и вернулся уже съ картузикомъ настоящаго испанскаго печенья, точь въ точь такого, какое продается въ каждой французской «эписери», и пачкой почтовыхъ открытокъ: всѣ онѣ изображали зданіе вокзала, другихъ не было. Въ Канфранкѣ все фотографическое производство исключительная монополія вокзальной администрации.

Жадно внимая каждому его слову, узнаи мы также, что вѣтеръ дуетъ такъ сильно, какъ никогда не дуетъ на французской территоріи

Совсѣмъ какъ въ кладбищенской сценѣ въ трагедіи Кальдерона... Когда мы разглядывали открытки, изображавшія вокзалъ, гдѣ мы сидѣли, въ буфетъ вошелъ испанецъ, общавшій послать телеграмму въ Мадридъ, смотрѣлъ, смотрѣлъ въ нашу сторону, слушалъ, слушалъ, что-то тихо сказалъ буфетчику и, не глядя на насъ ушелъ. Вслѣдъ за его уходомъ показались за окнами карабинеры и не успѣли они закрѣпить въ своей памяти наши черты, выплыли медлительно и важно черные силуэты патеровъ. Ихъ было четверо и всѣ были живыми портретами Торквемады.

Стало жутко... Испанскій вѣтеръ, бушевавшій на улицахъ Канфранка, такого близкаго къ Сарагоссѣ городка, дулъ во всѣ щели. Мигавшее въ двухъ лампочкахъ на весь длинный высокій залъ электричество создавало то именно настроеніе, какое нужно для воскрешенія въ памяти герцога Альбы, великихъ инквизиторовъ, кардинала Эспинозы, Рюи Гомеца де Сильва, помогавшихъ Филиппу II въ упраздненіи несчастнаго Донъ Карлоса... Я вспоминала, русская барышня ѣла испанское печенье, французскій философъ смотрѣлъ на русскую барышню, а стрѣлка на часахъ двигалась съ убійственной медленностью. Мнѣ казалось, что она не двигалась вовсе, что она остановилась въ тотъ мигъ, ког-

да испанецъ шепнулъ буфетчику рѣшившія, быть можетъ, мою участь слова...

Уже было совсѣмъ темно, когда глухо загудѣло, глухо зазвенѣло, задрожали скалы, зашумѣло отъ радости въ ушахъ. Наконецъ-то: поѣздъ! Передъ нами широко, радушно раскрылись двери и сопровождаемые карабинерами, вновь выплывшимъ круглолицымъ испанцемъ, мы быстро, какъ на крыльяхъ, бросились къ вагону...

Прощай, гостепріимная, прелестная страна! Кромѣ богатыхъ впечатлѣній вывезла я изъ этой поѣздки еще насморкъ и розовый на почтовой маркѣ портретъ Альфонса XIII. Но въ вагонѣ я марку потеряла, и остался только насморкъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

По слѣдамъ Гейне:	стр.
Госларъ	5
Клаусталь	9
Въ шахтѣ	13
Перелетныя птицы	17
Дворецъ Его Высочества	22
На Брокенѣ	28
Прогулка	33
<i>Galanto Vilo.</i>	40
Англь	46
Дубъ	50
Камаргъ	54
Серпантинъ	61
Синій домикъ	67
Нимъ	72
Бѣлыя дощечки	77
Буржъ	82
Пикампо	87
Бурдигала	93
Звѣзда Мадрида	99
Звѣринецъ Бр. Ивановыхъ	104
На родинѣ добраго короля Генриха	109
Знатный гербъ	115
По горамъ и доламъ	120
Въ древней столицѣ Беарна	127
Развалины луны	133
Золушка	140
Коаразъ Най	147
Какъ я съѣздила въ Испанію	153